

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Политология. История.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Political Science. History.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

4
2022

VESTNIK RGGU. Seriya "Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series
Academic Journal
Quarterly issues.

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is included in: the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific magazines journals and other editions for publishing Ph.D. research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.5. Political studies:

5.5.2. Political institutions, processes, technologies (political sciences)

5.5.4. International relations (political sciences)

5.6. Historical sciences:

5.6.1. Russian history (historical sciences)

5.6.2. World history (historical sciences)

5.6.5. Historiography, source study, methods of historical research (historical sciences)

5.6.7. History of international relations and foreign policy (historical sciences)

Purposes and Field: RSUH/RGGU BULLETIN "Political Science. History. International Relations" Series is an academic, peer-reviewed journal aimed at achieving the synthesis of research results in historical and political sciences, international relations, and world regional studies. The journal focuses on prominent issues of domestic and foreign development and international relations observed from historical retrospective as well as historical perspective. This journal is opened to theoretical and methodological researches, to the analysis of current dynamics of the political processes in Russia and in other countries, to inter-cultural communications in their regional and global dimensions.

The objectives of the series are:

- to unite the research trends oriented to the integrated political and historical study of contemporary society, international processes, countries and regions, and of intellectual history and historical politics;
- to promote the perspective forms of study (analysis, expertise, working out scenarios and projects);
- to encourage an academic discussion inside the country and initiate an academic exchange between Russian and foreign scholars on the current historical and political issues;
- to give an impetus to a new generation of scholars in history and political science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Keywords: political science, history, historical politics, historiography, social and political communication, world integrated area studies, international relations, foreign policy, diplomacy

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and MassMedia, reg. no. FS77-73405 of 03.08.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Square, 125047

e-mail: panov.a@rggu.ru

zhuravlevavic@mail.ru

© RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series, 2022

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.5. Политология:

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

5.5.4. Международные отношения (политические науки)

5.6. Исторические науки:

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)

5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Цели и область: ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – академический, рецензируемый журнал, нацеленный на междисциплинарный синтез результатов исследований в области исторических и политических наук, международных отношений и мирового комплексного регионоведения. Журнал ориентирован на осмысление наиболее значимых проблем внутри- и внешнеполитического развития и международных отношений с учетом исторической ретроспективы и перспективы, на теоретические и методологические исследования, на изучение актуальной динамики политических процессов в России и различных странах, а также межкультурной коммуникации в ее региональном и глобальном измерениях.

Задачи серии:

- объединить исследовательские направления, ориентированные на комплексное историко-политологическое изучение современного общества, международных процессов, отдельных стран и регионов, интеллектуальной истории и исторической политики;
- способствовать поиску и апробации перспективных форм исследовательской деятельности (аналитика, экспертиза, разработка сценариев и проектов);
- стимулировать научную дискуссию внутри страны, а также научный обмен между российскими и зарубежными исследователями по актуальным историко-политологическим проблемам;
- содействовать формированию нового поколения исследователей-историков и политологов.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Ключевые слова: политология, история, историческая политика, историография, социально-политическая коммуникация, мировое комплексное регионоведение, международные отношения, внешняя политика, дипломатия

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС77-73405 от 03 августа 2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6

электронный адрес: panov.a@rggu.ru

zhuravlevavic@mail.ru

© Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения», 2022

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

O.V. Pavlenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

M.A. Andreev, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Sciences), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

A.D. Voskresensky, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Ph.D. (University of Manchester), Moscow State Institute for International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation

M.A. Gordeyeva, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Sciences), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Durnotsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Zhabrov, Cand. of Sci. (Political Sciences), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

I. Klyukanov, Ph.D., Dr. of Sci. (Philology), professor, Eastern Washington University, Cheney, USA

E.M. Kozhokin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

M. Kramer, Dr. of Sci. (History), Harvard University, Cambridge, USA

A.K. Magomedov, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

V.S. Mirzekhanov, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation

A.S. Panov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

P. Ruggenthaler, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria

E.Yu. Sergeev, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation

A.S. Usatchev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A. Filler, Ph.D., University Paris VIII, Paris, France

D.S. Foglesong, professor, Rutgers University, New Jersey, USA

L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

T.A. Shakleina, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs, Russia, Moscow, Russian Federation

B. Shteltse-Marks, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria

A.L. Iurganov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editors:

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, RSUH

L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), professor, RSUH

A.S. Panov, Cand. of Sci. (History), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

О.В. Павленко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

М.А. Андреев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

А.Д. Воскресенский, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

М.А. Гордеева, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.Н. Грачев, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Жабров, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И. Ключанов, доктор филологических наук, профессор, Восточно-Вашингтонский университет, Чейни, США

Е.М. Кожокин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

М. Крэмер, доктор исторических наук, Гарвардский университет, Кембридж, США

А.К. Магомедов, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.С. Мелкумян, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.С. Мирзеханов, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация

А.С. Панов, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

П. Руггенталер, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия

Е.Ю. Сергеев, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация

А.С. Усачев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А. Филлер, Ph.D., Университет Париж VIII, Франция

Д.С. Фоглсонг, доктор исторических наук, профессор, Университет Ратгерс, Нью-Джерси, США

Л.А. Халилова, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Т.А. Шаклеина, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

Б. Штельцель-Маркс, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия

А.Л. Юрганов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск:

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, РГГУ

Л.А. Халилова, кандидат филологических наук, профессор, РГГУ

А.С. Панов, кандидат исторических наук, доцент, РГГУ

Contents

International Relations. History, Historiography, Methodology

Evgeny Yu. Sergeev

“World revolution” on the outskirts of the British Empire
in the second half of the 1920’s. Myth or reality? 10

Sergei V. Lebedev, Roman I. Blagoveshchenskii

Historical and social origins of British euroscepticism 33

Countries and Regions of the World. Development Dynamics and Models of Cooperation

Anna D. Shcherbakova

Brazil’s regional leadership in the early 21st century 49

Maria N. Mokhovikova

Uzbekistan in the regional partnership projects 60

Sociopolitical Processes in the Past and in the Present

Vasilii I. Kasenkov

Arctic policy of the conservative and liberal government
of Canada in 1993–2011 74

Aleksei A. Almatov

The efficiency of state property support for NGO
in the regions of the Russian Federation 84

Bookshelf

Vasilii S. Khristoforov

The Taliban between religion and tribal traditions. [Book review]:
Marsden P. The Taliban. War and religion in Afghanistan /
Transl. from English by E. Egorova, E. Klinova.
M.: Publishing House “Gorodets”, 2022. 320 p. 96

Alexander I. Kubyshkin

To melt the ice of the Cold War with the help of academic dialog.
[Book review]: The end of the Cold War in representations
of its contemporaries and historians, 1975–1991 /
Ed by O.V. Pavlenko, V.I. Zhuravleva. M.: RGGU, 2021. 301 p. 108

Содержание

Международные отношения: история, историография, методология

Сергеев Е.Ю.

«Мировая революция» на окраинах Британской империи
во второй половине 1920-х гг.: миф или реальность? 10

Лебедев С.В., Благовещенский Р.И.

Исторические и социальные истоки британского евроскептицизма 33

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

Щербакова А.Д.

Региональное лидерство Бразилии в начале XXI в. 49

Моховикова М.Н.

Узбекистан в проектах регионального партнерства 60

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

Касенков В.И.

Арктическая политика консервативного
и либерального правительств Канады в 1993–2011 гг. 74

Алмаматов А.А.

Эффективность государственной имущественной поддержки
СОНКО в регионах РФ 84

Книжная полка

Христофоров В.С.

Талибы между религией и традициями племен. Рецензия на книгу:
Марсден П. Талибан: Война и религия в Афганистане /
Пер. с англ. Е. Егоровой, Е. Клиновой.
М.: ИД «Городец», 2022. 320 с. 96

Кубышкин А.И.

Растопить лед холодной войны при помощи академического диалога.
Рецензия на книгу: Окончание холодной войны в восприятии
современников и историков, 1985–1991 / Под ред. О.В. Павленко,
В.И. Журавлевой. М.: РГГУ, 2021. 301 с. 108

Международные отношения: история, историография, методология

УДК 327.2(410)

DOI: 10.28995/2073-6339-2022-4-10-32

«Мировая революция» на окраинах Британской империи во второй половине 1920-х гг.: миф или реальность?

Евгений Ю. Сергеев

*Институт всеобщей истории РАН
Москва, Россия, eugene.sergeev59@gmail.com*

Аннотация. Основанная на использовании широкого круга источников, включающих российские и британские архивные документы, опубликованную дипломатическую переписку, дневники участников событий и прессу, статья посвящена попыткам реализации Коминтерном идеи «мировой революции» в государствах Среднего Востока – Персии и Афганистане, а также в китайских владениях – Синьцзяне и Тибете, которые в рассматриваемый период второй половины 1920-х гг. фактически обрели независимый статус. Автор последовательно рассматривает различные формы и методы экспорта революционных практик на территорию азиатских окраин Британской империи, ключевое положение в которой занимал Индостан. В результате исследования было установлено, что к началу 1930-х гг. концепция «мировой революции» как одно из направлений советской внешней политики претерпела трансформацию из реальности в миф, который стал выполнять главным образом пропагандистские функции. Кроме того, автор пришел к заключению, что эта трансформация оказывала серьезное влияние на развитие советско-британских отношений в годы правления второго консервативного правительства С. Болдуина, носившее зигзагообразный характер – от состояния взаимной конфронтации в 1925–1926 гг. через разрыв 1927 г. к восстановлению после возвращения к власти лейбористской партии в 1929 г.

Ключевые слова: Британская империя, советско-британские отношения, «мировая революция», Персия, Афганистан, Синьцзян, Тибет

Для цитирования: Сергеев Е.Ю. «Мировая революция» на окраинах Британской империи во второй половине 1920-х гг.: миф или реальность? // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 4. С. 10–32. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-4-10-32

© Сергеев Е.Ю., 2022

“World Revolution”
on the outskirts of the British Empire
in the second half of the 1920’s. Myth or reality?

Evgeny Yu. Sergeev

*Russian Academy of Sciences Institute of World History
Moscow, Russia, eugene.sergeev59@gmail.com*

Abstract. Based upon the wide range of sources, including Russian and British archival documents, published diplomatic correspondence, diaries penned by some eye-witnesses and newspaper commentaries, the article dwells upon the attempts by the Comintern to bring to life the ideas of “world revolution” in the Middle East states – such as Persia and Afghanistan, as well as in the Chinese possessions – Sinkiang and Tibet, which in the period under review – the second half of the 1920s, gained a quasi-independent status. The author meticulously examines various forms and methods of exporting revolutionary practices to the British Empire Asian outskirts, where Indian subcontinent occupied a key position. As a result of the study, it was established that by the beginning of the 1930s, the concept of the “world revolution” as one of the directions of Soviet foreign policy underwent a transformation from reality into a myth, which began to perform mainly propaganda functions. Besides that, the author came to conclusion that the transformation had a serious impact on the development of Soviet-Britain relations during the second conservative government of S. Baldwin, being zigzag in nature – from the state of mutual confrontation in 1925–1926, through the rupture of 1927, to the restoration after the return to power of the Labour Party in 1929.

Keywords: British Empire, Soviet-British relations, “world revolution”, Persia, Afghanistan, Sinkiang, Tibet

For citation: Sergeev, E.Yu. (2022), “‘World Revolution’ on the outskirts of the British Empire in the second half of the 1920’s. Myth or reality?”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 10-32, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-4-10-32

Хорошо известно, что идея «мировой революции», понимаемая как интернациональная солидарность трудящихся в борьбе за свержение правящих режимов и радикальное преобразование социальных отношений, формировалась в представлениях мыслителей, политических и общественных деятелей на протяжении XVII–XIX вв. Большое влияние на ее концептуализацию оказали демократические движения в ведущих европейских государствах, прежде всего Великобритании, Франции, Германии и США. Свою законченную форму эта идея получила в «Манифесте Коммунистической партии», опубликованном К. Марксом

и Ф. Энгельсом в 1848 г. Текст манифеста не оставлял у читателя сомнений в целях его авторов: «Пусть господствующие классы содрогаются перед коммунистической революцией. Пролетариям нечего в ней терять, кроме своих цепей. Приобретут же они целый мир»¹.

Международными организациями, которые прямо поставили перед собой задачу осуществления «мировой революции», стали Первый и Второй Интернационалы – объединения рабочих, созданные при непосредственном участии основателей марксизма. Однако их возникновение и деятельность по объективным причинам, рассмотрение которых выходит за рамки статьи, не повлекли за собой немедленного перехода к осуществлению этой идеи. Только в результате мировой войны и российской революции 1917–1922 гг. сложились, как полагали тогда лидеры международного социалистического движения, реальные условия для «раздувания мирового пожара», используя метафору А.А. Блока. И главную роль в этом процессе, по замыслу В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, Г.Е. Зиновьева, Н.И. Бухарина и других большевистских лидеров, должен был сыграть уже Третий, Коммунистический Интернационал (Коминтерн), образованный на конференции представителей крайне левых политических сил в Москве 4 марта 1919 г.

Разумеется, не требует доказательств тот факт, что противники большевизма во всех цивилизованных странах восприняли создание Коминтерна, руководители которого сразу же приступили к практическому достижению главной цели его существования, как серьезную угрозу восстановлению миропорядка, нарушенного глобальной военной катастрофой и революционными силами, стремившимися использовать ситуацию для захвата политической власти. «Социализм или гибель в варварстве» – такой лозунг, выдвинутый Р. Люксембург – пламенной германской революционеркой в одном из программных документов группы «Спартак», указал на проблему, с которой столкнулась либеральная демократия в западных странах [Драбкин 1998, с. 4].

Цель автора статьи состоит в освещении важного, но фактически неисследованного и остающегося дискуссионным вопроса о том, насколько реализация идеи «мировой революции» представляла опасность для существования крупнейшего по территории и населению государства планеты – Британской империи. О далеко недостаточной изученности интересующей

¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 4. С. 419–459.

нас темы свидетельствует, к примеру, включение составителем в объемистый тематический сборник «Коминтерн и идея “мировой революции”» всего лишь четырех небольших документов, касающихся перспектив социальной революции в Соединенном Королевстве, из фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) [Драбкин 1998, с. 464–467, 534–538, 589–598, 811–814]. При этом даже в этих документах речь идет преимущественно о положении дел в самой метрополии, но никак не на окраинах империи, раскинувшейся на территории пяти континентов.

К сожалению, объем статьи вряд ли позволяет даже пунктирно обрисовать положение дел на всех границах Британской империи. Кроме того, следует принять во внимание специфику ситуации, которая складывалась именно в регионах бывшей Большой Игры между Петербургом и Лондоном – т. е. их геополитического соперничества по навязыванию странам и народам Азии соответственно демократической и авторитарной моделей индустриальной модернизации в конце XIX – начале XX в. [Сергеев 2012, с. 6]. Поэтому автор фокусирует внимание на Персии, Афганистане, Синьцзяне и Тибете, которые во второй половине 1920-х гг. составляли важнейшие контактные зоны взаимодействия Британской империи и Советского Союза, сменившего самодержавную Россию в качестве ведущего актора международной политики на пространствах Евразии.

Уже сам заголовок статьи дает представление о вопросах, ответы на которые потребуют авторской интерпретации событий рассматриваемого периода, характеризовавшегося противоречивыми тенденциями советско-британских отношений. Напомним, что правительство консерваторов во главе с премьером С. Болдуином и министром иностранных дел О. Чемберленом пришло к власти после всеобщих выборов на волне антикоминтерновского бума в Соединенном Королевстве октября – ноября 1924 г., который был вызван скандальным инцидентом вокруг так называемого «письма Зиновьева» в адрес руководства Коммунистической партии Великобритании [Сергеев 2019, с. 507–529]. Последовавшие несколько лет запомнились современникам как период зигзагообразного развития двусторонних дипломатических контактов – от холодной отчужденности 1925–1926 гг. через разрыв (в британской трактовке – приостановки) в 1927 г. до восстановления в конце 1929 г., правда, уже при втором лейбористском кабинете Р. Макдональда.

Учитывая специфику отношений между Москвой и Лондоном, включавших политическое противостояние на фоне в це-

лом поступательного развития экономического взаимодействия и активизации к началу 1930-х гг. культурного обмена, несомненный интерес вызывают разработка и попытки осуществления их стратегических планов в пограничных районах упоминавшихся азиатских государств. Задача реконструкции советской и британской внешнеполитической деятельности на их территории заставляет исследователя аргументировать ответ на закономерный вопрос об идее «мировой революции» как основного мотива ответных действий британской дипломатии в Азии. Либо эта концепция ко второй половине 1920-х гг. все же начала отходить на второй план, уступая место геополитическим интересам обеих держав? А возможно, следует учитывать какие-то дополнительные факторы, заставившие Москву и Лондон адаптировать свои действия на Среднем Востоке к постоянно менявшейся обстановке в условиях подъема волны региональных националистических движений в Персии, Афганистане и Китае, правительство которого пусть во многом формально, но контролировало Синьцзян и Тибет?

Говоря о корпусе привлекаемых источников, назовем дипломатическую переписку из российских и британских архивов, аналитические обзоры и сводки разведывательных структур обеих стран, программные документы Коминтерна о задачах работы в странах Востока, выступления и интервью политических деятелей, наконец, материалы личного происхождения, которые оставили участники и очевидцы описываемых событий.

Подчеркнем также, что, несмотря на внушительное количество публикаций о коллизиях в отношениях между Москвой и Лондоном с проекцией на ключевые регионы Азии, в историографии до настоящего времени отсутствуют специальные работы, посвященные компаративной реконструкции динамики советско-британского противостояния на Среднем Востоке и прилегающих к нему обширных пространствах Синьцзяна и Тибета. Между тем, по убеждению автора, без устранения имеющихся лакун трудно рассчитывать на глубокое понимание механизма и характера функционирования Версальско-Вашингтонской системы в период ее зрелости.

При этом нелишним будет указать на оживленные, а порой весьма острые дискуссии, которые возникали между представителями высших эшелонов власти, как в Советском Союзе, так и Великобритании, относительно стратегических направлений и практических мер по обеспечению их геополитических интересов в азиатских регионах. Иллюстрацией служит, например, следующее высказывание главы Народного комиссариата ино-

странных дел (НКВД) Г.В. Чичерина на Третьем съезде Советов в мае 1925 г.: «Политика Англии заключается в том, что Англия официально отрицает враждебные замыслы против нас, а фактически мы встречаем повсюду на нашем пути противодействие английских агентов. В чем их стремление, чего они хотят?.. Мы этого не знаем, это неясно. Политика Англии текуча, там борются разные тенденции»². Своеобразным «зеркальным отражением» указанной ситуации в британской властной элите выступало соперничество подходов к внешней политике среди кремлевских руководителей, сопровождавшееся острейшей борьбой за власть различных группировок среди высшей партийной номенклатуры. Если Троцкий, Зиновьев и их сторонники продолжали выступать с позиций «экспорта» коммунистической революции за рубеж, то И.В. Сталин вместе с большинством членов ЦК ВКП(б) заняли оборонительные позиции, считая СССР «осажденной крепостью». Именно они к середине 1920-х гг. сформулировали концепцию «построения социализма в одной стране» [Tucker 1977, p. 567]. А приверженцы «третьей линии» в лице Г.В. Чичерина, Л.Б. Красина, Г.Е. Сокольников и других стремились к поддержанию мирного сосуществования с западными странами в течение длительного периода, опираясь на поддержку их леволиберальной интеллигенции и других слоев общества, сочувствовавших большевистскому «социальному эксперименту» [Ulam 1968, p. 163].

Здесь стоит подчеркнуть, что кремлевское руководство обсуждало вопросы внешней политики, не исключая ситуации в странах Азии, преимущественно на заседаниях Политбюро (ПБ) ЦК ВКП(б), образуя в случае чрезвычайных обстоятельств специальные комиссии, как, например, персидскую, афганскую или китайскую [Алексеев 2010, с. 77]. Традиционно эти временные консультативные структуры включали членов ПБ, представителей Реввоенсовета республики, руководителей спецслужб и экспертов-международников. Главный аргумент, который приводили большевистские руководители вне зависимости от точки зрения на развитие отношений с Великобританией и другими западными странами, заключался в том, что «без союза с СССР нет спасения зависимым и слабым нациям»³. Такое мнение ос-

² Речь Чичерина на Третьем съезде Советов СССР, 14 мая 1925 г. // Документы внешней политики СССР (ДВП СССР) / Отв. ред. А.А. Громыко. М.: Госполитиздат, 1963. Т. 8. С. 299.

³ Наступление английского империализма на Афганистан и Персию: статьи, документы, материалы. Ташкент: Изд. Бюро прессы Среднего Востока при Средазбюро ЦК ВКП(б), 1929. С. 4.

новывалось на донесениях разведывательных служб о росте национально-освободительного движения на Востоке и необходимости «коммунистической милитаризации» таких стран, как Персия, Афганистан и Китай⁴.

В свою очередь, британское правительство еще в 1922 г. создало межведомственный Комитет по беспорядкам на Востоке (Committee on Eastern Unrest), члены которого после некоторой паузы возобновили регулярные заседания в марте 1926 г., когда решением Кабинета он структурно был подчинен Комитету имперской обороны (Committee of Imperial Defence) [Fisher 2000, p. 7–14, 16]. Чиновники высокого ранга, обсуждавшие меры по противодействию «коммунистической угрозе» имперским владениям, демонстрировали глубокую уверенность в том, что, цитируя министра транспорта Э. Уилфрида, «в Египте, Индии, даже среди племен Центральной Африки, коммунисты заняты возбуждением ненависти и презрения к белому человеку и плодам его деятельности» [Ashley 1925, p. 633]. Иными словами, распространение «мировой революции» на Восток, а в интерпретации советских представителей, например исполнявшего обязанности полпреда в Лондоне Х.Г. Раковского, политика «поддержки самоопределения народов Азии» угрожала в понимании Уайтхолла распадом Британской империи. Понятно, что такая перспектива исключала какую-либо возможность нормализации двусторонних отношений⁵.

Переходя к рассмотрению событийной ткани второй половины 1920-х гг., выделим *Персию* как одну из важнейших стран, занимавших промежуточное положение между двумя империями на Среднем Востоке. Новый раунд их соперничества происходил на фоне утверждения режима шаха Реза Пехлеви, пришедшего к власти в результате правительственного переворота 12 декабря 1925 г. Еще за полгода до этого события британский посланник в Тегеране П. Лорейн сообщал в Форин офис о политической стабильности, улучшении государственного администрирования и экономическом прогрессе как лучших «лекарствах от коммуни-

⁴ Краткий ориентировочный доклад Разведывательного управления Штаба РККА председателю Реввоенсовета СССР М.В. Фрунзе, 28 апреля 1925 г. // Глазами разведки: СССР и Европа: 1919–1938 гг.: Сборник документов из российских архивов / Сост. М. Уль и др. М.: Историческая литература, 2015. С. 181; Краткий ориентировочный доклад Разведывательного управления Штаба РККА председателю Реввоенсовета СССР М.В. Фрунзе, 20 июля 1925 г. // Там же. С. 199.

⁵ Раковский – Литвинову, 3 апреля 1925 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 069. Оп. 9. Пап. 20. Д. 4. Л. 16.

стической инфекции». «В 1921 г., когда я [т. е. Лорейн. – *Е. С.*] приехал в Персию, – продолжал свое донесение дипломат, – большевики определенно имели все козыри на руках, но все испортили. Им не удалось извлечь выгоду из тех возможностей, которые им предоставил советско-персидский договор марта 1921 г. Они растратили впустую в ходе глупых интриг доброжелательные чувства, которые к ним испытывало местное население, а их тактика и поведение привели скорее к подозрениям и негодованию, чем к успокоению»⁶.

Комментируя это заявление, напомним читателю, что речь в нем идет о неудавшейся попытке Москвы в лице Зиновьева и других руководителей Коминтерна, используя сепаратистское движение, добиться в 1920–1921 гг. создания в северо-западном регионе Персии так называемой Гилянской советской республики с перспективой ее присоединения к Азербайджану. Хотя Чичерин, его заместитель Л.М. Карахан и большевистские представители в Тегеране – полпреды К.К. Юренев (с 1925 по 1927 г.) и Я.Х. Давтян (с 1927 по 1930 г.) неустанно заверяли правительство шаха в невмешательстве и поддержке. Важную роль с точки зрения восстановления позиций Москвы на севере Ирана, особенно в экономической области, были призваны сыграть советско-персидский договор о нейтралитете, торговая и таможенная конвенции, а также соглашение о сдаче в аренду на 25 лет пристаней в каспийском порту Энзели, подписанные 1 октября 1927 г. [Хейфец 1968, с. 260; Володарский 1985, с. 120].

Тем самым во второй половине 1920-х гг. фактически наблюдалась реанимация довоенной линии российской дипломатии. Неслучайно ведущие персидские газеты пришли к следующему заключению: «В основе своей политики Россия совершенно не изменилась, и теперешние правители Севера продолжают, в сущности, ту же политику, что проводили и (А.П. – *Е. С.*) Извольский и (С.Д. – *Е. С.*) Сазонов (министры иностранных дел соответственно с 1906 по 1910 г. и с 1910 по 1916 г. – *Е. С.*)... Они (большевики. – *Е. С.*) желают привлечь к себе народы Азии для того, чтобы проложить себе дорогу к Персидскому заливу, Оманскому морю и Индии» [Володарский 1985, с. 107–108]. А уже известный нам посланник Лорейн констатировал в одной из депеш, направленных из Тегерана в Лондон: «Московская политика здесь – разновидность империализма: они действуют как русские, а не как большевики, и их главная цель создавать трудности для нас

⁶ Lorraine to A. Chamberlain, 16 June 1925 // The National Archives of the United Kingdom (TNA), Foreign Office (FO) 800/258/165.

и между нами и Персией. Для этого они оживили пресловутую тактику запугивания персидского правительства»⁷.

Со своей стороны, британская дипломатия также на словах выступала за консолидацию режима Реза-хана, предложив ему помимо щедрых финансовых субсидий помощь в реализации инфраструктурных проектов развития дорожной сети, строительства линий связи, аэродромов и морских портов⁸. Поистине символом новой политики Лондона на Среднем Востоке должно было стать открытие в 1928 г. регулярной авиалинии Лондон–Каир–Карачи. Однако в реальности британцы стремились прежде всего контролировать торговое судоходство в районе Персидского залива, но главное – национальную нефтедобычу через «Англо-Персидский Ойл Компани» (Anglo-Persian Oil Company), акционерами которой являлись некоторые высокопоставленные лица в кабинетах Уайтхолла. При этом учреждение все новых и новых консульских учреждений в провинциях обширной страны давало Лондону возможность использовать различные средства давления на Тегеран, включая оказание тайной поддержки арабским племенам Хузистана – юго-восточной провинции, пограничной с Ираком [Южный 1928, с. 47–49].

Некоторые историки обращали внимание на угрозу позициям Британии в случае формирования у границ Индостана военно-политического блока в составе Турции, Персии и Афганистана под эгидой СССР. Однако серия договоров между Анкарой, Тегераном и Кабулом о тесном сотрудничестве, заключенных в 1926–1928 гг., выступала прежде всего свидетельством неприятия этими государствами во главе с национальными лидерами как большевистской пропаганды, так и сохранения привилегированного статуса британских юридических и физических лиц [Володарский 1985, с. 122–131].

Учитывая предложение Чичерина в адрес Чемберлена восстановить действие положений российско-британской конвенции 1907 г. [Sabahi 1990, р. 198–200], говорить об угрозе «экспорта мировой революции» в страну, власти которой жестоко преследовали членов местной компартии, не приходилось вовсе. Хотя опасения по поводу «наводнения» приграничных персидских территорий большевистскими агитаторами долгое

⁷ Loraine to A. Chamberlain, 15 February 1926 // Documents on British Foreign Policy (DBFP) / Ed. by W.N. Medlicott, D. Dakin, M.E. L.: HMSO, 1966. Ser. 1A. Vol. 1. P. 823.

⁸ Наступление английского империализма на Афганистан и Персию... С. 10–22.

время сохранялись у дипломатов и военных администраторов, новый посланник в Тегеране Р. Клайв, проводивший мониторинг перемещений советских официальных лиц и секретных агентов Коминтерна по территории Персии, с удовлетворением информировал руководство Форин офис в феврале 1929 г.: «Я убежден, что в настоящее время установленная политика шаха и министра двора (А.Х. Теймурташа – ближайшего сподвижника нового персидского правителя Реза Пехлеви. – *Е. С.*) состоит в том, чтобы не допускать российской пропаганды в любой форме»⁹.

Результатом описанных коллизий в дальнейшем стала политика равноудаленности Персии (с 1935 г. – Ирана) от Москвы и Лондона вместе с поиском опоры на третью силу, которой, по мнению иранского шаха, вполне могла стать гитлеровская Германия. Именно эта позиция привела в августе 1941 г. к решению советского и британского правительств о вводе войск двух стран соответственно на север и юг этой страны.

Несмотря на безусловное значение Персии для усиления позиций СССР и Британской империи в странах Среднего Востока, ключевое значение в этом плане имел все же *Афганистан* – предмет постоянной заботы советского и британского правительств на протяжении десятилетий. Здесь необходимо иметь в виду, что для Москвы важно было обеспечить безопасность границ сразу трех республик – Туркменской, Узбекской и Таджикской (до 1929 г. – АССР), ликвидировав угрозу рейдов басмачей на их территорию. А для Лондона принципиальное значение имела доступность путей гипотетического вторжения с территории большевистской Средней Азии в Северо-Западную пограничную провинцию (СЗПП) Британской Индии именно через территорию Афганистана. Ведь, как утверждали находившиеся под сильным влиянием Коминтерна индийские националисты, «по своему географическому положению Кабул замыкает все сухопутные дороги, ведущие из Передней Азии в Британскую Индию»¹⁰. Неслучайно советник британского дипломатического ведомства, историк-международник Дж. Хедлем-Морли призывал не упускать из виду фактор России как «преимущественно великой азиатской державы», любой конфликт с которой сразу же отразится на ситуации в Индии, а через Китай и Японию может повлиять даже на положение Австралии [Headlam-Morley 1930, p. 190].

⁹ Clive to Chamberlain, 26 February 1929 // The National Archives of Great Britain (TNA), Cabinet Office. 24/203/2.

¹⁰ Советская Россия в борьбе за «афганский коридор» (1918–1925): Сб. документов / Сост. Ю.Н. Тихонов. М.: Квадрига, 2017. С. 433.

Другими словами, Афганистан рассматривался Кремлем и Уайтхоллом в качестве значимого стратегического плацдарма, контроль над которым постоянно требовал от них крупных финансовых и материальных затрат. Ситуация осложнялась стремлением эмира Амануллы, захватившего власть в начале 1919 г., «столкнуть лбами» русских и британцев, получая субсидии от обеих сторон и направляя активность воинственных горцев, среди которых доминировали пуштуны, против либо большевистского Туркестана (набеги отрядов басмачей), либо британского Раджа (восстания в полосе «свободных племен»). Хотя афганскому владыке на протяжении десятилетия с большим трудом удавалось сохранять хрупкий баланс сил между различными племенными объединениями и кланами, он стремился заимствовать опыт турецкого лидера М. Кемалья по модернизации страны. Ведь, по воспоминаниям А.М. Коллонтай, которая встречалась с Амануллой и его супругой во время поездки эмира по некоторым странам Европы, он «метил в Петра I и хотел пробить выход к Индийскому океану»¹¹.

Здесь стоит указать на замыслы Амануллы объединить под своим началом территории, населенные пуштунскими и родственными им племенами. Иллюстрацией этих далекоидущих проектов является следующее высказывание эмира в беседе с советским представителем: «Твердо веря в полную возможность объединения всех азиатских мусульман вокруг Афганистана, я думаю, что Советская Россия ради укрепления моих сил для будущей войны с Англией легко могла бы уступить мне только под протекторат Закаспийскую область, Хиву, Бухару и Фергану» [Бармин 2022, с. 91–92]. Таким образом, панисламистские идеи Амануллы давали Москве и Лондону повод к взаимным обвинениям в попытках использовать Афганистан для нанесения друг другу максимально возможного геополитического ущерба.

По сообщениям британского посланника в Кабуле Ф. Хамфриса, летом 1925 г. там находилось около 80 советских представителей и агентов Коминтерна, включая 29 военных летчиков-инструкторов, что в десять раз превышало количество проживавших там британцев¹². Далее он указывал, что советский полпред Л.Н. Старк обычно использовал взятки и интриги, что-

¹¹ Коллонтай А.М. Дипломатические дневники. М.: Academia, 2001. Т. 1. С. 343.

¹² Humphrys to government of India, 6 July 1925 // Afghanistan strategic intelligence. British records 1917–1970 / Ed. by A.L.P. Burdett. Chippenham: Archive Editions, 2002. Vol. 1. P. 682.

бы дестабилизировать британское правление в Индии, осуществляя тайную поддержку мятежных племен. Для предотвращения этого сценария Хамфрис предлагал оказывать дипломатическое давление на большевиков в Европе, а в Афганистане противодействовать подстрекательской деятельности Коминтерна путем учреждения консульств в административных центрах, регулярного субсидирования эмира, а также предоставления афганцам технической помощи в разработке недр и строительстве дорог с твердым покрытием¹³.

Антиправительственное выступление трех племен численностью до 50 тыс. чел. в пограничной провинции Пактия на рубеже 1924–1925 гг., известное специалистам как Хостский мятеж, было расценено советской дипломатией как очередной британский заговор против Амануллы [Тихонов 2008, с. 148–153]. Стремясь использовать ситуацию в интересах «мировой революции», эксперты Коминтерна предложили высшему советскому руководству заключить секретное соглашение с эмиром по формированию повстанческих отрядов в СЗПП для нападения на британские гарнизоны и лояльные им племена. И хотя эта инициатива была отвергнута большинством членов ПБ, на очередном заседании «Инстанции» все же решили перейти к формированию в Афганистане широкой сети резидентов и информаторов, что вызвало резкий протест Чичерина [Тихонов 2008, с. 168]. Примечательно, однако, что военную помощь правительству эмира оказала не только Москва, но и Лондон (точнее, Дели), по приказу которого британские самолеты бомбили восставшие пуштунские селения в течение 57 дней и ночей, хотя многие племена в СЗПП рассматривали Амануллу как своего покровителя [Тихонов 2007, с. 114].

Серьезные опасения Форин офис касательно изменения позиции афганского эмира, который, судя по оптимистическому заявлению Старка, «определенно принял нашу [т. е. советскую. – Е. С.] ориентацию»¹⁴, получили подтверждение после заключения в конце августа 1926 г. советско-афганского договора о нейтралитете и взаимном ненападении, который также урегулировал территориальный спор вокруг бывшего бухарского владения, острова Урта-Тагай на р. Пяндж [Хейфец 1968, с. 275–276; Володарский 1985, с. 192–183]. Тем более что основные положения трактата развивали статьи аналогичного документа,

¹³ Ibid. P. 679–682.

¹⁴ Humpfrys to A. Chamberlain, 20 April 1925; DBFP, 1st ser. Vol. 25. P. 660–662; Советская Россия в борьбе за «афганский коридор»... С. 442.

подписанного Москвой и Кабулом еще в 1921 г. Конечно, британские правительство и пресса не могли игнорировать обещания помощи эмиру со стороны большевистского правительства, которое выражало готовность обеспечить афганскую армию советским вооружением и инвестировать 3 млн руб. в развитие инфраструктуры, например финансировать сооружение стратегических шоссе и аэродромов¹⁵. По мнению Хамфриса, эти щедрые послы свидетельствовали о возрастании «русской угрозы» Афганистану, хотя сам Аманулла в беседе с британским дипломатом заявил ему, что не испытывает иллюзий относительно замыслов Москвы распространить в его стране «революционные доктрины» [Stewart 1973, p. 310–311].

В 1928 г. новый поворот внутривнутриполитической борьбы, связанный с восстанием Бачаи Сакао, таджика по национальности, бывшего военнослужащего армии эмира, окончательно похоронил надежду лидеров Коминтерна и поддерживавших их членов кремлевского руководства подготовить революционный взрыв на восточных рубежах Британской империи. Поскольку само восстание довольно подробно описано в современной историографии [Stewart 1973, p. 425–443; Тихонов 2007, с. 118–135; Тихонов 2008, с. 174–184; Бойко 2010, с. 110–183], автор статьи не видит необходимости детально освещать это событие. Однако важно подчеркнуть, что среди кремлевской верхушки возникли разногласия по характеру и движущим силам мятежа. Если коминтерновцы и руководители ОГПУ оценивали это выступление как революционное движение против феодально-клерикального режима Амануллы, то сотрудники НКВД во главе с Чичеринным и его заместителем Л.М. Караханом считали лидера восставших криминальным элементом, который пользуется поддержкой басмачей, а перспективы удержания им власти близкими к нулю в силу его этнической принадлежности и отсутствия какого-либо управленческого опыта [Бойко 2010, с. 159]¹⁶.

Впрочем, попытка оказания помощи бывшему эмиру путем ввода советского военного контингента численностью до 800 чел. в северный Афганистан закончилась ничем. Не получив поддержки среди консервативно настроенного духовенства и старейшин большинства племен, он в начале 1929 г. спешно

¹⁵ Английская пресса о «красной угрозе» Индии, июль 1926 г. // АВП РФ. Ф. 69. Оп. 15. Пап. 51. Д. 53. Л. 64–67.

¹⁶ Сводка 7-го отдела штаба Среднеазиатского военного округа № 13, октябрь – декабрь 1928 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 62. Оп. 2. Д. 1805. Л. 1–36.

покинул Кабул, а через полгода и страну, что заставило отдать приказ о возвращении подразделений РККА домой в мае 1929 г. [Stewart 1973, p. 560–562; Володарский 1985, с. 193–194]. На этом фоне Кабинет Болдуина–Чемберлена занял нейтральную позицию, выжидая окончания гражданской войны. Отвечая на запрос одного из лейбористских депутатов парламента в январе 1929 г., шеф Форин офис пояснил, что «английское правительство не намеревается вмешиваться во внутренние дела Афганистана поддержкой или помощью какой-либо из сторон, в данный момент борющихся за власть в этой стране. Но в связи с отречением Амануллы также склонно оспаривать правомочность его правительства»¹⁷.

Как известно, правление Бачаи Сакао, объявившего себя 18 января 1929 г. эмиром Хабибуллой, оказалось краткосрочным. Его власть не распространялась далее столичной провинции, а режим так и не признали иностранные державы, хотя миссии СССР, Турции и Персии, а также группа германских дипломатов оставались в Кабуле на протяжении всех девяти месяцев пребывания узурпатора на троне. В октябре того же года отряды героя третьей англо-афганской войны, бывшего военного министра Мохаммеда Надир-хана заняли Кабул, где 1 ноября лидер мятежа был повешен на центральной площади под восторженные крики большинства горожан. Любопытно отметить, что, по примеру части населения Афганистана, кремлевские руководители считали Надир-хана британской марионеткой только на том основании, что он возвратился на родину из Европы через Индию, хотя в реальности очередной афганский владыка испытывал симпатии скорее к Берлину, чем к Лондону [Бойко 2010, с. 377]¹⁸.

В конечном итоге, несмотря на еще тлевшие очаги недовольства отдельных племен, подавление движения Бачаи Сакао все же заставило Москву и Лондон приступить к политическим консультациям с правительством Надир-хана, завершившимся в начале 1930-х гг. подписанием соответствующих соглашений. Однако главным итогом рассмотренных событий для Афганистана явилось сохранение независимости на основе консолидации различных социальных и этнических групп вокруг фигуры шаха. Что касается Москвы, то в обмен на отказ от попыток большевизации этой страны кремлевское руководство добились

¹⁷ Наступление английского империализма на Афганистан и Персию... С. 77.

¹⁸ Сводка полномочного представителя ОГПУ в Средней Азии, 15 марта 1930 г. // РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2208. Л. 67–68.

вместе с прекращением басмаческого движения стабилизации положения на южных рубежах. А Лондон в свою очередь получил гарантию безопасности северо-западных границ Британской Индии не только от вторжения извне, но и от выступлений племен при поддержке иностранных держав.

Нам осталось кратко рассмотреть трансформацию ситуации в двух регионах бывшей Цинской империи – Синьцзяне и Тибете, лишь номинально признававших сюзеренитет Пекина в период нескончаемых столкновений милитаристских клик на территории приморских провинций. Оба они имели большое стратегическое значение, отличаясь заметным своеобразием природного ландшафта и этноконфессионального состава.

К середине 1920-х гг. главной проблемой для советского правительства в *Синьцзяне* стал вопрос о сосредоточении там до 70 тыс. беженцев из России, среди которых так называемые непримиримые противники большевиков составляли, по подсчетам специалистов, 15–20%. Именно они создавали воинские союзы бывших офицеров, образуя, по донесениям сотрудников ОГПУ, питательную среду для деятельности агентов британских спецслужб и антибольшевистского подполья на территории СССР [Обухов 2007, с. 142–143; Наземцева 2013, с. 98].

Со своей стороны, Уайтхолл рассматривал Китайский Туркестан, как еще называли Синьцзян, еще одним важным стратегическим регионом на северо-западных подступах к имперским владениям. Как свидетельствуют данные разведки, чиновники колониальной администрации в Индии стремились контролировать транспортные пути через Синьцзян, пресекая транзит десятков революционеров и крупных партий оружия, который пытались осуществлять агенты Коминтерна¹⁹. Поэтому в южной части Синьцзяна – Кашгарии – британцы сохраняли свои позиции, тогда как на севере региона – в Джунгарии – доминировало влияние советских консульских представителей [Numan 1975, p. 75].

При этом Москва и Лондон были в равной степени обеспокоены активизацией различных сепаратистских движений на территории Синьцзяна, цель которых состояла в отделении от Китайской республики и провозглашении суверенного исламистского государства. Однако не в пример британцам некоторые советские руководители, включая Сталина, рассчитывали использовать сепаратистов для превращения Синьцзяна в опорный регион влияния СССР на страны Восточной Азии [Обухов 2007, с. 208].

¹⁹ Note by V. Short, officer of the India Government Intelligence Bureau, 14 March 1926 // *Afghanistan strategic intelligence...* Vol. 1. P. 693–695.

Появление осенью 1925 г. в Кашгаре нового генерального консула, бывшего латышского стрелка М.Ф. Думписа, которое совпало по времени с назначением на аналогичный пост британского представителя Дж. Джиллана, знаменовало начало очередного раунда советско-британского противоборства. Хотя внимание Уайтхолла в этот период было отвлечено от Синьцзяна антизападным революционным движением в других провинциях Китая, заключение секретного соглашения между Москвой, националистическим правительством в Кантоне и милитаристами левой политической ориентации вызвало серьезные опасения Кабинета Болдуина–Чемберлена. Ведь согласно этому документу предполагалось образовать исламскую республику в составе Синьцзяна и пограничной с ним северо-западной провинции Ганьсу во главе с генералом Фэн Юйсяном, но под фактическим советским контролем. По мнению британцев, в дальнейшем такое квазигосударственное образование могло быть инкорпорировано в СССР на правах союзной республики, что привело бы к трансформации всего регионального «баланса сил» [Нуман 1977, р. 61].

Эскалация деятельности агентов Коминтерна и советских спецслужб в Синьцзяне, достигшая апогея в конце 1926 – начале 1927 г. и выразившаяся, например, в организации беспрецедентного празднования 1 Мая в Кашгаре под красными флагами, а также в настойчивом стремлении большевистских эмиссаров установить контакты с Далай-ламой, встретила решительный отпор губернатора Ян Цзенсиня и других облеченных полномочиями лиц [Нуман 1977, р. 60]. Однако все попытки местных китайских властей заручиться поддержкой британских представителей в перевооружении территориальных сил, чтобы нейтрализовать влияние революционеров и сепаратистов, не приносили результата, пока националистическое правительство не перешло окончательно под контроль генерала Чан Кайши в апреле 1927 г. Только после этого начались аресты сторонников коммунистов, а вместе с ними и исламских сепаратистов, особенно из числа уйгуров и дунган, наряду с борьбой против советского влияния [Нуман 1977, р. 68–69]. Хотя справедливости ради надо отметить, что это влияние, особенно в экономической сфере, продолжало возрастать на протяжении всех 1930-х гг., что превратило Синьцзян в неофициальный протекторат СССР [Conolly 1933, р. 125; Анисимов и др. 2014, с. 146–320].

Не менее противоречиво, чем с Синьцзяном, развивались отношения большевистского руководства и с *Тибетом*, претендовавшим в рассматриваемый хронологический отрезок на не-

зависимый статус, о котором Далай-лама XIII объявил еще в 1913 г., но который не был признан Лигой Наций. При рассмотрении ситуации вокруг Тибета стоит еще раз обратить внимание на столкновение различных точек зрения внутри кремлевского руководства. Если Чичерин предлагал Сталину направить в Лхасу дипломатическую миссию, заключив с британцами новое соглашение о взаимном соблюдении интересов, то, например, заведующий монголо-тибетским отделом Коминтерна С.С. Борисов, побывавший в августе 1924 – мае 1926 г. на территории этого высокогорного государства, заявил в лекции студентам Коммунистического университета трудящихся Востока: «Для нас противодействие английскому вторжению, закрепление нашего влияния разными путями в Тибете, конечно, стимулируется прежде всего тем моментом, что Тибет находится по соседству с Индией, что по существу он является заключительным звеном той нашей линии соприкосновения с Англией, которая начинается с Турции и кончается в Китае» [Андреев 2006, с. 266–167].

18 декабря 1925 г. член коллегии НКВД С.И. Аралов направил в ЦК докладную записку с изложением задач установления советского контроля над теократическим государством. Отметив активную антибольшевистскую деятельность британского дипломатического агента Ф. Бейли в Сиккиме – пограничном княжестве к югу от Лхассы, – Аралов подчеркнул: «Пока Англия не захватила важнейшие командные позиции в Тибете, необходимо противопоставить ее агрессии все наши реальные возможности» [Андреев 2006, с. 281]. Неслучайно поэтому в 1926 г. Москва направила туда советско-монгольскую миссию А.Ч. Чапчаева, членам которой после нескольких месяцев многотрудного и опасного путешествия удалось достичь столицы, где они находились с мая по декабрь 1927 г.

Практически в то же время другая, на этот раз неофициальная экспедиция под руководством известного буддолога и художника Н.К. Рериха, имевшего на руках сразу три паспорта – советский, британский и французский, также попыталась достичь Лхассы. Отметим, что, готовясь к путешествию в Москве, Рерих встречался не только с Чичериным и Караханом, но и руководителями Коминтерна, а также некоторыми должностными лицами ОГПУ, включая начальника Иностранного отдела Г.И. Бокия. В дневниковой записи от 5 апреля 1926 г. супруга художника Елена Рерих следующим образом формулировала цель экспедиции: «Если Союз Советов признает буддизм учением коммунизма, то наши общины могут подать деятельную помощь, и сотни миллионов буддистов, рассыпанных по миру, дадут не-

обходимую мощь неожиданности»²⁰. По сути, основная идея Рериха – объединение исповедовавших буддизм народов Азии в, как он называл, Монголо-Сибирское государство – Священный союз Востока, означала бы ликвидацию британского влияния во всей Центральной Азии. Поэтому Рерих намеревался убедить Далай-ламу вступить в тесные партнерские отношения с СССР, для чего члены экспедиции везли с собой крупную партию оружия, предназначенного для национальной тибетской армии, в создании которой советские военные инструкторы намеревались оказать непосредственное содействие. Однако все попытки Рериха достичь Лхассы в конце 1927 – начале 1928 г. оказались неудачными из-за блокирования единственной дороги в столицу Тибета местными властями, сильно обеспокоенными угрозой большевизации их страны благодаря активности упоминавшегося Бейли [Андреев 2006, с. 300–308].

Подводя итоги, отметим, что аналогично иллюзорным схемам Коминтерна по использованию панисламистских движений на Среднем Востоке и в Синьцзяне замыслы о превращении Тибета в очаг «буддийско-коммунистической революции» на Востоке так и не вышли из области авантюристических проектов. В свою очередь, провал экспорта «мировой революции» на окраины Британской империи, означавший, по меткому выражению бывшего министра иностранных дел Временного правительства П.Н. Миллюкова, «возбуждение всех, кого можно, против Англии», а также «создание в мировом масштабе организма, который можно было бы противопоставить Лиге Наций»²¹, имел далекоидущие последствия для внутренней и внешней политики Страны Советов.

В первом случае большевистское руководство во главе с новым вождем – И.В. Сталиным перешло к окончательной ликвидации рыночных отношений, искоренению остатков демократии и форсированному тоталитарному преобразованию России. Во втором – оно фактически вернулось к выполнению имперских задач на международной арене, придавая традиционным подходам видимость защиты интересов трудящихся «первой в мире страны социализма», как это продемонстрировала так называемая «военная тревога» 1927 г.

Наше исследование показывает, что советско-британские отношения в полной мере испытали на себе воздействие указан-

²⁰ Рерих Е.И. Листы дневника: 1925–1927. М.: Рассанта, 2012. С. 124.

²¹ Миллюков П.Н. Россия на переломе. Париж: Imprimerie d'Art Voltaire, 1927. Т. 1. С. 362.

ной трансформации. Подтверждением служит оценка их состояния, которую в середине 1920-х гг. представила своим читателям германская либеральная газета «Франкфуртер Цайтунг» (Frankfurter Zeitung), процитированная Троцким в брошюре о положении Великобритании: «Нынешняя напряженность англо-русских отношений вызвана не угрозой социалистической революции со стороны Коминтерна, а старым антагонизмом обеих стран в области мировой политики, – антагонизмом, который не был ликвидирован мировой войной, потому что там дело шло о европейских проблемах... В результате по всей линии, разделяющей сферы влияния обеих держав в Азии, воскресают старые конфликты. Средства борьбы изменились, но цели остались те же»²².

Справедливости ради отметим, что в конце своего пребывания на посту наркома Чичерин вынужден был признать ошибки Кремля, которые, по его мнению, явились следствием не только геополитических иллюзий руководства Коминтерна, но и межведомственной борьбы в коридорах власти. Критикуя на примере Афганистана узость мышления и непонимание реальной международной ситуации представителями высшей советской номенклатуры, он 20 июня 1929 г. писал Сталину из немецкого Висбадена, где находился на длительном лечении: «Мировой стык между СССР и Британской империей казался ему (председателю ВЦИК М.И. Калинину. – Е. С.) менее важным, чем Коломна и Бронницы. Вот национальная ограниченность. Проморгали, проморгали. А какой козырь давала в руки история». И далее: «Все эти нелепые разговоры в Коминтерне о борьбе против мнимой подготовки войны против СССР только портят и подрывают международное положение СССР» [Соколов 1994, с. 13–14].

Бурные события второй половины 1920-х гг. в Персии, Афганистане и Китае, не только революционные выступления, но и освободительные движения под националистическими лозунгами на территории Синьцзяна и Тибета, убедительно опровергают далекие от истины суждения некоторых современных авторов о сворачивании сталинским руководством новой экономической политики и ужесточении репрессий якобы из-за действий британских разведывательных служб [Цыплин 2015, с. 91]. Проведенное исследование не оставляет сомнений в том, что к началу 1930-х гг. серия дипломатических и военных мер, предпринятых Лондоном, с одной стороны, и постепенное осознание больше-

²² *Троцкий Л.Д.* Куда идет Англия? М.; Л.: Госиздат, 1926. Вып. 2. С. 88.

вистскими верхами бесперспективности распространения «мировой революции», по крайней мере, на страны Востока – с другой, превратили эту идею из реальной геополитической угрозы для Британской империи в пропагандистское клише советского Агитпропа.

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта РФФ № 22-18-00011 «Трансферты колониального порядка: модели внутренней безопасности после Великой войны».

Acknowledgements

The paper is supported by the Russian Foundation for Basic Research, project “Transfers of Colonial Order: Models of Internal Defence in the aftermath of the Great War”, no. 22-18-00011

Литература

- Алексеев 2010 – *Алексеев М.* Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты» (1922–1929). М.: Кучково поле, 2010. 608 с.
- Андреев 2006 – *Андреев А.И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Изд. Санкт-Петербургского государственного ун-та; Изд. А. Терентьева «Нартанг», 2006. 464 с.
- Анисимов и др. 2014 – *Анисимов И.В.* и др. Политика России и Китая в Центральной Азии во второй половине XIX – начале XXI в. Барнаул: Азбука, 2014. 458 с.
- Бармин 2022 – *Бармин В.А.* Басмаческое движение Советского Туркестана в планах некоторых антибольшевистских сил (1918–1933 годы) // Новая и новейшая история. 2022. Т. 66. № 1. С. 84–97.
- Бойко 2010 – *Бойко В.С.* Власть и оппозиция в Афганистане: особенности политической борьбы в 1919–1953 гг. М.; Барнаул: Ин-т востоковедения РАН, Алтайская государственная педагогическая академия, 2010. 391 с.
- Володарский 1985 – *Володарский М.И.* Советы и их южные соседи Иран и Афганистан (1917–1933). Л.: Overseas Publication Interchange, 1985. 242 с.
- Драбкин 1998 – Коминтерн и идея мировой революции: Документы / Отв. ред., сост Я.С. Драбкин. М.: Наука, 1998. 949 с.
- Наземцева 2013 – *Наземцева Е.Н.* Русская эмиграция в Синьцзяне (1920–1930-е гг.). М.: Нобель Пресс, 2013. 465 с.
- Обухов 2007 – *Обухов В.Г.* Схватка шести империй: Битва за Синьцзян. М.: Вече, 2007. 512 с.
- Сергеев 2012 – *Сергеев Е.Ю.* Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Тов. научных изданий КМК, 2012. 454 с.

- Сергеев 2019 – *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане: Советско-британские отношения, 1918–1924: от интервенции к признанию. СПб.: Наука, 2019. 831 с.
- Соколов 1994 – *Соколов В.В.* Неизвестный Г.В. Чичерин: Из рассекреченных архивов МИД РФ // Новая и новейшая история. 1994. № 2. С. 3–18.
- Тихонов 2007 – *Тихонов Ю.Н.* Политика великих держав и пуштунские племена (1919–1945). М.; Липецк: Информ, 2007. 382 с.
- Тихонов 2008 – *Тихонов Ю.Н.* Афганская война Сталина: битва за Центральную Азию. М.: Яуза; Эксмо, 2008. 704 с.
- Хейфец 1968 – *Хейфец А.Н.* Советская дипломатия на Востоке: 1921–1927. М.: Наука, 1968. 328 с.
- Цыплин 2015 – *Цыплин В.Г.* Дипломатическое противостояние в период англо-советского разрыва (1927–1929 гг.) // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер. История международных отношений. 2015. Т. 15. Вып. 2. С. 88–93.
- Южный 1928 – *Южный К.* Англо-персидские трения в Персидском заливе // Международная жизнь. 1928. № 7. С. 41–49.
- Ashley 1925 – *Ashley W.* The menace of communism // English Review. 1925. No. 12. P. 628–634.
- Conolly 1933 – *Conolly V.* Soviet economic policy in the East. Turkey, Persia, Afghanistan, Mongolia and Tana Tuva, Sinkiang. L.: Oxford University Press – Humphrey Milford, 1933. 168 p.
- Fisher 2000 – *Fisher J.* The Interdepartmental Committee on Eastern Unrest and British responses to bolshevik and other intrigues against the empire during the 1920s // Journal of Asian History. 2000. Vol. 34. No. 1. P. 1–34.
- Headlam-Morley 1930 – *Headlam-Morley J.* Studies in diplomatic history. L.: Methuen, 1930. 312 p.
- Nyman 1975 – *Nyman L.-E.* Great Britain and Chinese, Russian and Japanese interests in Sinkiang, 1918–1934. Malmoe: Esselte Studien, 1977. 165 p.
- Sabahi 1990 – *Sabahi H.* British policy in Persia. 1918–1925. L.: F. Cass, 1990. 269 p.
- Stewart 1973 – *Stewart R.T.* Fire in the Afghanistan 1914–1929. Faith, hope and the British Empire. N.Y.: Doubleday and Co., 1973. 614 p.
- Tucker 1977 – *Tucker R.* The emergence of Stalin's foreign policy // Slavic Review. 1977. Vol. 36. No. 4. P. 563–589.
- Ulam 1968 – *Ulam A.* Expansion and coexistence. The history of Soviet foreign policy, 1917–1967. N.Y.; Washington: F. Praeger, 1968. 775 p.

References

- Alekseev, M. (2010), *Sovetskaya voennaya razvedka v Kitae i khronika "kitaiskoi smuty" (1922–1929)* [Soviet military intelligence in China and the chronicle of the "Chinese mutiny" (1922–1929)], Kuchkovo pole, Moscow, Russia.
- Andreev, A.I. (2006), *Tibet v politike tsarskoi, sovietskoi i postsovietskoi Rossii* [Tibet in the politics of tsarist, Soviet and post-Soviet Russia], St Petersburg State University, Izdatel'stvo A. Terentieva "Nartang", Saint Petersburg, Russia.
- Anisimov, I.V. et al. (2014), *Politika Rossii i Kitaya v Tsentral'noi Asii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Russia's and China's policy in Central Asia in the second half of the 19th – beginning of the 20th centuries], Azbuka, Barnaul, Russia.

- Ashley, W. (1925), "The menace of communism", *English Review*, no. 12, pp. 628–634.
- Barmin, V.A. (2022), "Basmachi movement of Soviet Turkestan in the plans of some anti-Bolshevik forces (1918–1933)", *Novaya i noveishaya istoriya*, vol. 66, no. 1, pp. 84–97.
- Boiko, V.S. (2010), *Vlast' i oppozitsiya v Afganistane: osobennosti politicheskoi bor'by v 1919–1953 gg.* [Power and opposition in Afghanistan. Peculiarities of political struggle in 1919–1953], Institut vostokovedeniya RAN, Altaikaya gosudarstvennaya pedagogicheskaya akademiya, Moscow, Barnaul, Russia.
- Conolly, V. (1933), *Soviet economic policy in the East. Turkey, Persia, Afghanistan, Mongolia and Tana Tuva, Sinkiang*, Oxford University Press – Humphrey Milford, London, UK.
- Drabkin, Ya.S. (ed., comp.) (1998), *Komintern i ideya mirovoi revolyutsii. Dokumenty* [Comintern and the idea of world revolution. Documents], Nauka, Moscow, Russia.
- Fisher, J. (2000), "The Interdepartmental Committee on Eastern Unrest and British responses to bolshevik and other intrigues against the empire during the 1920s", *Journal of Asian History*, vol. 34, no. 1, pp. 1–34.
- Headlam-Morley, J. (1930), *Studies in diplomatic history*, Methuen, London, UK.
- Kheifets, A.N. (1968), *Sovietskaya diplomatiya na Vostoke: 1921–1927* [Soviet diplomacy in the East. 1921–1927], Nauka, Moscow, Russia.
- Nazemtseva, E.N. (2013), *Russkaya emigratsiya v Sin'tsiane (1920–1930-e gg.)* [Russian emigration in Sinkiang (1920–1930)], Nobel Press, Moscow, Russia.
- Nyman, L.-E. (1977), *Great Britain and Chinese, Russian and Japanese interests in Sinkiang, 1918–1934*, Esselte Studien, Malmoe, Sweden.
- Obukhov, V.G. (2007), *Shkvatka shesti imperii. Bitva za Sin'tsian* [Battle of six empires. Struggle for Sinkiang], Veche, Moscow, Russia.
- Sabahi, H. (1990), *British policy in Persia. 1918–1925*, F. Cass, London, UK.
- Sergeev, E.Yu. (2012), *Bol'shaya igra, 1856–1907: mify i realii rossiisko-britanskikh otnoshenii v Tsentral'noi i Vostochnoi Asii* [The Great Game, 1856–1907. Myths and realities of the Russian-British relations in Central and East Asia], Tovaritschestvo nauchnykh izdaniy KMK, Moscow, Russia.
- Sergeev, E.Yu. (2019), *Bol'sheviki i anglichane. Sovietsko-britanskie otnosheniya, 1918–1924: ot interventsii k priznaniyu* [Bolsheviks and Englishmen. Soviet-British relations, 1918–1924. From intervention to recognition], Nauka, Saint Petersburg, Russia.
- Sokolov, V.V. (1994), "Unknown G.V. Chicherin. From the declassified archives of the Russian Foreign Ministry", *Novaya i noveishaya istoriya*, vol. 2, pp. 3–18.
- Stewart, R.T. (1973), *Fire in the Afghanistan 1914–1929. Faith, hope and the British Empire*, Doubleday and Co., New York, USA.
- Tikhonov, Yu.N. (2007), *Politika velikikh derzhav i pushtunskie plemena (1919–1945)* [Policy of the great powers and the Pashtu tribes (1919–1945)], Inform, Moscow, Lipetsk, Russia.
- Tikhonov, Yu.N. (2008), *Afanskaya voina Stalina; bitva za Tsentral'nuyu Asiyu* [Stalin's Afghan war. Battle for Central Asia], Yauza, Exmo, Moscow, Russia.
- Tsyplin, V.G. (2015), "Diplomatic confrontation in the period of Anglo-Soviet rupture", *Izvestiya Sratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii*, vol. 15, iss. 2, pp. 88–93.

- Tucker, R. (1977), “The emergence of Stalin’s foreign policy”, *Slavic Review*, vol. 36, no. 4, pp. 563–589.
- Ulam, A. (1968), *Expansion and coexistence. The history of Soviet foreign policy, 1917–1967*, F. Praeger, New York, Washington, USA.
- Volodarskii, M.I. (1985), *Soviety i ikh yuzhnye sosedi Iran i Afganistan (1917–1933)* [Soviets and their southern neighbours Iran and Afghanistan (1917–1933)], Overseas Publication Interchange, London, UK.
- Yuzhnyi, K. (1928), “Anglo-Persian friction in the Persian Gulf”, *Mezhdunarodnaya zhizn'*, no. 7, pp. 41–49.

Сведения об авторе

Евгений Ю. Сергеев, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32А; eugene.sergeev59@gmail.com

Information about the author

Evgeny Yu. Sergeev, Dr. of Science (History), professor, Russian Academy of Sciences Institute of World History, Moscow, Russia; bld. 32A, Leninsky Av., Moscow, Russia, 119334; eugene.sergeev59@gmail.com

Исторические и социальные истоки британского евроскептицизма

Сергей В. Лебедев

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, sergei.lebedeff@gmail.com*

Роман И. Благовещенский

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, roman10.89@mail.ru*

Аннотация. В данной статье рассмотрены причины присоединения Великобритании к процессу евроинтеграции в начале 1970-х годов, а также факторы евроскептицизма, предопределившие выход Соединенного Королевства из Евросоюза. В статье показано, что главной причиной присоединения Лондона к процессу европейской интеграции стало желание максимизировать экономическую выгоду для страны, однако очень быстро вопрос углубления евроинтеграции превратился в «заложницу» внутрипартийной борьбы в обеих крупнейших политических силах Великобритании. Британские премьер-министры, независимо от политической окраски, предпочитали сохранить контроль над партиями и расширить свою электоральную базу за счет евроскептических слоев населения вместо того, чтобы проводить политику евроинтеграции. Другими словами, очень скоро внутренняя политика Соединенного Королевства начала детерминировать внешнюю политику в отношении процесса евроинтеграции. И даже вопрос проведения референдума о выходе из ЕС оказался следствием внутрипартийной борьбы среди Тори.

Ключевые слова: Брекзит, Великобритания, модель правительственной политики, Аллисон, консерваторы, лейбористы, евроинтеграция, референдум, Евросоюз

Для цитирования: Лебедев С.В., Благовещенский Р.И. Исторические и социальные истоки британского евроскептицизма // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 4. С. 33–48. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-4-33-48

Historical and social origins of British euroscepticism

Sergei V. Lebedev

*Russian State Humanitarian University
Moscow, sergei.lebedeff@gmail.com*

Roman I. Blagoveshchenskii

*Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia, roman10.89@mail.ru*

Abstract. This article explores the reasons why the United Kingdom joined the process of the European integration in 1973 and factors of Euroscepticism that led to Brexit in 2016. The article shows that the main reason to join the process of the European integration was the desire to maximize economic gains for the country. However, very soon the question of deepening of the European integration became the ‘hostage’ of intraparty fights in the two main British parties. Irrespective of the party affiliation, the British Prime Ministers preferred to keep control over their party and expand their electoral base by appealing to Eurosceptics rather than deepening political integration with mainland Europe. In other words, the foreign policy and especially relations with Europe depended very much on internal politics and party mood. Even the decision to hold a referendum on leaving European Union has been the outcome of intraparty struggle within the Conservative Party.

Keywords: Brexit, United Kingdom, “Governmental politics” model, Allison, Conservatives, Labour, European integration, referendum, European Union

For citation: Lebedev, S.V. and Blagoveshchenskii, R.I. (2022), “Historical and social origins of British euroscepticism”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 33-48, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-4-33-48

Введение

В основе данной статьи лежит разработанная политологом Грэмом Аллисоном модель «правительственной политики» (“governmental politics”) [Аллисон 2012]. На примере Кубинского кризиса он рассматривает три теоретических подхода к выработке внешнеполитических решений: модель рационального выбора, модель организационного процесса и модель правительственной политики. Ниже мы рассмотрим все три модели и увидим, что на разных этапах европейской интеграции в основе отношений между Великобританией и континентальной Европой в силу разных причин доминировала та или иная из предложенных моделей.

Модель рационального выбора предполагает, что внешнеполитический актор четко осознает свои интересы и идет к цели тем путем, который максимизирует их полезность. Аллисон находит эту модель неудовлетворительной, так как 1) рациональные мотивы при развитии воображения можно найти в любом действии¹, 2) модель рационального выбора рассматривает государство как гомогенную структуру, хотя на самом деле государство представляет собой «конгломерат полувраждебных, слабо связанных между собой организаций, каждая из которых ведет самостоятельную жизнь» [Соловьев 2005].

В свою очередь, модель организационного процесса демонстрирует, как ограниченная рациональность и организационные коммуникации приводят к выработке тех или иных решений. Например, Дж. Кеннеди выбрал морскую блокаду Кубы просто потому, что у него были лучше налажена коммуникация с руководством флота, чем с руководством ВВС. Представляется, что при этом модель организационного процесса не учитывает тот факт, что политика представляет собой специфическую сферу общественных отношений, в которой на первое место выходят не «эффективность» принимаемых решений, а борьба за власть.

Именно этот момент, напротив, учитывает модель правительственной политики. Модель правительственной политики предполагает, что внешнеполитические решения являются «закладками» внутренней политики и внутриэлитарного расклада сил. Решение Н.С. Хрущева разместить ракеты на Кубе было связано с «внутренней кухней» Кремля. Незадолго до кризиса Кеннеди обвинил Хрущева в том, что тот блефует относительно количества межконтинентальных ракет у Советского Союза. Поэтому Хрущев находился под огнем критики членов Президиума Верховного Совета СССР. Более того, Хрущев в этот момент проводил военную реформу, направленную на сокращение численности армии, поэтому генералитет также высказывал недовольство. Размещение ракет на Кубе было быстрым и сравнительно дешевым методом, который Хрущев избрал для повышения своей внутриэлитарной легитимности – как среди генералитета, так и среди высших партийных функционеров.

Модель правительственной политики также достаточно хорошо объясняет поведение американской стороны. Незадолго

¹ Например, политические обозреватели высказывали мнение, что президент США Дж. Байден сознательно допускает смешные оговорки и в целом сознательно изображает «старческую немощь», чтобы ввести в заблуждение контрагентов.

до Кубинского кризиса состоялась провальная попытка организовать вторжение в Залив Свиней, поэтому администрация демократа Кеннеди находилась под огнем критики республиканцев, которые превратили «Остров Свободы» в одну из ключевых тем внутриамериканского дискурса. Следовательно, президент США должен был продемонстрировать решимость и жесткость в кубинском вопросе, не ограничиваясь дипломатическими методами. Морская блокада Кубы была выбрана в качестве достаточно агрессивного ответа на действия СССР.

В данном тексте предпринята попытка применить модель рационального выбора и модель правительственной политики к принятию руководством Великобритании решений о евроинтеграции. Наши данные говорят преимущественно в пользу модели правительственной политики как более достоверного предиктора внешнеполитических решений британского руководства. Нельзя отрицать, что обе партии изначально поддерживали евроинтеграцию по чисто экономическим соображениям (что укладывается в модель рационального выбора). Однако достаточно быстро возобладали внутривнутриполитические мотивы (контроль над партией, поддержка электората), результатом чего стала евроскептическая риторика и «недружественные» шаги по отношению к ЕС, кульминацией которых стал Брекзит.

Долгая дорога к Брекзиту

Британские политики всегда испытывали скепсис или даже откровенную враждебность по отношению к европейской интеграции. Уинстон Черчилль, который считался одним из самых проевропейски настроенных британских лидеров, выступая в Цюрихском университете в 1949 г., призвал к созданию Соединенных Штатов Европы, но без Британии, поскольку Лондон, по его словам, не станет присоединяться к этой организации [Bootle 2014, p. 9]. Наилучшей иллюстрацией британского скепсиса в отношении Европы стали слова политика, принимавшего участие в конференции в итальянской Мессине, где в 1956 г. закладывались контуры будущей европейской интеграции. Британец произнес знаменитые слова: «Джентльмены, вы пытаетесь договориться о том, о чем вы никогда не сможете договориться. Но даже если сможете, договор не будет ратифицирован. Если же он все-таки будет ратифицирован, то все равно не заработает» [Macshane 2016, p. 58].

Две главные британские партии имели собственные мотивы неприязни по отношению к процессу евроинтеграции. Лей-

бористы отрицали идею единой Европы на идеологических основаниях – они считали, что такая политическая конструкция обязательно будет носить капиталистический характер, поэтому евроинтеграция противоречит интересам британского рабочего класса. Среди консерваторов также были евроскептики, однако они рассматривали идею единой Европы как идею социалистического толка, противоречащую интересам капиталистической экономики, а также как протекционистский проект, направленный против свободной торговли [Forster 2002, p. 53]. При этом еще больше консерваторов были подвержены имперской ностальгии и рассматривали евроинтеграцию как процесс, угрожающий суверенитету Великобритании [Forster 2002, p. 116].

Противоречия по европейскому вопросу между двумя ключевыми британскими партиями обострились к концу 1960 – началу 1970-х гг. Лейбористы продолжали осторожную политику в отношении европейского проекта по идеологическим соображениям, считая европейские сообщества «клубом капиталистов», в то время как среди консерваторов росло число еврооптимистов из-за очевидного ускорения экономического роста среди стран – участниц Европейского экономического сообщества (ЕЭС). В конечном итоге именно в годы правления премьер-консерватора Эдварда Хита прагматизм взял верх и Великобритания вступила в ЕЭС – в соответствии с теорией рационального выбора.

Однако в дальнейшем стало понятно, что европейский вопрос не просто раскалывает британский истеблишмент по партийной линии, но также вносит и внутрипартийный раскол. По словам исследователя евроскептицизма Энтони Форстера, «большую часть времени послевоенного периода оппоненты более тесной интеграции вели войны внутри собственных партий» [Forster 2002, p. 6]. К примеру, голосование 1971 г. обнажило серьезный внутрипартийный конфликт – 356 голосов было отдано «за» и 244 голоса – «против», причем половина лейбористов проголосовала против. Голосование за European Communities Act длилось 9 месяцев, и к тексту было предложено порядка тысячи поправок. В конечном итоге документ о присоединении Великобритании к Европейскому Экономическому Сообществу (ЕЭС) был принят, однако политический раскол стал еще более очевидным: 301 парламентарий проголосовали «за» и 284 «против».

Пришедшее в 1974 г. к власти новое лейбористское правительство пообещало пересмотреть условия членства в организации и вынести вопрос на всенародное голосование. Удивительно, но лейбористы посчитали условия членства недостаточно выгодными для Лондона и потому потребовали их пересмотра –

т. е., другими словами, выступили с прагматических позиций в полном соответствии с моделью рационального выбора. К слову, это был первый в истории референдум о выходе из процесса евроинтеграции – задолго до судьбоносного референдума июня 2016 г. При этом, несмотря на то что действующий премьер-лейборист остался доволен новыми условиями и агитировал за сохранение членства Великобритании в организации, сами лейбористы были практически поровну расколоты по вопросу о ЕЭС: в 1975 г. 133 парламентария-лейбориста проголосовали за новые условия членства, в то время как 145 высказались против и 33 воздержались при голосовании в Палате общин [Forster 2002]. Основные опасения, как уже было сказано выше, высказывались относительно недостаточной защиты прав рабочих.

В то же время британские консерваторы рассматривали европейскую интеграцию исключительно как процесс по снятию торговых барьеров между европейскими государствами, цель которого – создание единого рынка, который, как полагали консерваторы, экономически выгоден Лондону. По словам профессора Шеффилдского университета Э. Геддеса, поддержка евроинтеграции со стороны консерваторов всегда зиждилась на прагматизме и ожиданиях того, какие осязаемые преимущества принесет Лондону членство в Европейских сообществах [Geddes 2004, p. 191–192]. Поэтому там посчитали «концом истории» подписание Единого европейского акта (ЕЕА), который предусматривал создание единого рынка к 1992 г.

Неудивительно, что правление Маргарет Тэтчер осталось в истории как один из самых сложных периодов для британско-европейских отношений. Новый премьер-министр поддерживала экономическую интеграцию, но не хотела передавать часть британского суверенитета надгосударственным европейским структурам. В своей последней речи перед Палатой общин в 1990 г. Тэтчер осталась верна себе и снова заявила о недопустимости трансформации европейских сообществ в европейское супергосударство: «Председатель Еврокомиссии, месье Делор, заявил на днях на пресс-конференции о том, что хочет, чтобы европейский Парламент стал демократическим органом Сообщества, он хочет, чтобы Комиссия стала исполнительной властью, а Совет министров – Сенатом. Нет! Нет! Нет!»² Ее эмоциональное восклицание с тремя «Нет!» стало впоследствии настоящей мантрой в евроскептических кругах Британии [Wall 2008, p. 79].

² Margaret Thatcher on Europe: “No! No! No!” (видео на YouTube). URL: https://www.youtube.com/watch?v=tVt_1ByddUQ (дата обращения 30.07.2022).

Преемник Тэтчер, сэр Джон Мейджор отказался от резкой антиевропейской риторики и принял участие в подписании Маастрихтского договора, учреждающего Евросоюз. Но при этом, желая умиротворить евроскептиков внутри партии и сохранить власть, Мейджор настоял на исключении из итогового текста Маастрихтского соглашения слов о «федералистских устремлениях» европейцев и добился того, чтобы Евросоюз функционировал как межправительственная организация, а не как централизованное объединение с сильными наднациональными структурами [Geddes 2004, p. 17–18]. Также Великобритания не стала вступать в еврозону, сохранив национальную валюту. Тем не менее попытка ратифицировать договор в Палате общин в очередной раз продемонстрировала раскол британского политикума. 46 депутатов-консерваторов заслужили прозвище «Маастрихтских мятежников» за то, что выступили против ратификации договора.

Говоря о консерваторах, следует особо подчеркнуть, что в их рядах сформировалась группа «профессиональных евроскептиков» – т. е. политиков, строивших свою карьеру на критике евроинтеграции [Gamble 2012, p. 468].

Таким образом, после подписания Единого европейского акта в 1986 г. партия консерваторов начала отходить от прагматического еврооптимизма, который был характерен для них в первые годы евроинтеграции, в сторону конъюнктурного евроскептицизма, продиктованного внутрипартийной борьбой и желанием действующего лидера сохранить или укрепить позиции за счет антиевропейской риторики – в соответствии с моделью правительственной политики Аллисона.

Говоря о лейбористах, следует отметить, что их позиция относительно евроинтеграции поначалу зависела от идеологии, однако затем перешла на прагматические рельсы. Однако в скором времени взгляды лейбористов стали формироваться в зависимости от текущего расклада сил. Если изначально они видели в единой Европе капиталистический проект, затем экономический союз, то со временем они пришли к выводу, что евроинтеграция – действенный способ противостоять проектам консерваторов. К примеру, их партийная программа 1987 г. всецело поддерживала евроинтеграцию – таким образом лейбористы рассчитывали противостоять тэтчеризму. К примеру, интеграция страны в континентальную систему социальной защиты позволила бы сильно ослабить эффект от неолиберальных реформ Маргарет Тэтчер.

В дальнейшем лейбористы продолжали поддержку евроинтеграции, причем этот процесс достиг апофеоза при сэре Энто-

ни (Тони) Блэре, занимавшем пост премьер-министра с 1997 по 2007 г. Его правление сопровождалось проевропейской риторикой и обещаниями, что Великобритания будет присутствовать «в сердце Европы». В ходе премьерства Блэра в 1998 г. прошла знаменитая встреча в Сен-Мало, на которой обсуждалась общая европейская политика безопасности. Более того, в этот период активно обсуждалась возможность отказа от фунта и вхождения Великобритании в еврозону. Однако на практике проевропейская риторика Блэра оставалась риторикой. Великобритания не стала присоединяться к Шенгенским соглашениям и не вступила в еврозону. Как справедливо заметила экс-канцлер ФРГ Ангела Меркель, говоря о Блэре, «он произнес множество замечательных речей о Европе, однако оставался позади, когда речь шла о конкретных шагах вперед»³. Профессор Университета Люксембурга Роберт Хармсен назвал Европу ключевым провалом премьерства Т. Блэра [Harmsen 2007]. Это было связано в том числе с тем, что далеко не все лейбористы приветствовали столь интенсивную евроинтеграцию. А контроль над партией был важнее глобальных внешнеполитических проектов. Таким образом, на стыке в первое десятилетие XXI в. лейбористы перешли к модели правительственной политики, которая подразумевает, что внешняя политика диктуется внутрипартийной борьбой – нечто, к чему консерваторы пришли десятью–двадцатью годами ранее.

Следует отметить, что одним из самых часто используемых инструментов борьбы в британском политикуме было обещание провести референдум по тому или иному вопросу. Эти обещания позволяли сглаживать внутрипартийные противоречия и/или усиливать свои переговорные позиции относительно континентальной Европы. В каком-то смысле можно утверждать, что обещание референдума стало частью политической культуры современной Великобритании. При этом в большинстве случаев политики ограничивались именно *обещанием* провести референдум и забывали про это обещание, как только проблемы были разрешены [Oliver 2015, p. 83]. К примеру, премьер-консерватор Джон Мейджор в 1992 г. обещал провести референдум о вхождении Великобритании в еврозону. Схожий референдум обещал провести лейборист Энтони Блэр в 1997-м. Также Блэр в 2005 г. обещал провести референдум относительно ратифика-

³ Traynor I., Gow D. Stop Blair. Ambition to lead Europe hits fierce opposition // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2008/feb/20/eu.spain> (дата обращения 01.08.2022).

ции Конституции ЕС. Однако, пожалуй, в наибольшей степени эту политическую технологию использовал консерватор Дэвид Кэмерон. Еще в 2008 г. он заявил, что если до выборов 2010 г. Лиссабонский договор не начнет действовать (замена не вступившей в силу Конституции ЕС), то, став премьер-министром, он отзовет парламентский акт о ратификации и проведет референдум. Как и в случае со своими преемниками, Кэмерон не собирався в реальности проводить референдум – это был политический ход, направленный на завоевание евроскептического электората. Однако можно сказать, что Кэмерон слишком увлекся использованием этого инструмента и выпустил «националистического джина» из бутылки. Баллотировавшись на второй срок, он пообещал провести референдум о членстве в ЕС. Таким образом, Кэмерон собирався не только привлечь дополнительных избирателей, но и надавить на континентальную Европу, улучшить свои переговорные позиции. Однако в этот раз евроскептические настроения в британском обществе оказались еще сильнее, поэтому в качестве «уступки евроскептикам» [Бабынина 2014] он решил этот референдум провести. Более того, используя угрозу референдума, он смог добиться от ЕС ряда уступок, в том числе гарантии сохранения валютного суверенитета Великобритании и права не выплачивать социальные пособия мигрантам. Сам Кэмерон был этим удовлетворен и считал, что добился значительных внешнеполитических успехов. Однако законопроект о Брекзите был уже внесен в парламент, и референдум состоялся. Кэмерон оказался не готов к его результатам и ушел в отставку.

Несмотря на то что во время референдума лейбористы в целом поддержали членство Соединенного Королевства в Евросоюзе, их лидер Джереми Корбин потратил большую часть своей политической карьеры в борьбе против участия Британии в процессе евроинтеграции. Под давлением однопартийцев он поддержал лагерь «Remain» – однако это решение диктовалось исключительно внутрипартийной конъюнктурой [Oliver 2017, p. 36]. Неудивительно, что, когда стали известны результаты референдума, именно Корбин стал первым, кто призвал Кэмерона исполнить волю народа по Брекзиту. Тем не менее важно отметить, что многолетний евроскептик Корбин все же агитировал за лагерь еврооптимистов, дабы сохранить лидерство в партии – в соответствии с моделью правительственной политики Аллисона.

Пришедшая на смену Кэмерону Тереза Мэй запустила процесс выхода Великобритании из Евросоюза. Однако она постоянно подвергалась нападкам однопартийцев и в конечном итоге была вынуждена уйти в отставку из-за, по мнению евроскепти-

ков, слишком мягкой позиции на переговорах с Брюсселем. Тем не менее предполагается, что Мэй пала жертвой внутривнутрипартийной борьбы, где вопрос о чрезмерной уступчивости в отношении ЕС был лишь предлогом добиться выборов нового председателя партии консерваторов. Другими словами, на первое место снова вышла модель правительственной политики.

Преемник Мэй Борис Джонсон, желая укрепить свои позиции, провел досрочные парламентские выборы, на которые он шел с лозунгом “Get Brexit Done” («Завершим Брекзит»). Его агрессивный евроскептицизм в 2016 г. был продиктован желанием завоевать авторитет среди евроскептических Тори в преддверии окончания своего второго (последнего) срока в качестве мэра Лондона. После успеха на референдуме Борис Джонсон продолжил свою евроскептическую риторику, желая добиться поста премьер-министра – что ему удалось сделать спустя три года в 2019 г. На досрочных парламентских выборах декабря 2019 г. он также делал акцент на Брекзите (точнее, на его достойном завершении), стараясь тем самым склонить евроскептических избирателей на свою сторону. Все это в соответствии с теорией правительственной политики Аллисона.

Надо отметить, что Борис Джонсон завершил начатое – 31 января 2020 г. Лондон официально прекратил членство в Евросоюзе, а 1 января 2021 г. окончился переходный период, во время которого Соединенное Королевство продолжало пользоваться преференциями участия в Едином рынке. Под давлением премьер-министра Джонсона Великобритания осуществила «жесткий» Брекзит – т. е. вышла из Единого рынка, прекратила уплату взносов в общий бюджет ЕС и остановила свободу передвижения лиц.

Представляется, однако, что сам по себе британский евроскептицизм является комплексным феноменом, нуждающимся в политологическом и социологическом анализе.

Политико-социологический анализ британского евроскептицизма

Среди движущих факторов британского евроскептицизма обычно выделяют представление британцев об «инаковости»⁴ своей нации, негативный исторический опыт взаимодействия с континентальной Европой, географическое положение и антиевропейскую позицию британских СМИ [Благовещенский 2019].

⁴ В английском языке есть даже термин «британскость» (“Britishness”).

Представление британцев о своей «инаковости». Говоря о представлении британцев о своей «инаковости», следует отметить, что Великобритания воспринимает себя как колыбель парламентской демократии. Несколько столетий британский парламент боролся с монархией, что в итоге привело к кровопролитной гражданской войне XVII в. Англичане считают, что в их стране выстроена эталонная модель демократии, которая служит примером для всего остального мира. Поэтому жители Великобритании рассматривали политическую интеграцию в ЕС как игру с нулевой суммой: любое расширение полномочий властей Евросоюза воспринималось как урезание британского суверенитета [Vache 2008, p. 90].

Второй момент, который также волнует британцев, – это тот факт, что власти ЕС не избираются напрямую электоратом, из чего следует, что граждане также не могут их сместить. Этот тезис хорошо иллюстрируется словами Майкла Гоува, политика-евроскептика, занимавшего министерские посты в кабинетах Дэвида Кэмерона, Терезы Мэй и Бориса Джонсона: «Я верю, что важнейшие политические решения, равно как и законы, и налоги, должны определяться людьми, которых мы выбрали и которых мы можем уволить, если нас что-то не устраивает. Если мы хотим, чтобы властью распоряжались мудро, если мы хотим избежать коррупции в руководстве страны, то это значит, что у граждан должна быть возможность менять законы и правительства в период выборов»⁵.

Третий момент, который стоит упомянуть в контексте ощущения жителями Великобритании своей «инаковости», – это расхождение между либеральной британской моделью госуправления, с одной стороны, и консервативной или социал-демократической моделью госуправления с другой. С точки зрения британцев, социальная и экономическая жизнь континентальной Европы излишне зарегулирована и забюрократизирована [Leconte 2010, p. 85–87].

Негативный исторический опыт взаимодействия с континентальной Европой. Как отмечает А. Джонс в своей работе «Британия и Европейской союз», идентичность островного государства формировалась как антитеза континентальной Европе. Столетиями британский политикум испытывал тревогу по поводу

⁵ Apps P. EU Referendum. Michael Gove's full statement on why he is backing Brexit // The Independent. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/eu-referendum-michael-gove-s-full-statement-on-why-he-is-backing-brexit-a6886221.html> (дата обращения 02.08.2022).

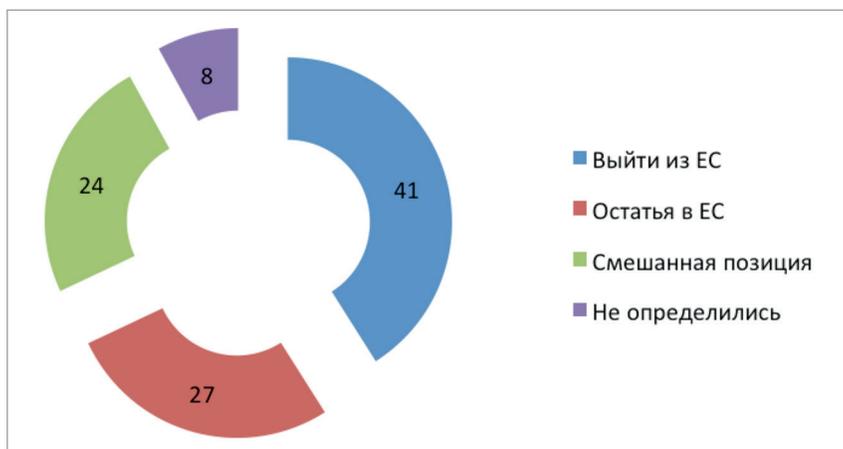
гипотетического объединения всей Европы в макрогосударство, которое просто поглотит Великобританию. Периодически эти страхи находили подтверждение – например, в ходе Наполеоновских войн Франция добилась континентальной блокады Великобритании. В этой акции участвовали Франция, Испания, Голландия, Италия и Дания. Позже присоединились Пруссия, Австрия и даже Российская империя (согласно условиям Тильзитского мира). Великобритания всерьез опасалась, что Наполеон сможет превратить Европу в единую империю. Вероятно, именно по этим соображениям в дальнейшем англичане дистанцировались от работы Священного союза, так как опять же видели в этом идею единой Европы, которая подчинит Великобританию.

В дальнейшем в качестве основной геополитической угрозы англичане рассматривали бисмарковскую Германию. Как подчеркивает Г. Киссинджер, «объединенная Германия стала до такой степени сильной, что могла господствовать в Европе сама по себе, – то есть возникла та самая ситуация, появлению которой Британия всегда сопротивлялась в прошлом» [Kissinger, 1994, p. 88–89]. Как отмечает Р.И. Благовещенский, «британский евроскептицизм не сводится к простой оппозиции по отношению к определенной институциональной форме. Его стержень – глубоко укоренившийся страх перед “Другим”, перед континентом, на котором доминирует франко-германский альянс» [Благовещенский 2019, с. 133]. В другом исследовании подчеркивается, что «призраки Людовика XIV, Наполеона, кайзера Вильгельма, Гитлера всегда будут омрачать взаимодействие Великобритании с остальной Европой» [Gowland, Turner, Wright 2010, p. 213]. Иными словами, можно сказать, что в массовом сознании британцев Европа всегда будет представляться врагом.

Позиция британских СМИ. В политической науке до сих пор нет единого консенсуса относительно того, влияют ли СМИ на политическое поведение, или они являются лишь «зеркалом» массового сознания. Однако самые последние исследования, анализировавшие деятельность руандийского радио в ходе геноцида тутси в 1994 г., указывают на то, что СМИ все же влияют на политическое поведение, однако влияют не столь значительно, как считал, к примеру, Гарольд Лассуэл [Lasswell 1927].

Следует отметить, что британская пресса в основном поддерживала Брекзит – 46% газет высказывалось в пользу выхода Великобритании из ЕС, в то время как против Брекзита выступали 27% СМИ.

По данным исследования, проведенного Reuters Institute, британские СМИ в основном давали слова политикам из двух лаге-

Источник: Reuters Institute

рей, игнорируя исследователей, аналитиков и бизнесменов⁶. При этом, если посмотреть на партийную принадлежность политиков, которым давали слово, то 64% из них будут консерваторами. Лейбористам досталось 17% медиапространства. Также интересно отметить, что противники Брекзита почти всегда говорили только об экономике, в то время как сторонники выхода из ЕС говорили о миграции и суверенитете.

Заключение

Таким образом, в тексте были рассмотрены противоречия евроинтеграции через призму двух подходов к принятию внешнеполитических решений – модели рационального выбора и модели правительственной политики. Данные указывают на то, что модель правительственной политики является более надежным предиктором внешнеполитического поведения Великобритании. Сознывая экономические выгоды от членства в европейском сообществе, британские политики сознательно делали выбор в пользу контроля над партией и удержания евроскептического электората.

⁶ Levy D., Aslan B., Beronzo D. UK press coverage of the EU Referendum // Reuters institute. URL: https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2018-11/UK_Press_Coverage_of_the_%20EU_Referendum.pdf (дата обращения 02.08.2022).

Также в статье был проанализирован генезис британского евроскептицизма на примере исторических, географических и медийных факторов, а также на основании представления британцев о своей исключительности (*britishness*). Все эти факторы внесли существенный вклад в итоги голосования, которое в конечном итоге привело к выходу Великобритании из Евросоюза.

Литература

- Аллисон 2012 – Аллисон Г. Квинтэссенция решения: на примере Карибского кризиса 1962 г. М.: Едиториал УРСС, 2012. 530 с.
- Бабынина 2014 – Бабынина Л.О. Британия в Евросоюзе: быть или не быть? // Дилеммы Британии: поиск путей развития / Под ред. Ал.А. Громыко, Е.В. Ананьевой. М.: Весь мир, 2014. С. 324–340.
- Благовещенский 2019 – Благовещенский Р.И. Британский евроскептицизм: определение и основные факторы // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 1. С. 121–145.
- Соловьев 2005 – Соловьев А.И. Колебательно-маятниковый механизм принятия государственных решений: к обоснованию когнитивной модели (I) // Полис: Политические исследования. 2005. № 5. С. 6–22.
- Bache 2008 – Bache I. Europeanization and multilevel governance. Cohesion policy in the European Union and Britain. N.Y.: Rowman & Littlefield Publishers, Inc, 2008. 206 p.
- Bootle 2014 – Bootle R. The trouble with Europe. L.: Nicholas Brealey Publishing, 2014. 216 p.
- Forster 2002 – Forster A. Euroscepticism in contemporary British politics. Opposition to Europe in British conservative and labour parties since 1945. N.Y.: Routledge, 2002. 168 p.
- Gamble 2012 – Gamble A. Better off out? Britain and Europe // The Political Quarterly. 2012. Vol. 83. Issue 3. P. 468–477.
- Geddes 2004 – Geddes A. The European Union and British politics. L.: Palgrave MacMillan, 2004. 272 p.
- Gowland, Turner, Wright 2010 – Gowland D., Turner A., Wright A. Britain and European integration since 1945. On the sidelines. L.: Routledge, 2010. 312 p.
- Harmsen 2007 – Harmsen R. Is British euroscepticism still unique? National exceptionalism in comparative perspective // Les résistances à l'Europe: cultures nationales, idéologies et stratégies d'acteurs. Bruxelles: Université de Bruxelles, 2007. P. 69–92.
- Kissinger 1994 – Kissinger H. Diplomacy. N.Y.: Simon & Schuster, 1994. 912 p.
- Lasswell 1927 – Lasswell H. The theory of political propaganda // American Political Science Review. 1927. Vol. 21. Issue 3. P. 627–631.
- Leconte 2010 – Leconte C. Understanding euroscepticism. L.: Palgrave MacMillan, 2010. 307 p.

- Macshane 2016 – *Macshane D.* Brexit. How Britain left Europe. L.: I.B. Tauris, 2016. 240 p.
- Oliver 2017 – *Oliver C.* Unleashing demons. The inside story of Brexit. L.: Quercus, 2017. 432 p.
- Wall 2008 – *Wall S.* A stranger in Europe. Britain and the EU from Thatcher to Blair. N.Y.: Oxford University Press, 2008. 246 p.

References

- Allison, G. (2012), *Kvintessentsiya resheniya: na primere Karibskogo krizisa 1962 g.* [Essence of decision. Explaining the Cuban Missile crisis, Editorial URSS, Moscow, Russia.
- Babynina, L.O. (2014), “Britain in the EU. To be or not to be?”, in Gromyko, A.I. and Anan'eva, E.V. (eds.), *Dilemmy Britanii: poisk putei razvitiya* [Dilemmas of Britain. The search of development paths], Ves' mir, Moscow, Russia.
- Bache, I. (2008), *Europeanization and multilevel governance. Cohesion policy in the European Union and Britain*, Rowman & Littlefield Publishers, Inc., New York, USA.
- Blagoveshchenskii, R.I. (2019), “British Euroscepticism. The definition and main factors”, *Aktual'nye problemy Evropy*, no. 1, pp. 121–145.
- Bootle, R. (2014), *The trouble with Europe*, Nicholas Brealey Publishing, London, UK.
- Forster, A. (2002), *Euroscepticism in contemporary British politics. Opposition to Europe in British conservative and labour parties since 1945*, Routledge, New York, USA.
- Gamble, A. (2012), “Better off out? Britain and Europe”, *The Political Quarterly*, vol. 83, issue 3, pp. 468–477.
- Geddes, A. (2004), *The European Union and British politics*, Palgrave MacMillan, London, UK.
- Gowland, D., Turner, A. and Wright, A. (2010), *Britain and European integration since 1945. On the sidelines*, Routledge, London, UK.
- Harmsen, R. (2007), “Is British euroscepticism still unique? National exceptionalism in comparative perspective”, *Les résistances à l'Europe: cultures nationales, idéologies et stratégies d'acteurs*, Université de Bruxelles, Bruxelles, Belgium, pp. 69–92.
- Kissinger, H. (1994), *Diplomacy*, Simon & Schuster, New York, USA.
- Lasswell, H. (1927), “The theory of political propaganda”, *American Political Science Review*, vol. 21, issue 3, pp. 627–631.
- Lecote, C. (2010), *Understanding euroscepticism*, Palgrave MacMillan, London, UK.
- Macshane, D. (2016), *How Britain left Europe*, I.B. Tauris, London, UK.
- Oliver, C. (2017), *Unleashing demons. The inside story of Brexit*, Quercus, London, UK.
- Solov'ev, A.I. (2005), “Mechanism of decision-making. The cognitive model (I)”, *Polis. Political studies*, no. 5. pp. 6–22.
- Wall, S. (2008), *A stranger in Europe. Britain and the EU from Thatcher to Blair*, Oxford University Press, New York, USA.

Информация об авторах

Сергей В. Лебедев, кандидат политических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6; sergei.lebedeff@gmail.com

Роман И. Благовещенский, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; Россия, 191060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3; roman10.89@mail.ru

Information about the authors

Sergei V. Lebedev, Cand. of Sci. (Political Studies), Russian State Humanitarian University, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; sergei.lebedeff@gmail.com

Roman I. Blagoveshchenskii, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 1/3, Smolny St., Saint Petersburg, Russia, 191060; roman10.89@mail.ru

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 332(81)

DOI: 10.28995/2073-6339-2022-4-49-59

Региональное лидерство Бразилии в начале XXI в.

Анна Д. Щербакова

*Институт Латинской Америки РАН
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия, anna_scherbakova@list.ru*

Аннотация. В статье проведен анализ политики бразильских правительств в первые десятилетия XXI в. по укреплению позиций страны в южноамериканском регионе на примере президентских мандатов Инасиу Луиса Лулы да Силва и действующего главы государства Жаира Болсонаро. Стремление Бразилии стать частью глобального сообщества с опорой на лидерство в Южной Америке, сформулированное в начале XX в. министром иностранных дел бароном де Рио-Бранко, стало константой внешнеполитической стратегии страны вне зависимости от характера режимов, находившихся у власти. Показано, что курс Лулы на более заметную роль страны в региональных делах оказался особенно успешным в развитии (суб)региональных интеграционных объединений и создании новых форматов многостороннего сотрудничества. Переформатирование внутрирегионального контекста в результате электоральных процессов и воздействия внешних факторов (пандемия COVID-19) привело к изменению подхода действующего правительства Бразилии к позиционированию страны в регионе, что соответствующим образом отразилось на ее отношениях с южноамериканскими партнерами и ее потенциале регионального лидерства.

Ключевые слова: региональное лидерство, Южная Америка, Бразилия, УНАСУР, пандемия

Для цитирования: Щербакова А.Д. Специфика регионального лидерства Бразилии в начале XXI в. // Вестник РГГУ. Серия «История. Политология. Международные отношения». 2022. № 4. С. 49–59. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-4-49-59

© Щербакова А.Д., 2022

Brazil's regional leadership in the early 21st century

Anna D. Shcherbakova

*Institute of Latin American Studies Russian Academy of Sciences
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia, anna_scherbakova@list.ru*

Abstract. The article deals with policy aimed to strengthen the country's role in South America of the Brazilian governments of Luiz Inácio Lula da Silva and Jair Bolsonaro in the first two decades of the 21st century. The Brazil's desire to become a part of the global community based on leadership in South America was articulated at the beginning of the 20th century by then Minister of Foreign Affairs Baron de Rio-Branco. Since then it has become a key issue of Brazilian foreign policy. It was shown in the article that Lula's strategy for playing a more prominent role in regional affairs was especially successful in the areas of subregional integration and creation of new formats of multilateral cooperation. In context of significant changes of the regional context because of electoral results and impact of external factors such as the COVID-19 pandemic the current Brazilian government had to review of its approach to the state positioning within the region. This change has already affected Brazil's relations with other South American countries and effectiveness of its regional leadership.

Keywords: regional leadership, South America, Brazil, Union of South American Nations, pandemic COVID-19

For citation: Shcherbakova, A.D. (2022), "Brazil's regional leadership in the early 21st century", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 49-59, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-4-49-59

Введение

Стремление к лидерству стало ключевым элементом внешнеполитической традиции и стратегии поведения Бразилии на международной арене в начале XX в. Занимавший пост ее министра иностранных дел в 1902–1912 гг. Жозе Мария да Силва Параньос, барон де Рио-Бранко понимал его как «подключение» страны к «активности «глобального сообщества», сделав делом своей жизни достижение страной национального величия и превращение Латинской Америки в один из центров мировой политики [Мартынов 2004, с. 46].

Рациональной основой подобных притязаний стали географические, демографические и экономические (начиная со второй половины 1970-х гг.) показатели. Так, еще в 1907 г. чилий-

ский посол в Рио-де-Жанейро в своем донесении писал: «Ввиду своих огромных размеров, многочисленности населения, географического положения и перспектив на будущее, Бразилия рассматривает себя как страну, призванную осуществлять в Южной Америке часть той гегемонии, которую США в настоящее время осуществляют по всей Америке» [Глинкин 1980, с. 17]. Курс Итамарати (министерство иностранных дел) на сближение с соседними странами имел и определенную геополитическую проекцию, отделив Северную Америку и Карибский бассейн как сферу интересов Вашингтона от Южной Америки как собственно бразильской сферы влияния [Frenkel, Azzi 2021, p. 171]. В результате уже в 1970-е гг. исследователи характеризовали ее как «восходящую державу», постепенно вовлекавшую в свою орбиту малые страны континента [Глинкин 1980, с. 31].

Восприятие Бразилией Южноамериканского континента как зоны своих преимущественных интересов влекло за собой ее стремление играть все более заметную роль в региональных делах на протяжении всего XX в. Фундаментом политики страны на этом направлении долгое время было мирное урегулирование всех своих территориальных споров с соседями, а основными направлениями – попытки посредничества в разрешении территориальных споров в регионе и продвижение объединительных проектов в разных сферах, от идеи торгового и оборонительного союза с Аргентиной и Чили («Союз АБЧ») и Антивоенного договора о ненападении и примирении («Пакт Сааведра Ламаса») до создания экономического Общего рынка стран Южного конуса (Меркосур). При этом особое место на бразильской внешнеполитической палитре традиционно занимали отношения с Аргентиной, балансировавшие от соперничества к сотрудничеству на протяжении почти всей независимой истории двух стран [Мартьянов, Борзова 2021].

Региональная политика периферийной державы

Подходы к пониманию лидерства и способам достижения этого статуса заметно изменились в начале нового столетия при Луисе Инасиу Луле да Силва, занимавшем пост главы государства в 2003–2012 гг. Этот «самый левый» президент в истории страны заявил в 2005 г., что «XIX век был веком Европы, XX – веком США, а XXI век станет веком Бразилии» [Дабагян 2012, с. 59]. Российский историк А.Ю. Борзова, вслед за американскими исследователями Х. Брэндсом и Р. Кэганом, анализировала

внешнюю политику Бразилии под управлением Лулы как поведение средней (или периферийной) державы, у которой недостаточно материальных ресурсов, чтобы противостоять гегемонистским устремлениям супердержав или играть ведущую роль в формировании международной системы, и которая пытается это отчасти компенсировать за счет многосторонней дипломатии [Борзова 2011]. В качестве одного из основных направлений деятельности этой «амбициозной периферийной державы» на мировой арене она выделяет региональное, действительно ставшее одним из приоритетов политики Итамарати в первое десятилетие XXI в.

Цель политики правительства Лулы в «своем» регионе заключалась в достижении и поддержании лидерства посредством углубления и расширения межгосударственного сотрудничества в контексте так называемого левого поворота¹, кардинально изменившего расстановку политических сил в Латинской Америке. Наиболее активно бразильская дипломатия действовала на интеграционном «поле» и в создании новых форматов многостороннего взаимодействия. Так, своего рода «возвращение» страны в Меркосур смогло придать новый импульс развитию этого объединения, именно тогда вставшего на путь постепенного расширения состава участников (в 2005 г. страны-основатели проголосовали за присоединение Венесуэлы в качестве полноправного члена блока). По мнению бразильского исследователя и дипломата Рубенса Рикуперо, расширение Меркосур рассматривалось Бразилиа в качестве основы формирующегося политико-стратегического и торгово-экономического пространства в регионе [Борзова 2011, с. 24].

Еще одним важным вектором приложения бразильских усилий в Южной Америке стало укрепление новых форматов регионального управления, важнейшим из которых стало Южноамериканское сообщество наций, созданное в декабре 2004 г. и «перезапущенное» по завершении институционального оформления в мае 2008 г. как Союз южноамериканских наций (УНАСУР). Примечательно, что его учредительный договор был подписан в Бразилиа, а на саммите нового объединения в июле 2008 г. Лула подчеркивал ведущее место своей страны в блоке, призванной, по его мнению, играть роль своеобразного моста между правитель-

¹ «Левым поворотом» принято обозначать совокупность политических процессов в латиноамериканском регионе, обусловивших приход к власти в конце XX – начале XXI в. в ряде стран левоориентированных правительств.

ствами различных идеологических взглядов и добиваться политического, экономического, социального и культурного равновесия на континенте [Дабагян 2012, с. 60].

Сотрудничество в УНАСУР планировалось развивать в целом ряде сфер: от обороны и здравоохранения до борьбы с оборотом наркотиков и транснациональной преступностью, но именно первые две — оборона и здравоохранение — стали фокусом и проекцией бразильского регионального лидерства. Так, по инициативе Лулы 11 стран континента создали Южноамериканский совет обороны (начал свою работу в декабре 2008 г.) в противовес позиции Колумбии, отстаивавшей необходимость передачи вопросов региональной безопасности (в том числе урегулирование региональных конфликтов) в ведение Организации американских государств под эгидой США, легитимность участия которых в качестве «добросовестного посредника» ставилась под сомнение рядом южноамериканских государств.

Что касается взаимодействия в сфере здравоохранения, именно оно считается самым ярким примером бразильского вклада в углубление регионального сотрудничества. Прежде всего, это участие страны в работе Южноамериканского совета по здравоохранению, сформированного в декабре 2008 г. главами государств и правительств УНАСУР; ее роль в создании постоянного совета организации по вопросам здравоохранения, в рамках которого соответствующие министры стран-участниц блока встречались для выработки общих позиций в этой сфере за счет продвижения общей политики и программ; это и участие в работе Южноамериканского института управления в сфере здравоохранения УНАСУР, включая выделение гранта для его запуска и штаб-квартиры организации в Рио-де-Жанейро [Чин, Диас 2016].

Правый поворот от региона

Однако, несмотря на успех и очевидные дивиденды с точки зрения укрепления позиций страны в регионе, после завершения второго президентского мандата Лулы происходит постепенное вытеснение Южной Америки из числа приоритетных направлений Бразилиа в контексте общего снижения международной активности страны. Отечественные исследователи связывали его с общим ухудшением социально-экономической ситуации и внутриполитической турбулентностью, вызванной чередой коррупционных скандалов, приведших к отставке Дилмы Руссефф, возглавлявшей страну с 2011 по август 2016 г. [Бразилия 2019, с. 63].

Кульминацией и закономерным итогом этих процессов стала победа на президентских выборах 2018 г. правого популиста Жаира Болсонаро (2019 – по н. в.), коренным образом изменившая ситуацию внутри страны и ее международный профиль.

Существенному пересмотру подверглась и региональная политика Бразилии. Латиноамериканские исследователи Карлос Эдуардо Видигаль и Рауль Берналь-Меса выделили пять наиболее заметных изменений южноамериканского курса действующего правительства: 1) возвращение к тесным отношениям с США; 2) отказ от поддержки УНАСУР в пользу нового объединения, призванного его заменить²; 3) отказ от политической поддержки правительства Венесуэлы как главной угрозы безопасности и стабильности в регионе; 4) снижение значимости Меркосур; 5) отход от приоритетных отношений с соседней Аргентиной в пользу Чили [Vidigal, Bernal-Meza 2020, p. 17]. На наш взгляд, в контексте регионального лидерства наиболее критичными стали исключение региональной (УНАСУР) и субрегиональной (Меркосур) интеграции из числа политических приоритетов Бразилии и осложнение отношений с Буэнос-Айресом, выступавших системообразующим звеном объединительных процессов в бассейне Ла-Платы и Южном конусе после возвращения обеих стран к демократии в середине 1980-х гг.

В течение нынешнего электорального цикла аргентино-бразильские отношения развиваются под воздействием комплекса внешних и внутренних факторов. К первым, в значительной степени сформировавшим актуальный региональный контекст, стоит отнести политическую поляризацию и заметно возросшую степень идеологизации международных отношений. Что касается вторых, то на характер и возможности взаимодействия между странами влияли (зачастую негативно) их различные экономические модели, разные внутри- и внешнеполитические приоритеты, не совпадавшее видение траектории развития Меркосур, полярные подходы к сдерживанию пандемии коронавируса. Более того, неоднозначная позиция президента Ж. Болсонаро по отношению к COVID-19 и его политика в условиях распространения вируса из элемента сугубо внутренней повестки превратилась в важный фактор отношений страны не только с Аргентиной, но и другими государствами региона.

² Foro para el Progreso de América del Sur, PROSUR – «механизм и странство для диалога и сотрудничества всех стран Южной Америки с целью продвижения более эффективной интеграции, способствующей росту, прогрессу и развитию стран Южной Америки». О нем см.: URL: <https://foroprosur.org/> (дата обращения 30.07.2022).

Коронавирус в страновой и региональной повестке

По данным американского Университета Джонса Хопкинса, частного исследовательского центра, ведущего ежедневную статистику по заболеваемости коронавирусом, Бразилия была и остается лидером в латиноамериканском регионе по числу подтвержденных случаев COVID-19, максимальное число которых (186 606) было зарегистрировано 30 января 2022 г.³ По данным Бразильского института географии и статистики, 31,5 млн бразильцев (15% населения) не имеют доступа к питьевой воде через централизованную систему водоснабжения; 75 млн (36%) проживают в районах, где нет канализации; и 6 млн не имеют дома ванной. Таким образом, для значительной части граждан страны даже обычное мытье рук недоступно или, по крайней мере, не является тривиальным действием. В то же время еще 12 млн человек (5,6%) живут в тесноте (более трех человек в комнате) [Fucille 2020]. Все это может способствовать распространению коронавируса и усугублять его последствия, поскольку проживание в подобных условиях затрудняет соблюдение даже базовых рекомендаций для профилактики заболевания. Некоторые исследователи выделяют в качестве основных причин такого положения дел уровень социального неравенства в стране (один из самых высоких в мире), в результате чего COVID-19 непропорционально чаще поражает бедных и безработных афро-бразильцев; резкое недофинансирование социальной сферы и, как следствие, заметную деградацию системы здравоохранения в последние годы; а также позицию президента по отношению к пандемии, ставшего лидером ковид-диссидентов в стране⁴.

Действительно, политика федерального правительства в борьбе с новым вирусом в значительной степени определялась взглядами главы исполнительной власти, оказавшегося приверженцем теории, согласно которой лучший способ справиться с пандемией – позволить вирусу беспрепятственно распространяться для достижения естественного коллективного иммунитета⁵. В резуль-

³ Brazil: What is the daily number of confirmed cases? Available at: <https://ourworldindata.org/coronavirus/country/brazil> (Accessed 9 June 2022).

⁴ Saad Filho Alfredo, Feil Fernanda. COVID-19 in Brazil. How Jair Bolsonaro created a calamity. URL: <https://theconversation.com/covid-19-in-brazil-how-jair-bolsonaro-created-a-calamity-159066> (дата обращения 09.06.2022).

⁵ *Dacil Lanza A.* Bolsonarismo, salud y realidad alternativa // Nuevo Sociedad. Junio 2021. URL: <http://https://nuso.org/articulo/salud-bolsonarismo-pandemia-conspiracion-teorias-derechas/> (дата обращения 11.06.2022).

тате Ж. Болсонаро не только сам нарушал (подчас довольно демонстративно) санитарно-эпидемиологические требования по соблюдению карантина после контакта с заболевшими, социальной изоляции, дистанции и вакцинации, подчеркивая необходимость их исполнения, но и использовал свои конституционные полномочия для продвижения этой «альтернативной» повестки.

Так, он пытался оказывать влияние на деятельность Министерства здравоохранения по широкому кругу вопросов: от составления клинических рекомендаций по лечению коронавируса, продвигая при этом препараты с недоказанной эффективностью, преуменьшения и сокрытия данных о масштабах эпидемии до закупки импортных вакцин. В частности, президент наложил вето на закон, предписывавший ношение масок при посещении религиозных церемоний. Более того, несмотря на федеративную форму государственного устройства, он препятствовал усилиям правительств штатов по введению ограничений, в частности используя свои директивные полномочия для того, чтобы отдельные предприятия (в том числе спа-центры и спортивные залы) продолжали работать.

Такая одиозная позиция президента в отношении глобальной угрозы, в которую быстро превратился коронавирус, не могла не вызвать непонимание и протест у представителей медицинского сообщества и ученых [“We are being ignored” 2021], части политического класса и интеллектуальной элиты. Кроме того, она серьезно диссонировала с подходами остальных южноамериканских правительств, в том числе партнеров страны по Меркосур [Щербакова 2021]. В результате серьезно осложнились отношения Бразилии с соседями, которые уже в первые месяцы распространения болезни стали воспринимать Бразилию как ее эпицентр. Ситуацию усугубляла неспособность (или нежелание) правительства Болсонаро обеспечить минимальную координацию санитарных и пограничных мер в регионе для сдерживания вируса, сделавшая его объектом критики даже со стороны идеологически близких – правых – правительств Колумбии и Парагвая. Еще одним свидетельством отказа действующего правительства от притязаний на лидерство в регионе на «поле» здравоохранения (столь успешном при Луле! – А.Щ.) может служить его отказ от активной «Глобальной дипломатии» в области здравоохранения», реализуемой и на региональном уровне [Gomes Saraiva, De Mello E Silva 2020].

* * *

В сентябре 2020 г. председатель нижней палаты бразильского парламента Родриго Майа противопоставил политику Ж. Болсонаро дипломатии Рио-Бранко, «оставившего в наследство стабильные границы и мирные отношения с южноамериканскими соседями» [Мартынов, Борзова 2021, с. 250]. В действительности региональная политика действующего президента серьезно отличается не только от подходов «Золотого канцлера», но и его не столь отдаленных предшественников.

Понижение Южной Америки на шкале внешнеполитических приоритетов Бразилии, во-первых, можно рассматривать как объективное следствие тенденций поляризации и фрагментации, в результате которых альянсы в регионе создаются не со странами, а с правительствами соответствующей идеологической окраски. Во-вторых, мощным негативным фактором, фактически «обнулившим» лидерский потенциал страны на континенте, стала специфическая реакция действующего правительства на пандемию коронавируса. В-третьих, наряду с неготовностью южноамериканских государств признавать лидерство Бразилии в новых условиях, приходится констатировать и отсутствие стремления к этому лидерству у правительства Ж. Болсонаро, которое, в силу субъективных предпочтений и объективно существующих ограничений, делало ставку на сближение с США и внерегиональными партнерами в ущерб налаженным внутри региона связям.

Литература

- Борзова 2011 – *Борзова А.Ю.* Формирование внешнеполитической стратегии современной Бразилии // Латинская Америка. 2011. № 11. С. 18–30.
- Бразилия 2019 – Бразилия: смена приоритетов в новом политическом цикле. М.: ИЛА РАН, 2019. 145 с. (Серия аналитических изданий «Саммит»).
- Глинкин 1980 – *Глинкин А.Н.* Особенности формирования внешнеполитических концепций и доктрин в Латинской Америке // Внешнеполитические доктрины и концепции стран Латинской Америки. М.: Ин-т Латинской Америки АН СССР, 1980. С. 3–34.
- Дабагян 2012 – *Дабагян Э.С.* Бразилия на мировой арене // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 3. С. 59–67.
- Мартынов 2004 – *Мартынов Б.Ф.* «Золотой канцлер»: Барон де Рио-Бранко – великий дипломат Латинской Америки. М.: ИЛА РАН, 2004. 160 с.
- Мартынов, Борзова 2021 – *Мартынов Б.Ф., Борзова А.Ю.* История внешней политики и дипломатии Бразилии: Учебник. М.: Аспект Пресс, 2021. 288 с.

- Чин, Диас 2016 – *Чин Т.Г., Диас Б.И.* Возвышение Бразилии в системе регионального и глобального управления: от новых идей к новым институтам // Вестник международных организаций. 2010. Т. 11. № 2. С. 71–96.
- Щербакова 2021 – *Щербакова А.Д.* Страны Mercosug перед лицом пандемии COVID-19: каждый сам за себя? // Латинская Америка. 2021. № 6. С. 53–64.
- “We are being ignored” 2021 – “We are being ignored”. Brazil’s researchers blame anti-science government for Covid surge // *Nature*. Vol. 593. P. 15–16.
- Frenkel, Azzi 2021 – *Frenkel A., Azzi D.* Jair Bolsonaro y la desintegración de América del Sur: ¿un paréntesis? // *Nueva Sociedad*. 2021. No 291, enero-febrero. P. 169–181.
- Fuccille 2020 – *Fuccille A.* Brasil, Jair Bolsonaro y el COVID-19. URL: <https://www.realinstitutoelcano.org/analisis/brasil-jair-bolsonaro-y-el-covid-19/> (дата обращения 31.05.2021).
- Gomes Saraiva, De Mello E Silva 2020 – *Gomes Saraiva M., De Mello E S.A.* Between political crisis and COVID-19. Bolsonaro’s foreign policy. URL: <https://www.e-ir.info/2020/06/02/between-political-crisis-and-covid-19-bolsonaros-foreign-policy/> (дата обращения 11.06.2022).
- Vidigal, Bernal-Meza 2020 – *Vidigal C.E., Bernal-Meza R.* Bolsonaro versus Rio Branco. Transição hegemônica, América do Sul e política externa // *Revista de Relaciones Internacionales, Estrategia y Seguridad*. 2020. No. 15 (2). P. 11–26. URL: <https://doi.org/10.18359/ries.4673> (дата обращения 31.05.2021).

References

- Borzova, A.Yu. (2011), “Formation of foreign policy strategy of Brazil”, *Latinskaya Amerika*, no. 11, pp. 18–30.
- Braziliya: smena prioritetov v novom politicheskom tzykle* [Brazil’s changing priorities in the new political cycle] (2019), ILA RAN, Moscow, Russia (Seriya analiticheskikh izdaniy “Sammit”).
- Glinkin, A.N. (1980), “Features of formation of foreign policy concepts and doctrines in Latin America”, in *Vneshnepoliticheskie doktriny i konceptzii stran Latinskoj Ameriki* [Foreign policy doctrines and concepts of Latin American countries], Institut Latinskoj Ameriki AN SSSR, Moscow, Russia.
- Dabagyan, E.S. (2012), “Brazil at world stage”, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 3, pp. 59–67.
- Martynov, B.F. (2004), “*Zolotoi kanczler*”. *Baron de Rio-Branko – velikii diplomat Latinskoj Ameriki* [“Golden Chancellor”. Baron de Río Branco – the great diplomat of Latin America], ILA RAN, Moscow, Russia.
- Martynov, B.F. and Borzova, A.Yu. (2021), *Istoriya vneshnei politiki i diplomatii Brazili: Uchebnyk* [History of foreign policy and diplomacy of Brazil. Textbook], Aspekt Press, Moscow, Russia.
- Chin, T.G. and Dias, B.I. (2016), “Brazil in regional and global governance. Foreign policy, leadership and UNASUR”, *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*, vol. 11, no. 2, pp. 71–96.
- Shcherbakova, A.D. (2021), “Mercosur countries in the face of the COVID-19 pandemic. Is it every man for himself?”, *Latinskaya Amerika*, no. 6, pp. 53–64.
- “We are being ignored”. Brazil’s researchers blame anti-science government for Covid surge” (2021), *Nature*, vol. 593, pp. 15–16.

- Frenkel, A. and Azzi, D. (2021), “Jair Bolsonaro y la desintegración de América del Sur: ¿un paréntesis?”, *Nueva Sociedad*, no. 291, enero-febrero, pp. 169–181.
- Fuccille, A. (2020), Brasil, Jair Bolsonaro y el COVID-19, available at: <https://www.realinstitutoelcano.org/analisis/brasil-jair-bolsonaro-y-el-covid-19/> (Accessed 31 May 2021).
- Gomes Saraiva, M. and De Mello E, S.A. (2020), *Between political crisis and COVID-19. Bolsonaro's foreign policy*, available at: <https://www.e-ir.info/2020/06/02/between-political-crisis-and-covid-19-bolsonaros-foreign-policy/> (Accessed 11 June 2022).
- Vidigal, C.E. and Bernal-Meza, R. (2020), “Bolsonaro versus Rio Branco: transição hegemônica, América do Sul e política externa”, *Revista de Relaciones Internacionales, Estrategia y Seguridad*, vol. 15, no. 2, pp. 11–26, available at: <https://doi.org/10.18359/ries.4673> (Accessed 31 May 2021).

Информация об авторе

Анна Д. Щербакова, кандидат политических наук, доцент, Институт Латинской Америки РАН, Москва, Россия; Россия, 115035, Москва, ул. Большая Ордынка, д. 21/16;

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; Москва, Россия, 119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 51; anna_scherbakova@list.ru

Information about the author

Anna D. Shcherbakova, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Institute of Latin American Studies Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 21/16, Bol'shaya Ordynka St., Moscow, Russia, 115035;

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 51, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; anna_scherbakova@list.ru

Узбекистан в проектах регионального партнерства

Мария Н. Моховикова

*Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия, vneshpol@gmail.com*

Аннотация. Узбекистан, обладая серьезным экономическим и демографическим потенциалом в Центрально-Азиатском регионе, не только активно участвует, но инициирует процессы регионализации. Статья состоит из трех разделов. В первой части отражены государственная политика республики в сфере международного сотрудничества и факторы, оказывающие влияние на выбор регионального вектора. Обозначены основные тренды в политико-экономическом взаимодействии со странами-соседями в двустороннем сотрудничестве во второй части статьи. В третьем разделе выделены особенности регионального сотрудничества со странами региона в формате межгосударственных объединений и организаций. Автор выделяет основные аспекты, обуславливающие необходимость регионального сотрудничества по усилению взаимодействия, по разработке своевременных инициатив и новых подходов для решения актуальных проблем. В статье подчеркивается важность проведения совместной инвестиционной и торгово-экономической политики, установления прямых контактов бизнес-структур, развития транспортно-транзитного потенциала региона, общего подхода к управлению природными ресурсами. В заключении делается вывод о потенциальных положительных эффектах от активного участия Узбекистана в региональных процессах в экономической сфере и факторах успешной интеграции Узбекистана с действующими странами-участницами ЕАЭС.

Ключевые слова: Республика Узбекистан, Центральная Азия, региональное сотрудничество, государственная политика, межгосударственные объединения

Для цитирования: Моховикова М.Н. Узбекистан в проектах регионального партнерства // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 4. С. 60–73. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-4-60-73

Uzbekistan in the regional partnership projects

Maria N. Mokhovichova

*Moscow State Linguistic University
Moscow, Russia, vneshpol@gmail.com*

Abstract. Uzbekistan, having a serious economic and demographic potential in the Central Asian region, does not only actively participate, but it also initiates the processes of regionalization. The article consists of three sections. The first part reflects the state policy of the republic in the field of international cooperation and the factors influencing the choice of a regional vector. The main trends in the bilateral political and economic cooperation with the neighboring states are outlined in the second part of the article. The third section highlights the features of the regional cooperation with the countries of the zone in the format of interstate associations and organizations. The author discusses the main aspects that determine the need for regional cooperation to strengthen the interaction, develop the relevant initiatives and the new approaches for a timely response to the emerging problems, and mitigate their consequences. The article emphasizes the importance of conducting a close trade, economic and investment policy, building up direct contacts of business entities, developing the transport and transit potential of the region and the effective joint management of natural resources. The conclusion is made about the potential positive effects of Uzbekistan's active participation in the regional processes in the economic sphere and the factors of Uzbekistan's successful integration with the current EAEU member states.

Keywords: Republic of Uzbekistan, Central Asia, regional cooperation, state policy, interstate associations

For citation: Mokhovichova, M.N. (2022), "Uzbekistan in the regional partnership projects", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 60-73, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-4-60-73

Введение

Акцент на роли Республики Узбекистан (РУз) в региональных процессах сделан в первую очередь из-за стремления проанализировать направление сотрудничества на новом этапе. Создав своего рода единый целевой ориентир – вхождение в топ-50 экономик мира, в республике агрегируются все задачи развития. Геополитические и демографические ресурсы составляет основу, позволяющую руководству страны усилить регионализм. Одним из решений накопившихся проблем как в региональных, так и во внутренних делах в стране видят усиление взаимодействия центральноазиатских стран. Данная позиция закрепляется в стратегических документах и отражается в практических проектах.

тах. При анализе данных процессов разделение на политическое и экономическое вряд ли возможно, тем не менее в данной статье будет сделан больший акцент на региональном экономическом сотрудничестве.

Республика Узбекистан, являясь стратегическим партнером России на постсоветском пространстве, связана с нашей страной не только двусторонними договоренностями и масштабными проектами, но и является активным членом международных организаций с участием РФ. Создание вокруг Узбекистана пространства активного развития может стать современной зоной роста, которая поможет решить ряд задач стратегического развития региона [Камилов 2020].

Государственная политика Узбекистана в сфере международного экономического сотрудничества

Страна в настоящее время находится на этапе, который характеризуется социально-экономическими и общественно-политическими реформами. Достижение цели развития в стране видится через поэтапную интеграцию в мировую финансово-экономическую систему. В 2016 г. Президентом РУз Шавкатом Мирзиёевым был взят курс на изменение внутренней и внешней политики, одной из составляющих которой стало усиление внутрирегионального взаимодействия стран Центральной Азии (ЦА). Решимость в установлении регионального диалога была продемонстрирована Президентом Узбекистана с трибуны ООН в 2017 г. Инициатива проведения постоянных встреч глав государств ЦА была поддержана лидерами государств региона. За короткий период произошли изменения в сторону улучшения отношений со странами-соседями. Острые проблемы, которые существовали во взаимоотношениях, постепенно снимаются благодаря налаживанию диалога лидеров стран региона.

Стратегический курс отразился в документах, среди которых «Стратегия действия по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 гг.»¹, а также

¹ Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 гг. Приложение № 1 к Указу Президента Республики Узбекистан от 7 февраля 2017 года № УП-4947 // Государственное учреждение «Национальный правовой информационный центр “Адолат” при Министерстве юстиции Республики Узбекистан»: офиц. сайт. URL: <https://lex.uz/docs/3107042>, (дата обращения 26.03.2021).

«Стратегия развития Нового Узбекистана на 2022–2026 гг.»², которая обозначила 100 приоритетных целей. Первая из указанных стратегий определяла основные векторы развития страны в целом, подчеркивая, что главный внешнеполитический приоритет – развитие дружественных и взаимовыгодных отношений с непосредственными соседями – государствами ЦА. Вторая уже более подробно конкретизирует каждую из приоритетных задач развития.

В списке «приоритетов внешней политики страны внимание уделяется развитию стратегических отношений Узбекистана с широким кругом влиятельных государств мира и международными организациями»³. В ходе публичных выступлений глава государства, обозначая «приоритетные задачи внешней политики страны, неоднократно отмечал приоритет государств ЦА»⁴. Созванная в Астане по инициативе президента Узбекистана в марте 2018 г. консультативная встреча глав государств ЦА трактовалась многими экспертами как новый этап интеграции в регионе. По итогам второго саммита было принято заявление, в котором тенденция на региональное сближение в Центральной Азии называлась исторически обусловленной реальностью и подчеркивалась необходимость регионального сотрудничества в сферах сохранения стабильности, безопасности, политики, а также достижения устойчивого развития. 21 июля 2022 г. в Чолпон-Ате (Кыргызстан) состоялась четвертая консультативная встреча глав государств Центральной Азии. На ней был подписан «Договор между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан, Туркменистаном и Республикой Узбекистан о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве в целях развития Центральной Азии

² Указ Президента Республики Узбекистан «О стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 гг.» от 28.01.2022 г. № УП-60 // Государственное учреждение «Национальный правовой информационный центр “Адолат” при Министерстве юстиции Республики Узбекистан»: офиц. сайт. URL: <https://lex.uz/ru/docs/5841077> (дата обращения 14.07.2022).

³ *Камилов А.* Ташкент твердо привержен дальнейшему укреплению многостороннего и двустороннего взаимодействия в рамках СНГ // Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств. URL: https://cis.minsk.by/news/16008/a.kamilov_tashkent_tverdo_priverzhen_dalnejshemu_ukrepleniju_mnogostoronnego_i_dvustoronnego_vzaimodejstvija_v_ramkah_sng (дата обращения 18.03.2022).

⁴ Президент обозначил приоритетные задачи внешней политики Узбекистана в 2021 г. // *darakchi.uz*. URL: <http://darakchi.uz/ru/110524> (дата обращения 29.03.2021).

в XXI в.»⁵, а также одобрены документы по практическому сотрудничеству в регионе. Договор содержит статьи, в которых отражается широкий спектр договоренностей по сотрудничеству в различных областях: между ветвями власти, в военной и военно-технической сфере, экологии, социально-культурному развитию. И конечно, особое внимание уделено расширению экономического сотрудничества стран ЦА. Стороны взаимодействуют в рамках различных международных экономических, финансовых и других организаций и институтов, оказывая поддержку друг другу в участии или вступлении в международные организации.

Важным аспектом является и то, что для Узбекистана ближайшими соседями «не только Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан, но и Афганистан»⁶. В выступлениях руководства страны подчеркивается, что Афганистан является частью Центрально-Азиатского региона, с которой у Узбекистана тесные политические, торгово-экономические и культурно-гуманитарные отношения. Безопасность Афганистана в Узбекистане воспринимается как безопасность своей страны, залог развития и стабильности всего региона.

Для Узбекистана важно восприятие векторов внешней политики за рубежом – от этого напрямую зависит инвестиционный потенциал страны. Страна участвует в проектах регионального взаимодействия в формате ЦА+1, подобный диалог подразумевает обсуждение важных региональных вопросов с ведущими «игроками» в Центральной Азии. Появление таких форматов указывает на интерес к региону, признание его роли в формировании системы региональной и международной безопасности, в международных отношениях, в процессах политической и экономической взаимозависимости.

Уделяется внимание активизации сотрудничества с Пакистаном и Индией как на двустороннем уровне, так и в рамках

⁵ 21 июля в г. Чолпон-Ата состоялась четвертая консультативная встреча глав государств Центральной Азии // Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств. URL: https://cis.minsk.by/news/23848/21_ijulja_v_g_cholpon-ata_sostojalas_chetvertaja_konsultativnaja_vstrecha_glav_gosudarstv_centralnoj_azii?ysclid=1906xs91bt188234093 (дата обращения 29.03.2021).

⁶ *Камилов А.* Ташкент твердо привержен дальнейшему укреплению многостороннего и двустороннего взаимодействия в рамках СНГ // Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств. URL: https://cis.minsk.by/news/16008/a.kamilov_tashkent_tverdo_priverzhen_dalnejshemu_ukrepleniju_mnogostoronnego_i_dvustoronnego_vzaimodejstviya_v_ramkah_sng (дата обращения 18.03.2022).

ШОС. Важным фактором, влияющим на усиление внимания к региональной интеграции стран региона, остаются глобальные проекты транспортно-логистических маршрутов.

Эффективные ответы на новые внешние вызовы могут столкнуться с реалиями внутреннего содержания. Поэтому в стране намечены планы по созданию условий для социальной модернизации. В целях поддержки реформ запущен проект «Узбекистан 2035» и подготовлена Стратегия развития Республики Узбекистан до 2035 г. Авторы Стратегии выделяют четыре фактора роста: развитие промышленности и сферы услуг, трансформация сельского хозяйства, активизация предпринимательской инициативы, обеспечение финансовыми ресурсами. Драйверами роста в стране называют семь отраслей: агропромышленный комплекс, текстильную промышленность, ТЭК, ГМК, автомобилестроение, туризм, транспортные перевозки. Все перечисленные факторы развития тесно связаны с взаимодействием со странами-соседами.

Для решения задач внешнеэкономической деятельности внесены изменения в структуры исполнительных органов власти: усилено взаимодействие МИД страны с Министерством инвестиций и внешней торговли РУз в осуществлении единой внешнеэкономической деятельности. Сайт Министерства иностранных дел РУз с недавнего времени содержит специальный раздел, посвященный приоритетному отношению к Центральной Азии.

Особенности экономического сотрудничества со странами региона

Основные направления развития внешнеэкономической деятельности Узбекистана – углубление процессов импортозамещения, укрепление экспортного потенциала, расширение объемов привлечения иностранных инвестиций. «Перед пандемией темпы роста внешнеторгового оборота Узбекистана со странами Центральной Азии превышали рост общего значения торгового оборота страны, свидетельствуя об усилении межрегионального экономического сотрудничества» [Олимжонов, Якубова 2020].

Степень участия стран во взаимной внутрирегиональной торговле различна. Узбекистан занимает промежуточную позицию. Внешняя торговля Туркменистана и Казахстана ориентирована на региональный рынок в меньшей степени из-за доли углеводородов в их экспорте (поставки в ЕС, Китай и Россию), в импорте с теми же странами преобладает оборудование. При

этом без учета объемов товарного экспорта металлургии и минеральных продуктов доля экспорта между странами региона гораздо выше. Имеются перспективы по наращиванию внутрирегиональной торговли товарами, которые не относятся к сырьевой продукции, в чем заинтересованы все страны региона. По многим несырьевым товарным группам они могут выступать в качестве партнеров.

По данным Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике, в первой десятке стран, имеющих наибольший торговый оборот с Республикой Узбекистан в начале 2022 г. на третьем месте – Казахстан, на шестом – Кыргызстан, на десятом – Таджикистан. После спада пандемийного периода 2021 г. фиксируется плавный рост показателей по динамике внешне-торгового оборота в торговле с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном⁷.

Экспорт товаров и услуг из Узбекистана занимает достойное место благодаря особенностям и конкурентным преимуществам в отдельных областях. «При этом среди рассматриваемых стран основными импортерами являются Казахстан и Кыргызстан. Таджикистан и Туркменистан отличаются умеренными показателями. Узбекистан является основным импортером энергоносителей и нефтепродуктов, цветных и черных металлов из стран Центральной Азии» [Олимжонов, Якубова 2020].

Узбекский капитал также стал все активнее присутствовать в странах ЦА, растет число зарегистрированных совместных предприятий⁸, в том числе с Таджикистаном и Туркменистаном.

Двусторонние отношения со странами региона характеризуются при общих тенденциях к развитию некоторыми специфическими различиями.

Пересмотр руководством страны внешней политики в отношении укрепления связей последние годы проявляется в поиске компромиссов и установлении более прочных связей с Республикой Казахстан. В первую очередь это необходимо для создания баланса между интересами государств, сохранения целостности

⁷ Внешнеторговый оборот Республики Узбекистан. Управление статистики внешнеэкономической деятельности и торговли (71)202-80-44(45) Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике. URL: <https://stat.uz/ru/press-tsentr/novosti-goskomstata/17060-o-zbekiston-respublikasi-tashqi-savdo-aylanmasi-2021-yil-yanvar-dekabr-2> (дата обращения 10.07.2022).

⁸ Государства Центральной Азии в приоритете внешней политики Узбекистана // Интернет-портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/news/566/90452/> (дата обращения 20.03.2022).

региона, а также для осуществления успешной регионализации. Активизация взаимодействия между двумя ведущими государствами региона необходима на новом уровне, и понимание этого факта есть в обеих странах. Расширение экономического сотрудничества Узбекистана и Казахстана, направленное на ускорение экономического развития, способствует росту инвестиционной привлекательности, углубляет правовую базу отношений. Осуществляются шаги по развитию сотрудничества в банковской сфере, создана правовая основа для работы казахстанских банков в Узбекистане. Важным моментом для решения водных проблем региона стало создание «Дорожной карты по вопросам сотрудничества в сфере водных отношений»⁹. Развивается транспортное взаимодействие. Есть попытки двух стран совместно развивать производственную сферу, в частности путем создания кластерных производств.

В настоящее время, по мнению ряда казахстанских экспертов, развитие стран региона во многом зависит от успешного осуществления регионализации. Хотя присутствуют и противоположные мнения как среди экспертного круга, так и во властных институтах. Развитию отношений препятствует ряд факторов, среди которых некоторое соперничество за первенство в регионе, неоднородность взглядов на национальную идею. Можно увидеть острое обсуждение в публичном поле Казахстана темы строительства Узбекистаном АЭС вблизи границы с Казахстаном, различий в таможенных тарифах, торговых правилах, мешающих развитию казахстанского предпринимательства, проблем трудовой миграции и др.

В марте 2021 г. подписан план практических мер по расширению и углублению сотрудничества с Кыргызстаном. Узбекская сторона уделяет внимание вопросам формирования условий для увеличения объемов торговли между странами, продвижения совместных проектов в промышленности, энергетике, водном хозяйстве и агропромышленном комплексе. Узбекистан говорит о расширении гуманитарных связей и скорейшем запуске Фонда развития. Актуален запуск строительства железнодорожного пути «Китай–Кыргызстан–Узбекистан» (в 2022 г. строительство включено в перечень приоритетных проектов ЕАЭС) и увеличение грузоперевозок по коридору Андижан–Ош–Сарыташ–Иркештам. Несмотря на заявления о полном решении пригранич-

⁹ Казахстан и Узбекистан подписали Дорожную карту о сотрудничестве в водной сфере // Forbes Kazakhstan. URL: https://forbes.kz/news/2020/07/03/newsid_228680 (дата обращения 20.03.2022).

ных вопросов в 2021 г., тема остается социально острой и требует внимания со стороны руководства обеих стран.

С Таджикистаном был возобновлен диалог по пограничному и водно-энергетическому вопросам, возобновилось авиа- и железнодорожное сообщение, вступило в силу межправительственное соглашение о взаимных безвизовых поездках граждан. С 2018 г. в ходе визитов на высшем уровне решаются накопившиеся спорные вопросы (по строительству Рогунской ГЭС, распределению и использованию водных ресурсов), подписываются пакеты документов, в числе которых межправительственные и межведомственные соглашения о развитии сотрудничества в области торговли, таможни и финансов. Основные вопросы взаимодействия лежат в сферах транспортной логистики, развития сотрудничества приграничных областей. В 2022 г. прошли очередные переговоры относительно разграничения спорных территорий между двумя странами. Двусторонняя торговля между Узбекистаном и Таджикистаном осуществляется в соответствии с межправительственным Соглашением о свободной торговле от 1996 г. Экономическая зависимость, возникающая при развитии торговли, инвестиций и транспортной логистики между Таджикистаном и Узбекистаном, может стать одним из факторов стабильности в отношениях двух стран.

Отношения между Туркменистаном и Узбекистаном имеют регулярный характер. В 2017 г. подписан Договор о стратегическом партнерстве. Динамика отношений двух стран отражает общий курс РУз на укрепление связей между странами-соседями, оба государства сотрудничают на полях международных и региональных структур. Основные сферы взаимодействия: торгово-экономическая, инвестиционная и культурная. Туркменистан закупает в Узбекистане сельхозтехнику, сельскохозяйственную продукцию, минеральные удобрения, стройматериалы, продукцию химической и текстильной промышленности. По информации интернет-портала СНГ, число предприятий с участием туркменского капитала в Узбекистане за 3 года выросло с 11 до 162¹⁰.

Отдельного рассмотрения требует узбекско-афганское сотрудничество. В РУз делается особый акцент на ситуации в соседнем Афганистане. Узбекистан, способствуя диалогу, активно участвует в продвижении мирного процесса в стране, на глобаль-

¹⁰ Государства Центральной Азии в приоритете внешней политики Узбекистана // Интернет-портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/news/566/90452/> (дата обращения 20.03.2022).

ном уровне – привлекая внимание мировых держав и донорских организаций с целью обеспечить политическую поддержку мирного процесса и финансовое содействие социально-экономическому восстановлению Афганистана, а также сам осуществляет инфраструктурные проекты, направленные на возрождение экономики. Основа политика Узбекистана в отношении соседней страны – понимание, что достижение мира – это залог развития и планомерной интеграции в региональные и международные экономические связи.

Особенности регионального сотрудничества со странами ЦА в формате межгосударственных объединений и организаций

Республика придает большое значение развитию сотрудничества в рамках международных организаций: с ООН и ее институтами, СНГ, ШОС, ОБСЕ, Тюркским советом, Организацией исламского сотрудничества и др. Узбекистан углубляет сотрудничество с международными институтами развития.

В 2019 г. Узбекистан стал полноправным членом Совета сотрудничества тюркоязычных государств, решив использовать эту международную структуру как для двустороннего, так и для многостороннего сотрудничества. Узбекистан заинтересован в продвижении связей в сфере транспортной логистики в целях доступа к региональным и мировым рынкам. Стратегию экономического сотрудничества на ближайшую и среднесрочную перспективу, которая учитывала бы специфику государств-членов организации, планируется строить на основе разрабатываемого концептуального документа «Видение тюркского мира – 2040»¹¹.

В СНГ РУз активизировала участие в интеграционных проектах, целевые задачи которых отвечают национальным интересам. Узбекистан участвует в работе 40 органов Содружества.

11 декабря 2020 г. Узбекистан получил статус государства-наблюдателя ЕАЭС. Возможность углубления взаимодействия

¹¹ Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на неформальном саммите Тюркского совета в формате видеоконференции // Министерство внутренних дел Республики Узбекистан. URL: <https://iiv.uz/ru/news/ozbekiston-respublikasi-prezidenti-shavkat-mirziyoevning-turkiy-kengashning-videokonferentsiya-shaklida-otkazilgan-norasmiy-sammitidagi-nutqi?ysclid=18ofau7s77570821365> (дата обращения 22.03.2022).

Узбекистана с ЕАЭС рассматривалась несколько лет, реальные формы она приобрела после изменений в узбекской экономике под влиянием реформ. Актуальность данной площадки продиктована логикой экономического развития страны. Взаимодействие позволит расширить экспортные возможности, которые до этого сдерживались заградительными мерами для экспорта из Узбекистана. По мнению российских экспертов из ЕАБР, высказанному в докладе «Узбекистан и ЕАЭС: перспективы и потенциальные эффекты экономической интеграции», «Потенциальный объем инфраструктурных инвестиций ЕАЭС в Узбекистан может составлять 1–1,5 млрд долл. ежегодно. Это обеспечит дополнительные 0,3–0,4 п.п. прироста ВВП республики в год. Узбекистан имеет высокий инвестиционный потенциал, который используется далеко не в полной мере. Углубление кооперации со странами–членами ЕАЭС окажет содействие экономическому развитию Узбекистана»¹². Ученые из РАНХиГС О.Н. Мисько и Г.Г. Рубцов акцентируют внимание на проблемных моментах. Анализ правоприменительной практики в интеграционных процессах показал, что Узбекистан, изменив стратегическое планирование, разработав большое число документов, столкнулся с проблемой практической реализации намеченного. По словам экспертов, для того чтобы избежать ошибок, необходимо ориентировать ««трансинституциональное сотрудничество» на усилении административной ответственности за качество принимаемых стратегических документов и разработке унифицированных механизмов реализации стратегий, а также корректировке административной и уголовной нормативной документации за их необоснованное невыполнение» [Мисько, Рубцов 2022, с. 41].

Партнерство со странами-соседями развивается в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Работа на полях данной организации – составляющая поддержания мира и стабильности внутри страны, а также в регионе в целом. Торгово-экономические отношения и логистические проекты в рамках этой организации важны для Узбекистана. Страны ШОС входят в число основных внешнеторговых партнеров Узбекистана, «почти половина внешнеторгового оборота Узбекистана

¹² Узбекистан и ЕАЭС: перспективы и потенциальные эффекты экономической интеграции: Доклады и рабочие документы 21/2. Евразийский Банк развития: офиц. сайт. – URL: https://eabr.org/upload/EDB_2021_Report_Uzbekistan_and_the_EAEU_rus.pdf?ysclid=15qp8p9zkv824271297 (дата обращения 22.03.2022).

приходится на страны организации»¹³. В последние годы наблюдается положительная динамика роста товарооборота с государствами-членами. Активное участие Узбекистана в ШОС отличается инициативностью и прагматизмом. Среди последних инициатив в сфере экономики можно отметить: предложение выработать новые подходы к торговле и инвестициям в условиях пандемии, разработка программ по продовольственной безопасности и стимулирования кооперации в промышленности стран организации.

Узбекистан выстраивает сотрудничество с арабо-мусульманскими странами при участии соседей по региону. В качестве примера подписанное Узбекистаном, Туркменистаном, Оманом и Ираном соглашение по строительству логистического коридора между странами Центрально-Азиатского региона и Персидского залива. Еще одной международной площадкой для взаимодействия стран региона является Организация исламского сотрудничества (ОИС). Узбекистан намерен налаживать тесное взаимодействие с Генсекретариатом ОИС, ИБР, КОМСЕК, Исламским центром развития торговли и другими учреждениями организации¹⁴.

Заключение

В настоящее время взаимоотношения стран региона претерпевают период трансформации, обусловленный как внутренними факторами, так и новой динамикой в международной политике. Перераспределение сил между мировыми державами, усиление влияния Китая, региональные амбиции Турции, стратегическое партнерство с Россией, остающаяся сложная ситуация в соседнем Афганистане, экономические кризисы, пандемия, санкции против России и угрозы вторичных санкций за сотрудничество с ней – все накладывает условия на выработку внешнеполитического курса Узбекистана.

¹³ Внешние ориентиры Узбекистана // Экономическое обозрение. 22.01.2021. URL: <https://review.uz/post/vneshnie-orientir-uzbekistana> (дата обращения 20.02.2021).

¹⁴ Узбекистан и ОИС обсудили перспективы сотрудничества в торгово-экономической, инвестиционной и туристической сферах. Управление мусульман Узбекистана <http://muslim.uz/index.php/rus/novosti-2018/item/21723-uzbekistan-i-ois-obsudili-perspektivy-sotrudnichestva-v-torgovo-ekonomicheskoy-investitsionnoj-i-turisticheskoy-sferakh> (дата обращения 22.03.2022).

Региону ЦА во внешней политике Узбекистана определено приоритетное значение, проводимые практические шаги тому подтверждение. Реалии обуславливают необходимость регионального сотрудничества с целью выработки инициатив и новых общих решений для своевременного реагирования на вызовы. Остаются существенные препятствия: опасения руководства стран, что вследствие интеграционных процессов могут возникнуть угрозы суверенитету; высокая централизация государственного управления в странах ЦА; различия в ресурсных потенциалах государств.

Потенциальные положительные эффекты от активного участия РУз в региональных процессах в экономической сфере – это возможности расширения производственной базы, усиление конкуренции на рынке труда, расширение рынков сбыта, улучшение транспортной связанности в странах Центральной Азии.

Для России, помимо двусторонних отношений, важна многосторонняя евразийская составляющая. Эффективность интеграции Узбекистана с ЕАЭС зависит и от политических решений, и от плотности реальных экономических связей. Межрегиональное сотрудничество видится в реализации крупных промышленных проектов, внедрении высоких технологий, выходе продукции на внешние рынки, развитии депрессивных отдаленных районов и пр. Все это станет возможным, если в условиях новой геополитической реальности регулярные встречи руководителей стран не только заложат стратегическую договорную основу, но и перейдут к выработке общей практической тактики решения проблем. Политический компромисс с учетом региональных и национальных интересов, совместное решение накопленных проблем, а также новая стратегия для объединения народов Центральной Азии будут способствовать развитию региона.

Литература

- Камилов 2020 – *Камилов А.Х.* Национальные интересы Узбекистана на международной арене // *Стратегия Узбекистана*. 2020. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-interesy-uzbekistana-na-mezhdunarodnoy-arene> (дата обращения 18.03.2022).
- Мисько, Рубцов 2022 – *Мисько О.Н., Рубцов Г.Г.* Влияние унификации политик стран ЕАЭС и их союзников на долгосрочные социально-экономические процессы внутри Евразийского союза // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2022. № 16 (3). С. 34–46.

Олимжонов, Якубова 2020 – Олимжонов О.О., Якубова Э.Т. Перспективы углубления межрегионального сотрудничества Узбекистана со странами Центральной Азии // Экономика: анализы и прогнозы. 2020. № 5–6 (8–9). С. 88–93.

References

- Kamilov, A. (2020), “National interests of Uzbekistan in the international arena”, *Strategy of Uzbekistan*, no. 3, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-interesy-uzbekistana-na-mezhdunarodnoy-arene> (Accessed 18 Mar. 2022).
- Mis'ko, O.N. and Rubtsov, G.G. (2022), “The impact of the unification of the policies of the EAEU countries and their allies on the long-term socio-economic processes within the Eurasian Union], *Eurasian Integration. Economics, Law, Politics*, vol. 16, no. 3, pp. 34–46.
- Olimzhonov, O.O. and Yakubova, E.T. (2020), “Prospects for deepening interregional cooperation of Uzbekistan with the countries of Central Asia”, *Economy. Analysis and Forecasts*, vol. 8–9, no. 5–6, pp. 88–93.

Информация об авторе

Мария Н. Моховикова, кандидат политических наук, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; Россия, 119034, Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1; vneshpol@gmail.com

Information about the author

Maria N. Mokhovichova, Cand. of Sci. (Political Studies) Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 38, Ostozhenka St., Moscow, Russia, 119034; vneshpol@gmail.com

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

УДК 339.9(71)

DOI: 10.28995/2073-6339-2022-4-74-83

Арктическая политика консервативного и либерального правительств Канады в 1993–2011 гг.

Василий И. Касенков

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, kasenkov_basil@mail.ru*

Аннотация. В данной статье рассматривается арктическая повестка либеральных и консервативных кабинетов Ж. Кретьена и С. Харпера. Также уделяется внимание небольшому периоду премьерства П. Мартина. Автор последовательно рассматривает позицию либералов, основанную на стремлении к международному сотрудничеству и решению общих проблем региона. Глава либеральной партии Ж. Кретьен искал сотрудничества со всеми арктическими государствами, в частности, он неоднократно посещал Россию с официальными визитами. Премьер-министр консервативной партии С. Харпер не посещал РФ, однако сделал традиционными визиты в Арктику, где он выступал с программными заявлениями. В отличие от позиции либералов, консерваторы опирались на наращивание военной мощи, стремясь таким образом упрочить свои позиции в Арктике и на мировой арене. В дальнейшем события как внутри страны, так и за ее пределами привели к тому, что консервативная позиция относительно Арктического региона претерпела некоторые изменения. В преддверии парламентских выборов 2011 г. консерваторы отступили от однобокой позиции расширения военных сил и начали уделять внимание в том числе и другим проблемам в регионе. Целью данной статьи является сравнение политических действий Консервативной и Либеральной партий Канады в Арктике. Несмотря на то что существуют отдельные исследования политических действий как представителей либералов, так и консерваторов, новизна данной статьи заключается в сравнении этих различных подходов на определенном промежутке времени.

Ключевые слова: Арктика, Канада, Ж. Кретьен, С. Харпер, консерваторы, либералы

Для цитирования: Касенков В.И. Арктическая политика консервативного и либерального правительств Канады в 1993–2011 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 4. С. 74–83. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-4-74-83

© Касенков В.И., 2022

“Political Science. History. International Relations” Series, 2022, no. 4 • ISSN 2073-6339

Arctic policy of the conservative and liberal government of Canada in 1993–2011

Vasilii I. Kasenkov

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, kasenkov_basil@mail.ru*

Abstract. This article discusses the Arctic agenda of the liberal and conservative cabinets of J. Chretien and S. Harper. Attention is also paid to the short period of P. Martin's premiership. The author consistently considers the position of liberals based on the desire for international cooperation and the solution of common problems of the region. The head of the liberal Party, J. Chretien, sought cooperation with all the Arctic states; in particular, he repeatedly visited Russia on official visits. Prime Minister of the Conservative party S. Harper did not visit the Russian Federation, but made traditional visits to the Arctic, where he made policy statements. In contrast to the position of the liberals, the conservatives relied on the buildup of military power, thus seeking to strengthen their positions in the Arctic and on the world stage. In the future, events both inside and outside the country have led to the fact that the conservative position regarding the Arctic region has undergone some changes. On the eve of the 2011 parliamentary elections, the Conservatives retreated from the one-sided position of expanding military forces and began to pay attention to other problems in the region, among other things. The purpose of this article is to compare the political actions of the Conservative and Liberal parties of Canada in the Arctic. Despite the fact that there are separate studies of the political actions of both representatives of liberals and conservatives, the novelty of this article lies in comparing these different approaches over a certain period of time.

Keywords: Arctic, Canada, J. Chrétien, S. Harper, conservatives, liberals

For citation: Kasenkov, V.I. (2022), "Arctic policy of the conservative and liberal government of Canada in 1993–2011", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 74–83, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-4-74-83

Введение

Арктика является важнейшим регионом не только для Канады и других стран, входящих в Арктический совет, но и для всего мира в целом. Глобальные изменения климата могут привести к тому, что ранее недоступные территории могут оказаться пригодными к судоходству. Огромные залежи полезных ископаемых привлекают многие страны, в том числе и те, которые не имеют непосредственных границ с Арктикой. В связи с этим изучение арктической политики крупнейших стран региона является весьма актуальным в нынешнее время.

Чтобы достичь основной цели исследования, а именно: сравнение политических действий Консервативной и Либеральной партий Канады в Арктике, необходимо выполнить следующие задачи: а) анализ арктической политики лидеров Либеральной партии – Ж. Кретьена, б) анализ арктической политики главы консерваторов – С. Харпера.

В качестве источников и литературы были задействованы как российские, так и канадские материалы. Помимо книг и статей, также были использованы политические речи и официальные программы правительства. Особую роль в изучении арктической проблематики занимают отечественные авторы: Д.А. Володин [Володин 2021], Т.Р. Кузьмина [Кузьмина 2019], Е.В. Израелян [Израелян 2015]. Для формирования представления о том, насколько важен Арктический регион для Канады, были использованы труды канадских ученых: Г. Смита [Smith 1966] и Дж. Кавелла [Cavell 2011].

В период холодной войны Арктика не рассматривалась северными странами как отдельное геополитическое пространство. Все взаимоотношения укладывались в рамки мирового противостояния между Востоком и Западом. Несмотря на определенные попытки наладить международные связи с целью решения проблем региона, в ходе таких конференций, как Инуитский приполярный совет 1977 г.¹, основные взаимоотношения между арктическими странами стали развиваться после распада Советского Союза.

Изменение геополитической обстановки в мире позволило по-новому взглянуть на Арктический регион. В 1989 г. в Финляндии состоялась первая встреча представителей арктических государств для обсуждения проблем климата. В дальнейшем по инициативе Канады будет создан Арктический совет. На новый уровень вышло обсуждение изменений климата и проблем коренных народов Севера. Данный тренд был взят за основу при формировании арктической политики кабинета Ж. Кретьена.

Анализ арктической политики лидера Либеральной партии – Ж. Кретьена

Жан Кретьен, глава Либеральной партии Канады, стал премьер-министром государства в то время, когда холодная война, длившаяся более 40 лет, была завершена. С развалом Советского

¹ Conference report. Inuit Circumpolar conference, 1977. URL: <http://www.ebenhopson.com/icc/ICCSBooklet.html> (дата обращения 15.11.2021).

Союза потребность в том, чтобы иметь внушительные силы на своих северных рубежах, перестала быть актуальной. Либеральное правительство усматривало в складывающейся ситуации возможность направить усилия на формирование позитивных взаимоотношений с другими странами не только в рамках сотрудничества по вопросам обеспечения безопасности.

Несмотря на смещение акцентов от глобального военного противостояния к проблемам устойчивого развития Арктического региона, угроза военного конфликта не ушла полностью. Присутствие в водах Арктики подводных лодок как Соединенных Штатов Америки, так и Российской Федерации заставляло канадское правительство принимать определенные меры. В 1994 г. была выпущена Белая книга обороны Канады². В ее основе лежали принципы проведения эффективной оборонной политики, способной отвечать на современные вызовы в стремительно меняющейся международной обстановке. Таким образом правительство Канады стремилось демонстрировать постоянное военное присутствие в регионе как на море, так и в воздухе. Кроме того, в Белой книге была подчеркнута важность наличия поисково-спасательных сил в Арктике и способность немедленно реагировать на техногенные и террористические угрозы. Особая роль в патрулировании и охране границ отводилась Канадским рейнджерам.

В 1997 г. постоянный Комитет по иностранным делам и международной торговле Палаты общин Канады выпустил доклад, в котором критиковались разрозненные шаги правительства в отношении Арктики. Членами Комитета было предложено выработать целостную стратегию, которая отвечала бы интересам всех канадцев, в особенности коренных жителей северных территорий. В связи с этим правительству было рекомендовано усилить взаимодействие с другими арктическими государствами. В докладе особенно подчеркивались возможности, возникшие перед Канадой после холодной войны. Отходя от традиционно милитаристских взаимоотношений, предлагалось выстраивать отношения, направленные на выработку совместных решений в сфере экологии и демилитаризации региона. Особую роль авторы проекта отводили взаимодействию с Россией.

В ответ на доклад Комитета либеральное правительство выпустило заявление, в котором соглашалось с большей частью

² White paper on defence. Government of Canada, 1994. URL: https://publications.gc.ca/site/archivee-archived.html?url=https://publications.gc.ca/collections/collection_2012/dn-nd/D3-6-1994-eng.pdf (дата обращения 15.11.2021).

предложенного, в частности с растущей важностью Арктического региона для Канады. Также были озвучены заверения в том, что правительство намерено обеспечить ответственное развитие территорий и защиту местного населения. В международном отношении либеральное правительство выступало за всеобъемлющее взаимодействие с другими странами, в том числе и с Россией, приводя в пример совместную работу над утилизацией ядерных отходов.

Программа «Северное измерение внешней политики Канады»³ вышла в свет в 2000 г. Она была разработана Министерством международных дел Канады, под руководством кабинета Ж. Кретьена. В данном документе подчеркивается необходимость взаимодействия со всеми арктическими государствами. Вместо прежнего блокового противостояния предлагается совместно бороться с экологическими вызовами и проблемами коренных народов, проживающих на этой территории. Отмечается важная роль Российской Федерации как одного из ключевых партнеров Арктического совета. Отдельная глава посвящена важности северных территорий для России, их этническому и природному разнообразию. Упоминаются российско-канадские соглашения, охватывающие как экономические, так и научные вопросы развития Арктики.

Одним из ключевых аспектов в защите экологии Арктического региона является помощь Канады в утилизации советских ядерных объектов, таких как корабли, подводные лодки и места их хранения. Угроза заражения радиоактивными отходами является актуальной для всей Арктики, поэтому канадское правительство готово предоставлять различную помощь для решения этих проблем, в том числе и с привлечением международного сообщества.

Говоря об арктической политике в целом, следует отметить усилия Ж. Кретьена в сфере выстраивания взаимоотношений с северными государствами. Именно во времена премьерства Кретьена был учрежден Арктический совет. Особенное внимание уделялось работе с Россией. Канадский премьер-министр не раз посещал Москву с официальными визитами. Во время подобных визитов его сопровождали представители политических и бизнес-структур, способствующих выстраиванию взаимовыгодных контактов. Арктическая политика Канады в период

³ Northern dimension of Canada's foreign policy. Government of Canada, 2000. URL: <https://gac.canadiana.ca/view/ooe.b3651149E/11?r=0&s=1> (дата обращения 15.11.2021).

премьерства Ж. Кретьена отмечается стремлением к ответственному развитию региона и активному международному взаимодействию.

Новый премьер-министр от Либеральной партии, Пол Мартин, пробыл на своем посту менее трех лет и вынужден был уйти в связи с коррупционным скандалом. В целом его политика в отношении Арктики продолжала тенденцию, намеченную Ж. Кретьеном. Наиболее важным документом относительно арктической политики, принятым за время его премьерства, является «Заявление о внешней политике – 2005: роль гордости и влияния в мире»⁴. В данном заявлении упоминается, что хоть, и период холодной войны позади и Арктике не угрожает глобальный конфликт, определенная напряженность все же остается. Нарастанию этой напряженности способствуют растущие цены на энергоносители и изменения климата. Поэтому Канаде необходимо быть готовой к отстаиванию своего суверенитета. Для этого следует внести определенные коррективы в военный бюджет и использовать последние научные разработки этой сферы. Несмотря на некоторые шаги в рамках превентивной защиты своей территории от потенциальных противников, либеральное правительство стремилось в первую очередь к международному сотрудничеству, нежели противостоянию.

Анализ арктической политики главы консерваторов С. Харпера

Существенные изменения в арктической политике Канады произошли со сменой правящей партии. В 2006 г. Стивен Харпер становится премьер-министром. Еще до своей победы на выборах консерваторы заявляли о необходимости усиления военного потенциала в Арктике и готовности к защите своего суверенитета. В связи с этим в 2007 г. С. Харпер выступает с заявлением: «Новое правительство Канады осознает, что первым принципом суверенитета в Арктике является либо ее использование, либо утрата. И мы не собираемся потерять ее»⁵. Для этого премьер-министр

⁴ International policy statement. A role of pride and influence in the world. Government of Canada, 2005. URL: <https://publications.gc.ca/site/archive-archived.html?url=https://publications.gc.ca/collections/Collection/D2-168-2005E.pdf> (дата обращения 20.11.2021).

⁵ The call of the North. Address by prime minister Stephen Harper, 2006. URL: <https://www.canada.ca/en/news/archive/2006/08/call-north-address-prime-minister-stephen-harper.html> (дата обращения 05.12.2021).

анонсировал приобретение новых кораблей для патрулирования арктических вод и создание глубоководных портов. Также для мониторинга обширных северных территорий планировалось запустить специальный спутник и сформировать центры подготовки арктических войск. Все это укладывается в рамки предыдущих заявлений С. Харпера о том, что «суверенитет защищается не флагами, дешевой предвыборной риторикой или рекламными кампаниями. Для этого необходимы войска на земле, корабли на море и надлежащее наблюдение»⁶.

В октябре 2007 г. состоялась Тронная речь в Парламенте Канады. В ходе этой речи С. Харпером были озвучены основные положения относительно суверенитета в Арктике. В отличие от Ж. Кретьена, который рассматривал канадцев как одну из нескольких северных наций, что предполагало взаимодействие со своими арктическими соседями, Харпер настаивал, что суверенитет Канады является исключительным, требующим особого внимания со стороны общества. Таким образом, новый премьер-министр поднимал арктическую повестку на более высокий уровень, стремясь тем самым упрочить влияние Канады на международной арене посредством демонстрации готовности страны к отстаиванию своих интересов в Арктике.

Премьер-министр С. Харпер и министр обороны П. Маккей продемонстрировали новую стратегию «Канада превыше всего»⁷ в 2008 г. Тремя основными направлениями данной стратегии являлись: защита Канады, защита Северной Америки и участие канадских вооруженных сил в обеспечении международной безопасности. Вопросы по обеспечению суверенитета в Арктике также входили в эту программу. Для этого перед военными ставятся задачи по мониторингу региона, а также содействию в проведении спасательных мероприятий. Также предполагается, что Канада будет поддерживать своих союзников по НОРАД и НАТО.

Смещение акцентов с развития канадского севера и заботы об экологии в сторону подкрепления суверенитета, с помощью расширения военного присутствия, не могло пройти незамеченным со стороны коренного населения страны. Уполномоченных представителей инуитов не устраивало использование их родных земель лишь в качестве ресурсной базы и мест дислоцирования

⁶ Harper stands up for Arctic sovereignty. Address by prime minister Stephen Harper, 2005. URL: <https://pubs.aina.ucalgary.ca/dcass/82783.pdf> (дата обращения 05.12.2021).

⁷ Canada first defense strategy. Government of Canada, 2008. URL: http://www.forces.gc.ca/assets/Forces_Internet/docs/en/about/CFDS-SDCD-eng.pdf (дата обращения 05.12.2021).

военных объектов. Они обвиняли консерваторов в игнорировании их проблем и требовали внести повестку коренных народов в арктическую политику. Данные выступления были поддержаны канадским обществом. Отдельные политики настаивали на том, что именно благодаря коренным народам, в частности эскимосам, Канада имеет право претендовать на Северо-Западный морской проход на основании того, что данный коренной народ проживал на этой земле многие сотни лет.

В связи с этими выступлениями, а также рядом других факторов в 2009 г. был принят новый документ, посвященный арктической политике Канады. В данном документе, помимо необходимости военного обеспечения суверенитета, также в некоторой степени затрагивались проблемы коренных народов, экологии и экономического развития региона. «Северная стратегия Канады: наш Север, наше Наследие, наше Будущее»⁸ подтверждает стремление консервативного правительства обеспечить дополнительные средства на приобретение кораблей, строительство военных баз и усиление Канадских рейнджеров.

Помимо этого, в документе упоминается роль взаимодействия с другими странами. В частности, подчеркивается роль США как основного партнера в данном регионе. Однако в новой стратегии упоминаются не только традиционные союзники, но также уделяется внимание возможному взаимодействию с Россией. С помощью «Северной стратегии» произошли сдвиги в сторону взаимодействия между Канадой и другими арктическими странами, а также между федеральным правительством и коренными народами. Таким образом, можно отметить, что, невзирая на продолжение риторики относительно необходимости обеспечения суверенитета военным образом, само по себе включение иных аспектов, помимо военных, говорит о том, что политический курс правительства претерпел изменения.

В первые годы премьерства С. Харпер выделял арктическую политику как одно из основных направлений своей деятельности. Суверенитет в Арктике позиционировался как ключевой элемент канадской нации. Для его защиты было продекларировано выделение существенных средств⁹. И хотя со временем ста-

⁸ Canada's Northern strategy. Our North, our heritage. Government of Canada, 2009. URL: <http://www.northernstrategy.gc.ca/cns/cns.pdf> (дата обращения 05.12.2021).

⁹ Prime minister Harper announces new Arctic offshore patrol ships. Speech by prime minister Stephen Harper, 2007. URL: <https://www.canada.ca/en/news/archive/2007/07/prime-minister-stephen-harper-announces-new-arctic-offshore-patrol-ships.html> (дата обращения 10.12.2021).

ло очевидно, что далеко не все заявления относительно расширения военного присутствия будут выполнены, консервативное правительство нашло поддержку среди канадцев, ощущающих себя северной нацией. С. Харпер осуществлял частые официальные визиты на Север, стремясь использовать арктическую повестку как для достижения внутривластных целей, так и для позиционирования страны на международной арене. При этом отношения с Российской Федерацией стали ухудшаться, обострились разногласия относительно принадлежности континентального шельфа [Израелян 2015]. Водружение российского флага на дне океана в районе Северного полюса не способствовало снижению градуса противостояния.

Консерваторы, в отличие от либералов, считали свою арктическую идентичность отдельной от других, предполагая готовность к неукоснительному соблюдению своего суверенитета в регионе, вплоть до применения вооруженных сил. Однако в 2009 г. стали заметны перемены в риторике кабинета премьер-министра. Наметился переход от односторонней военной инициативы к комплексной программе, затрагивающей также проблемы коренных народов и необходимость устойчивого развития региона. Таким образом, подходя к парламентским выборам 2011 г., консерваторы обозначили определенные изменения в своей прежней арктической повестке [Кузьмина 2019].

Заключение

В ходе изучения правительственных программ, публичных речей политиков, а также различной литературы удалось определить основные направления деятельности: а) Либеральной партии во главе с Ж. Кретьеном и б) Консервативной партии во главе с С. Харпером. Сравнивая арктическую повестку консерваторов и либералов, можно заметить серьезные отличия в подходе к международным взаимоотношениям кабинетов Ж. Кретьена и С. Харпера.

Либералы на фоне международной разрядки стремились к сотрудничеству с другими странами региона. Среди их приоритетов были: безопасность, защита окружающей среды и ответственное развитие региона. В отличие от них, консерваторы опирались на концепцию жесткого противодействия с другими арктическими странами, в частности с Россией. С помощью арктического вопроса С. Харпер стремился упрочить единство канадцев и укрепить позиции консерваторов. Однако со временем стало очевидно, что канадское общество интересуется не только военные аспекты раз-

вития Арктического региона. В связи с этим, подходу к очередным выборам, Консервативная партия внесла коррективы в свою программу. Произошел отход от прежней односторонней политики протivotояния, и наметилось снижение актуальности арктической проблематики в политической жизни Канады.

Литература

- Израелян 2015 – *Израелян Е.В.* Участие Канады в антироссийских санкциях // США и Канада: экономика, политика, культура. 2015. № 4. С. 54–75.
- Кузьмина 2019 – *Кузьмина Т.Р.* Эволюция взглядов канадских политических элит на арктический вопрос // Россия и Канада: арктические гиганты. СПб.: СКИФИЯ-принт, 2019. С. 120–135.
- Володин 2021 – *Володин Д.А.* Военное присутствие США на Канадском Севере в 1940–1950-е гг.: От оккупационной армии к единой системе ПВО // Россия и Америка в XXI в. URL: https://rusus.jes.su/index.php?dispatch=products.print_publication&product_id=87586&format=pdf&version_id=86090 (дата обращения 10.12.2021).
- Cavell 2011 – *Cavell J.* “A little more latitude”. Explorers, politicians, and Canadian Arctic policy during Laurier era // *Polar Record*. 2011. No. 4. P. 289–309.
- Smith 1966 – *Smith G.* Sovereignty in the North. The Canadian aspect of an international problem. The Arctic frontier // Toronto: University of Toronto Press. 1966. P. 194–255.

References

- Cavell, J. (2011), “ ‘A little more latitude’. Explorers, politicians, and Canadian Arctic policy during Laurier era”, *Polar Record*, no. 4, pp. 289–309.
- Israelyan, E.V (2015), “Canada’s participation in anti-Russian sanctions”, *USA and Canada. Economics, politics, culture*, no. 4, pp. 64–75.
- Kuzmina, T.R. (2019), “Evolution of Canadian political elites’ position toward the Arctic issue”, in *Rossiya i Kanada: arkticheskie giganty* [Russia and Canada. The Arctic giants], SKIFIA-Print, Saint Petersburg, Russia, pp. 120–135.
- Smith, G. (1966), *Sovereignty in the North. The Canadian aspect of an international problem. The Arctic frontier*, University of Toronto Press, Toronto, Canada.
- Volodin, D.A. (2021), “The US military presence in the Canadian North in the 1940s – 1950s. From an ‘Occupation army’ to united air defense system”, *Russia and America in the 21st century*, no. 2, available at: https://rusus.jes.su/index.php?dispatch=products.print_publication&product_id=87586&format=pdf&version_id=86090 (Accessed 10 Dec. 2021).

Информация об авторе

Василий И. Касенков, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125047, Москва, Миусская пл., 6; kasenkov_basil@mail.ru

Information about the author

Vasilii I. Kasenkov, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; kasenkov_basil@mail.ru

Эффективность государственной имущественной поддержки СОНКО в регионах РФ

Алексей А. Алмамагов

*Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ)
Москва, Россия, almatatov.aa@yandex.ru*

Аннотация. Государственная поддержка СОНКО – направление социальной политики государства, которое стало актуально в последнее десятилетие. В 1990-е гг. федеральные и региональные органы власти не проводили какую-либо специальную политику в отношении третьего сектора. С начала 2000-х гг. федеральный центр (вслед за ним – и власти регионов) стал предпринимать шаги для выстраивания системной политики в отношении НКО.

По российскому законодательству социально ориентированные НКО имеют право на получение от государства имущественной поддержки (аренда помещений по льготной ставке, безвозмездное предоставление помещений или оперативное управление). Однако зачастую СОНКО сталкиваются с недоступностью информации о таких помещениях и непрозрачностью процедур выделения таких помещений. Автор на основе анализа открытых источников (сайты региональных и муниципальных органов власти) и опроса сотрудников СОНКО в регионах России в 2017 г. определил причины, по которым СОНКО не могут получить помещения безвозмездно или по льготной стоимости. Среди таких причин – малое количество доступных помещений, заинтересованность местных органов власти в получении прибыли от коммерческой аренды помещений, плохое состояние помещений, незнание муниципальных чиновников о возможностях поддержки СОНКО. Анализ данных государственной статистики за 2020 г. показывает, что данная проблема актуальна и сейчас.

Ключевые слова: государственное и муниципальное управление, социальная политика, гражданское общество, социальное партнерство

Для цитирования: Алмамагов А.А. Эффективность государственной имущественной поддержки СОНКО в регионах РФ // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 4. С. 84–95. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-4-84-95

The efficiency of state property support for NGO in the regions of the Russian Federation

Aleksei A. Almatov

*Russian Public Opinion Research Center (VCIOM)
Moscow, Russia, almatov.aa@yandex.ru*

Abstract. State support for social NGO's is a direction of the social policy, which has become relevant in the last decade. In the 1990's, federal and regional authorities did not implement any special policy regarding the «third sector». Since the beginning of the 2000s, the federal center (followed by the regional authorities) began to take active steps to build a certain systemic policy towards NGOs.

According to Russian legislation, NGO have the right to receive property support from the state (rent of premises at a preferential rate, gratuitous provision of premises or operational management). However, often NGO are faced with the inaccessibility of information about such premises and the opacity of procedures for allocating such premises. Based on an analysis of open sources (websites of regional and municipal authorities) and a survey of SONKO employees in the regions of Russia in 2017, the author identified the reasons why SONKO cannot receive premises free of charge or at a reduced cost. Among such reasons are the small numbers of available premises, the interest of local authorities in making a profit from commercial rental of premises, poor condition of premises, ignorance of municipal officials about the possibilities of supporting SONKO. Analysis of state statistics data for 2020 shows that this problem is still relevant today.

Keywords: state and municipal administration, social policy, civil society, social partnership

For citation: Almatov, A.A. (2022), "The efficiency of state property support for NGO in the regions of the Russian Federation", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 84-95, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-4-84-95

Введение

Согласно теории социального происхождения, некоммерческий сектор является частью социальной системы государства. В ходе либерализации социального сектора государство передает часть своих функций по реализации социальной политики СОНКО [Тарасенко 2012, с. 137]. В силу социально-экономических причин государство выступает основным «заказчиком» для СОНКО.

Поддержка СОНКО является одним из декларируемых приоритетов государственной социальной политики: это было зафиксировано в так называемых «майских указах» 2012 г.¹ Эта задача неоднократно воспроизводилась и уточнялась в 2013–2018 гг. в поручениях президента России и правительства России органам власти для «донастройки» механизмов поддержки сектора².

Ключевой аргумент в пользу необходимости государственной поддержки СОНКО – сравнение СОНКО с деятельностью государственных бюджетных учреждений социальной сферы. СОНКО делают свою работу «с большой душой», дешевле (т. е. «выживают», в том числе и без государственной поддержки); привносят в процесс инновации; лучше работают с узкими и междисциплинарными проблемами. Государственные организации работают более формально и ориентируются на стандартизованные механизмы помощи³.

Господдержка востребована в секторе НКО [Громова, Мерсиянова 2016]. Однако существующая система государственной поддержки в регионах недостаточно прозрачна для ее участников и общественности. В 2017 г. автор статьи предпринял эмпирическое исследование, которое было нацелено на измерение реальной доступности государственной и муниципальной поддержки для СОНКО. Исследование было проведено под эгидой Общероссийского народного фронта «За Россию» (ОНФ), при поддержке Ассоциации волонтерских центров и экспертов Общественной палаты РФ. ОНФ проводит работу по общественному контролю выполнения поручений президента, результаты которой направляются в профильные и контрольные федеральные ведомства⁴.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597 «О мерах по реализации государственной социальной политики», подпункт «л» пункта 1. URL: <https://base.garant.ru/70170950/> (дата обращения 09.07.2022); Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2012 № 2553-р «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан». URL: <https://base.garant.ru/70291746/> (дата обращения 09.07.2022).

² *Фадеев В.А.* Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2017 год. URL: <https://report2017.oprf.ru/about.html> (дата обращения 09.11.2022).

³ Церемония вручения премии «Доброволец России – 2017». Владимир Путин принял участие в церемонии вручения ежегодной Всероссийской премии «Доброволец России – 2017» // Президент России. 6 декабря 2017. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/56318> (дата обращения 27.06.2022).

⁴ Подробнее об этом см.: Поручения Президента России на контроле ОНФ // ОНФ. Эксперт. URL: <https://expert.onf.ru/poryuchenia/> (дата обращения 27.06.2022). (Автор в тот момент работал в ОНФ.)

В данной статье будет рассмотрен вопрос имущественной поддержки СОНКО (о системе информационной поддержки будет рассказано в следующей статье). Система предоставления финансовой поддержки на тот момент находилась в стадии реформы (3 апреля 2017 г. был образован Фонд президентских грантов), поэтому было решено оставить ее за рамками исследования.

Дизайн исследования

Имущественная поддержка осуществляется на основании Постановления Правительства РФ от 30.12.2012 № 1478 «Об имущественной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций». Помещения предоставляют федеральные, региональные или муниципальные органы власти безвозмездно или на льготных условиях (чаще всего это муниципальные или региональные органы власти). Региональные власти могут издать постановление, в котором конкретизирован *порядок предоставления помещений, критерии отбора организаций и ограничения для обеспечения целевого использования помещений* (как правило, это копия норм, действующих на федеральном уровне)⁵. Так появляются «правила игры» для СОНКО в конкретном регионе.

Исследование прошло в два этапа:

1. Мониторинг сайтов региональных и муниципальных органов власти, которые оказывают имущественную и информационную поддержку СОНКО;
2. Анкетирование по целевой выборке сотрудников СОНКО.

Первый этап исследования

На первом этапе (май–июнь 2017 г.) был проведен мониторинг сайтов региональных органов власти и сайтов столиц субъекта РФ. Ответственными за оказание помощи СОНКО могли быть разные министерства, департаменты и управления (например, региональное министерство экономического

⁵ Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/10105879/> (дата обращения 09.08.2022); Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2012 г. № 1478 «Об имущественной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций». URL: <https://base.garant.ru/70291678/> (дата обращения 09.08.2022).

развития, социальной защиты или развития гражданского общества). Таблицы с перечнем помещений, которые могут быть переданы в безвозмездное пользование СОНКО, были размещены на сайтах РОИВ или мэрии областного центра лишь в 17 субъектах РФ⁶.

Так, в Республике Коми и Ярославской области были размещены устаревшие данные в перечнях – за 2014 г., а в Псковской области – за 2013 г. В Омской области и Приморском крае в перечнях содержится по одному помещению, а в Забайкальском и Камчатском краях – по три. Информация о состоянии помещений указана только в перечне Ленинградской области⁷.

Также региональные власти (конкретное министерство или муниципалитет) могут разместить реестры СОНКО, получающих поддержку, при этом указана форма поддержки. Такие реестры были найдены автором в большинстве регионов. Мониторинг показал, что лишь в 21 регионе помещения СОНКО выделяли региональные власти. Еще в 8 регионах организации если и не получают помещения на региональном уровне, то такая практика есть, как минимум, в областном центре⁸.

Дополнительно с помощью информационной системы «КонсультантПлюс» был проведен мониторинг региональной нормативно-правовой базы, регулирующей предоставление помещений СОНКО. Постановления, которые регулируют правила ведения и раскрытия открытого перечня помещений для НКО, проведения конкурса, были не приняты в большей части страны – в 47 регионах из 85⁹.

Таким образом, в большинстве регионов поддержка СОНКО является закрытой для большинства СОНКО. Это позволяет должностным лицам отказать в предоставлении помещения, отдать его более «дружественной» организации, не проводя открытый конкурс, или даже сдать помещение в аренду коммерческой организации.

⁶ Данные первого этапа исследования были опубликованы на сайте ОНФ: Эксперты ОНФ: Большинство регионов не оказывают имущественную поддержку социально ориентированным НКО // ОНФ. 23 июня 2017. URL: [https://onf.ru/2017/06/23/eksperty-onf-bolshinstvo-regionov-ne-okazyvayut-imushchestvennuyu-podderzhku-socialno/](https://onf.ru/2017/06/23/eksperty-onf-bolshinstvo-regionov-ne-okazyvayut-imushchestvennuyu-podderzhku-socialno) (дата обращения 27.06.2022).

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

Второй этап исследования

В рамках второго этапа было проведено анкетирование, которое позволило выявить конкретные проблемы, с которыми сталкиваются СОНКО при попытке получения имущественной поддержки. Оно проводилось с 8 августа по 13 сентября 2017 г. путем рассылки по базе e-mail, принадлежащих сотрудникам СОНКО, анкеты с вопросами. Всего было опрошено 154 НКО из 48 регионов и 86 населенных пунктов страны¹⁰. Если говорить о сферах, в которых работают опрошенные организации, то наибольшее количество пришлось на добровольческие и волонтерские организации (106) и организации, работающие в сфере социальной поддержки и защиты граждан (88). 53 организации работают в сфере патриотического воспитания, 35 – в сфере развития межнационального сотрудничества.

С учетом того, что эти СОНКО находятся в контакте с федеральными организациями (Общественная палата РФ, Ассоциация волонтерских центров), можно предположить, что в выборку попадут организации, находящиеся в более благополучных условиях, чем СОНКО «в среднем по больнице». Однако цифры и ответы тем не менее дают представление о проблемах сектора.

Имущественную поддержку получили треть опрошенных – 52 организации. 8 организаций арендуют помещения по льготным ставкам. У 44 организаций помещение находится в безвозмездном пользовании. Из них 12 организаций получили помещения сроком от 1 года до 3 лет, 6 организаций – на срок от 5 лет и более, а 25 – в *бессрочное пользование или с ежегодным продлением договора аренды*. Как правило, помощь оказывают органы МСУ – городские или сельские администрации, либо профильные по сфере деятельности НКО министерства. Также к выделению помещений «подключаются» муниципальные депутаты города или сельского поселения.

Остальные опрошенные организации (102), по сути, не получают имущественную поддержку: они или занимают помещения по неформальной договоренности с органами власти

¹⁰ Краткие выводы этой части исследования с примерами были ранее опубликованы здесь: Эксперты ОНФ: Больше половины социальных НКО не получают имущественную поддержку от местных властей // ОНФ. 15 сентября 2017. URL: <https://onf.ru/2017/09/15/eksperty-onf-bolshepoloviny-socialnyh-nko-ne-poluchayut-imushchestvennyuy-podderzhku-ot/> (дата обращения 27.06.2022).

(13), или госбюджетными учреждениями (5), 27 организаций снимают помещения на общих основаниях, без льгот, 14 – разместились в жилых квартирах, а у 28 нет даже временных помещений.

Анализ причин отказа в помещении

Многие опрошенные организации отмечали в специальном открытом вопросе, что получение помещения не было беспроblemным. Многие организации по 2–3 года писали письма в различные ведомства; ситуация изменилась либо со сменой власти, либо с появлением аварийных зданий, которые были готовы отдать общественникам безвозмездно. 28 организаций отметили, что им было отказано под предлогом отсутствия помещений или отсутствии информации о наличии помещений.

32 организации отмечают, что предлагаемые помещения требуют ремонта или не соответствуют санитарным нормам (требовалось провести капитальный ремонт, провести электричество или воду). В случае получения такого помещения СОНКО делает ремонт за свой счет.

23 организации из 15 регионов заявили, что им известно о случаях коммерциализации помещений: помещения, ранее занимаемые СОНКО, были проданы коммерческим организациям. Респондент указал, что в Благовещенске Амурской области дом молодежи теперь почти полностью занят коммерческими организациями. Зачастую муниципальные чиновники просто не знают, почему они должны помогать СОНКО. Ниже приводим примеры ответов респондентов о своем опыте получения помещений.

1. Ярославль: «Ярославское региональное отделение ОМОО “Российский союз сельской молодежи” получило право на получение в безвозмездное пользование и владение помещение для ведения уставной деятельности. Был собран пакет документов, который был отправлен экспертной комиссии в Комитет управления муниципальным имуществом Ярославля. Незадолго до проведения конкурса конкурсанты могли посмотреть состоящие помещения (ул. Чкалова, д. 27). Прибыв на место, наши представители “были ошарашены”. Состояние помещения оставляло желать лучшего: отсутствие освещения, оголенные провода, стены без штукатурки, запах плесени. 110 кв. м были поделены на 5 маленьких кабинетов и один большой. Малые кабинеты абсолютно не имели окон, а в большом кабинете (27,3 кв. м) находи-

лось 2 окна. Дополнительным отрицательным фактором являлось то, что помещение находится в здании, построенном в 1952 г.»¹¹.

2. Калининград: «Писали администрации города Калининград 2 года. Помещения в неудовлетворительном состоянии (своими силами капитальный ремонт помещения)».

3. Калининград: «3 года писем, без толку. Судебные приставы освободили помещение (признано было аварийным), отдали в безвозмездное бессрочное пользование с условием в течение года отремонтировать крышу и фасад».

4. Барнаул: «Комитет имущественных отношений администрации города предоставляет в пользование свободные помещения на конкурсной основе. Для участия в конкурсе собирается определенный пакет документов. Далее назначается дата аукциона, если на одно помещение претендует несколько организаций, проводятся торги, если одна, то после проведения аукциона заключается договор. В 2016 г. стоимость аренды составляла 250 рублей за кв. м + оплата коммунальных платежей. Для НКО могла применяться пониженная ставка (0,4). Хотя другая организация отмечает, что в целом в городе процедуры носят открытый характер, хотя и очень жесткие условия».

5. Барнаул: «Получение помещения в безвозмездное пользование для НКО с каждым годом становится все проблематичней. Договор заключается сроком только на один год. В 2017 г. решение о предоставлении помещения в безвозмездное пользование на 2018 год принимала комиссия, которая очень критично подходила к поданным заявкам некоммерческих организаций. Единичные организации Барнаула получили согласие на безвозмездное пользование помещениями. Ряд НКО получили уведомления о том, что безвозмездная аренда заменена на льготную со ставкой в 50% от рыночной. С несколькими организациями вообще не продлили договоры и выселили из помещений. Несколько НКО получили уведомление о необходимости оплатить налог за землю за два-три года».

6. Пермь: «Писать приходилось много и многим, вопрос о предоставлении помещения на безвозмездной основе решался долгих 6 лет. Процедура была открытой».

7. Ростов-на-Дону: «Не предпринимали попыток. Причина – негативная практика других НКО региона».

8. Кемерово: «В региональной программе “Развитие наций и народностей” не предусмотрено выделение помещений. Чиновники не знают о видах поддержки НКО».

¹¹ Эксперты ОНФ: Больше половины социальных НКО...

9. Тула: «Письмо в администрацию города Тулы, предложили на выбор помещения, выбрали подходящее, администрация направила решение в Тульскую городскую думу, та приняла окончательное решение». Организация отмечает, что помещения в неидеальном состоянии, но получить их вполне реально.

10. Ульяновск: «Ежегодно мы пишем письмо на имя главы Администрации города Ульяновска с просьбой о продлении договора безвозмездного пользования имуществом. Продлевают на один календарный год, не более».

11. Хабаровск: «Помещение получили после высказанной просьбы на приеме у заместителя Министра образования и науки Хабаровского края. Помещение было предоставлено в течение 1 месяца».

Еще одной причиной отсутствия помещений является конкуренция НКО с предприятиями малого и среднего бизнеса: муниципальные органы власти также предоставляют им помещения на льготных условиях. С началом реализации национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» появились целевые показатели по публикации реестров помещений и поддержке субъектов МСП¹², которые пришлось также исполнять муниципалитетам. Показатели поддержки СОНКО в нацпроекты не вошли.

Анализ данных статистики

Минэкономразвития России ежегодно публикует доклады о поддержке СОНКО. Там присутствуют данные об имущественной поддержке СОНКО, однако эти данные представлены неравномерно¹³.

За 2012–2014 гг. и 2020 г. представлены данные по 8 основным видам использования помещений СОНКО, в том числе и по тем организациям, у которых нет помещений.

¹² Паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/65c7e743dfadf1f3f3a8207e31a0d99/Passport_NP_MSP.pdf (дата обращения 25.06.2022).

¹³ Система поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <http://www.nko.economy.gov.ru/main/infrastruktura-podderzhki-nko/> (дата обращения 25.06.2022).

Данные за 2012–2014 гг. представлены в докладе за 2014 г. в виде плохо читаемой столбчатой диаграммы, а не в абсолютных цифрах, что дает возможность лишь приблизительно оценить количество СОНКО по каждой из форм владения. В 2016–2018 гг. данные в докладах представлены только по двум видам собственности – льготной аренде и безвозмездному пользованию помещений, находящихся в государственной собственности. Однако данные позволяют сделать сравнение за 2014 и 2020 гг. В докладе за 2020 г. также приведена суммарная площадь данных помещений (см. табл.).

Таблица

Вариант получения помещения	2014	2020
У СОНКО есть нежилое помещение в собственности	9000	7849 10 982 426 кв. м
Безвозмездное пользование нежилым помещением, находящимся в государственной (муниципальной) собственности	17 000	19 211 4 190 141 кв. м
Безвозмездное пользование нежилым помещением, не находящимся в собственности государства (частное или иное)	11 000	13 366 4 698 571 кв. м
Арендуют помещение, находящееся в собственности государственных или муниципальных органов власти	11 000	9271 2 852 744 кв. м
Аренда помещения, находящегося в частной или иной негосударственной собственности	16 000	17 207 5 247 856 кв. м
Фактически используют нежилые помещения без оформления прав собственности	3000	2757 644 115 кв. м
Фактически располагаются в жилых помещениях	3000	4428 418 648 кв. м
Не имеют помещения	68 000	75 600
Всего СОНКО	132 000	146 000

По сравнению с 2014 г. в 2020 г. показатели меняются незначительно (при росте сектора на 14 тысяч организаций в год – на 11%). 75 600 организаций в 2020 г. (52%) по-прежнему не имеют помещения.

Заклучение

Среди причин слабой имущественной государственной поддержки СОНКО можно выделить следующие:

- дефицит ресурсов у органов власти (прежде всего у муниципальных): малое количество помещений, их плохое состояние;
- низкая приоритизация задачи по поддержке СОНКО по сравнению с другими (наполнение местного бюджета, поддержка МСП и др.). Иногда муниципальные чиновники просто не знают о поддержке СОНКО;
- заинтересованность муниципалитетов сдавать помещения коммерческим организациям и получать прибыль;
- непрозрачные условия получения помещений: не ясны условия и даты проведения конкурсов (отсутствуют регулирование, объявления о конкурсах), реестры помещений не публикуются;
- наличие симпатий и антипатий чиновников по отношению к конкретным СОНКО;
- стереотип о том, что «НКО – бесребреники».

Государственная поддержка, по признанию самих общественных и муниципальных чиновников, жизненно важна для выживания НКО в условиях концентрации ресурсов в руках государства и незначительной поддержке НКО со стороны жертвователей. В течение последних лет были предприняты значимые усилия по развитию и поддержке сектора СОНКО [Беневоленский, Шмулевич 2013]¹⁴, однако на региональном уровне проблема поддержки стоит также остро. В условиях сложившейся системы межбюджетных отношений и дефицита ресурсов большинство небогатых муниципалитетов смогут поддержать только единичные НКО, играющие наиболее значимую роль в местном сообществе.

И если вопрос финансирования деятельности может быть решен за счет системы федеральных и региональных грантов, то решение вопроса с помещениями зависит от кооперации СОНКО между собой и с другими бюджетными организациями. В рамках сотрудничества муниципальных органов власти

¹⁴ См. также: *Тополева-Солдунова Е.А., Орлова Е.Г., Коротеева О.В., Спивак А.М., Ольховский Р.М., Вавилова А.А., Беневоленский В.В.* Участие НКО в оказании услуг в социальной сфере: Специальный доклад Общественной палаты Российской Федерации // Общественная палата Российской Федерации. М.: Современные информационные системы, 2019. 96 с.

и СОНКО предпочтительнее разовые мероприятия: они могут проводиться как на базе клубов, библиотек, школ (особенно в сельской местности), так и вузов (вузы также оказывают значимую методическую поддержку для СОНКО). Однако надо понимать, что, например, для организаций, оказывающих медицинские и стационарные услуги, такой формат неприемлем. Долгосрочная аренда помещения может быть также оплачена за счет грантов или пожертвований от спонсоров и благополучателей.

Литература

- Беневоленский, Шмулевич 2013 – *Беневоленский В.Б., Шмулевич Е.О.* Государственная поддержка социально ориентированных НКО в свете зарубежного опыта // Вопросы государственного и муниципального уровня. 2013. № 3. С. 150–175.
- Громова, Мерсиянова 2016 – *Громова М.Н., Мерсиянова И.В.* Государственная поддержка НКО и проблема оценки ее эффективности // Гражданское общество в России и за рубежом. 2016. № 1. С. 39–44.
- Тарасенко 2012 – *Тарасенко А.В.* Изменение роли «третьего» сектора в процессе трансформации государства благосостояния (на примере Санкт-Петербурга) // Публичная политика – 2011 / Под общ. ред. М.Б. Горного. СПб.: НОРМА, 2012. С. 136–145.

References

- Benevolenskii, V.B. and Shmulevich, E.O. (2013), “State support of socially oriented NGOs in the light of international experience”, *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo urovnya*, no. 3, pp. 150–175.
- Gromova, M.N. and Mersiyanova, I.V. (2016), “State support for NGOs and the problem of assessing its effectiveness”, *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom*, no. 1, pp. 39–44.
- Tarasenko, A.V. (2012), “Changing the role of the “third” sector in the process of transformation of the welfare state (on the example of St. Petersburg)”, in Gornyi, M.B. (ed.), *Publichnaya politika – 2011* [Public Policy – 2011], NORMA, Saint Petersburg, Russia, pp. 136–145.

Информация об авторе

Алексей А. Алмаатов, Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, Россия; Россия, 119034, Москва, ул. Пречистенка, д. 38; almamatov.aa@yandex.ru

Information about the author

Aleksei A. Almatov, Russian Public Opinion Research Center (VCIOM), Moscow, Russia; bld. 38, Prechistenka St., Moscow, Russia, 119034; almamatov.aa@yandex.ru

Книжная полка

УДК 322(581)

DOI: 10.28995/2073-6339-2022-4-96-107

Талибы между религией и традициями племен
Рецензия на книгу:
Марсден П. Талибан: Война и религия в Афганистане /
Пер. с англ. Е. Егоровой, Е. Клиновой.
М.: ИД «Городец», 2022. 320 с.

Василий С. Христофоров

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, xvsarhiv@rambler.ru*

Для цитирования: Христофоров В.С. Талибы между религией и традициями племен. [Рец.]: *Марсден П.* Талибан: Война и религия в Афганистане / Пер. с англ. Е. Егоровой, Е. Клиновой. М.: ИД «Городец», 2022. 320 с. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 4. С. 96–107. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-4-96-107

The Taliban between religion and tribal traditions
Book review: *Marsden P.* The Taliban. War and religion
in Afghanistan / Transl. from English by E. Egorova,
E. Klinova. М.: Publishing House “Gorodets”, 2022. 320 p.

Vasilii S. Khristoforov

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, xvsarhiv@rambler.ru*

For citation: Khristoforov, V.S. (2022), “[Book review]: Marsden P. The Taliban. War and religion in Afghanistan / Transl. from English by E. Egorova, E. Klinova. М.: Publishing House “Gorodets”, 2022. 320 p.”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 96-107, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-4-96-107

© Христофоров В.С., 2022

“Political Science. History. International Relations” Series, 2022, no. 4 • ISSN 2073-6339

Неожиданный для большинства политиков, дипломатов, политологов, военных экспертов и аналитиков приход к власти в Афганистане в августе 2021 г. движения «Талибан» вызвал новую волну дискуссий о проявлении конфликта между Западом и мусульманским миром.

Известный британский специалист по Ближнему Востоку Питер Марсден посвятил «Талибану» свою книгу, в которой он пытается развеять некоторые стереотипы, сформировавшиеся в отношении талибов, и понять, что же представляет собой движение [Марсден 2022].

Марсден на основе изучения большого массива документов, личных наблюдений и интервью пытается разобраться в истоках и сущности движения «Талибан», а также понять Афганистан в целом, разобраться, почему на место уничтоженных армией США сотен талибов встают тысячи новых добровольцев. Как связаны между собой религиозные движения радикального, фундаментального толка и какое влияние они оказали на «Талибан»? Предметом его исследования стали географические особенности Афганистана, его этническое, религиозное и языковое многообразие, сложности развития истории, культуры и экономики, отношения между «Талибаном», с одной стороны, и международными организациями, Пакистаном, другими иностранными государствами – с другой.

Мы постараемся критически проанализировать лишь ту часть исследования Марсдена, которая связана с религиозными и этническими особенностями талибов, а также обратим внимание на сюжеты, связанные с оказанием влияния на «Талибан» идеологий других исламских партий и организаций, а также национальных философий.

Историография движения «Талибан» пока еще не богата, и она ограничивается несколькими изданиями, заслуживающими внимание исследователей¹. Во-первых, следует назвать книгу пакистанского журналиста Ахмеда Рашида, написанную в 2000 г. и изданную в России в 2003 г. [Рашид 2003]. Исследование было проведено еще до терактов 11 сентября 2001 г., поэтому автор не был подвержен эмоциональному давлению этих трагических событий. Изучая историю возникновения «Талибана», Рашид

¹ Стукалин Г. 5 книг о том, что такое запрещенная в России организация Талибан и как понять, что же и почему происходит сейчас в Афганистане // Горький. URL: <https://gorky.media/books-collection/5-knig-o-tom-chto-takoe-zapreshhennaya-v-rossii-organizatsiya-taliban-i-kak-ponyat-chto-zhe-i-pochemu-proishodit-sejchas-v-afganistane/> (дата обращения 30.07.2022).

беседовал с десятками боевиков движения, рассказавших о ситуации в лагерях афганских беженцев, о том, как шла их вербовка в новое движение, как велись поставки американского вооружения, как талибы брали власть в Афганистане в 1996 г. Важное место в книге Рашида занимают вопросы исследования исламского фундаментализма талибов, их восхождения к власти, отношения к правам женщин [Рашид 2003, с. 117–133, 147–162].

В монографии известных российских востоковедов «Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана» анализируются события, происходившие в Афганистане после вывода из страны советских войск, дальнейшее развитие внутреннего конфликта, его влияние на ситуацию в стране и приход к власти талибов [Белокриницкий, Сикоев 2014].

Несомненный интерес представляет книга, написанная одним из высокопоставленных талибов, муллой Абдуллой Саламом Заифой². Автор описывает его путь в моджахеды и последующее участие в войне против советских войск в Афганистане, знакомство с основателем «Талибана» муллой Омаром, нахождение во власти в 1996–2001 гг., последующий арест и нахождение в тюрьме в Гуантанамо. Необходимо подчеркнуть, что эта книга написана в жанре воспоминаний, что требует критического отношения к ней и сопоставления с другими источниками.

Книга под названием «Призрачные войны: тайная история ЦРУ, Афганистана и Бен Ладена, от советского вторжения до 10 сентября 2001 г.» относится к жанру журналистского расследования [Coll 2004]. Автор описывает некоторые специальные операции ЦРУ США, в том числе по розыску Бен Ладена, рассматривает причины того, почему ЦРУ США проглядело появление талибов.

Книга Марседена была написана в далеком 2001 г., но переведена на русский язык и опубликована в России только в 2022 г. Однако она не утратила своей актуальности, так как автор проводил исследование не на эмоциональной волне, связанной с терактами 11 сентября 2001 г., он давно работал по теме «Талибана», стал специалистом и сохранил объективную взвешенность. Многие выводы относительно идеологии и практики талибов, их отношения к религии ислам и традиционным пуштунским ценностям, к правам человека и женщинам, сделанные Марседеном, ничуть не утратили своего значения в современных условиях. Не случайно специалисты в жанре современной литературы обратили внимание на эту книгу на Московской международной

² *Zaeef A.S. My life with the Taliban. N.Y.: Hurst & Co Publishers, 2010.*

книжной ярмарке и включили ее в число 10 книг, которые необходимо прочитать³.

Марсден погружает читателя в атмосферу возникновения религиозных и политических движений на Ближнем и Среднем Востоке, называя одной из основных причин их возникновения неудовлетворенность существующим положением молодежи. Тогда появляется лидер, наделенный неким даром вести за собой людей, и при этом обязательно к светлому будущему, каким оно ему представляется [Марсден 2022, с. 127].

Соглашаясь с этими размышлениями Марсдена, добавим только одно дополнение, что лидер, ведущий за собой молодежь, в большей степени попадает в их ожидания, чем и заслуживает поддержку, не используя при этом никакого административного ресурса, да его у такого лидера и нет.

В Афганистане, сотрясаемом военными переворотами 1973 и 1978 гг., гражданскими войнами (1989–1992, 1992–1996) и иностранным военным присутствием в стране (советских войск в 1979–1989 гг. и американских войск в 2001–2021), был дан толчок к появлению исламских оппозиционных партий, которые прилагали немало усилий для того, чтобы вернуться к тому, что представлялось им «абсолютной истиной» в исламе, и не допустить внешнего влияния со стороны СССР или США, способного поколебать их веру. Возникновение радикальных исламских партий стало своего рода ответом на хаос, желанием создать заключенную в жесткие рамки структуру, намеренной попыткой сдержать процесс, из-за которого общество время от времени сотрясают потенциально разрушительные силы [Марсден 2022, с. 129].

Рассматривая различные движения в исламском мире, Марсден отмечает, что за последние сто лет предметом споров теоретиков и богословов стран исламского мира был вопрос, насколько должен измениться ислам, чтобы приспособиться к окружающему миру. Радикальные движения, возникшие в исламских странах, пользуются большой популярностью среди наименее защищенных и нищих слоев населения и оказались своеобразным откликом на неблагоприятные условия жизни и хаос гражданских конфликтов. Одним из таких движений, получившим необыкновенную популярность, стала организация «Братья-мусульмане», основанная в Египте в 1928 г. Важнейшим

³ *Мяжков А.* 10 нон-фикшн книг, которые нужно прочитать этой осенью // Год литературы. 01.09.2022. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2022/09/01/10-non-fikshn-knig-kotorye-nuzhno-prochitat-etoj-oseniu> (дата обращения 03.09.2022).

и наиболее притягательным лозунгом «Братьев-мусульман» был призыв к социальной справедливости, получивший конкретную форму в виде создания социальных программ как в деревнях, так и в городах. Для достижения своих целей «Братья-мусульмане» воспользовались достаточно броским лозунгом: «Коран – наша конституция. Пророк Мухаммед – наш вождь. А смерть ради Аллаха – наше самое горячее желание» [Марсден 2022, с. 149].

Марсден находит множество параллелей, объединяющих «Братьев-мусульман» и их последователей из террористической организации «Аль-Джихад», с одной стороны, и движения «Талибан» – с другой. Следует согласиться с выводом Марсдена о том, что одно из совпадений заключается в том, что ислам является не только верой каждого отдельного человека, но и системой, затрагивающей все сферы общественной жизни, включая и жизнь каждого в отдельности, и его взаимоотношения с обществом, в котором он живет. Государство видится коллективным олицетворением исключительно исламских ценностей, поддерживаемых всем обществом, а его существование в течение продолжительного времени зависит от совместного желания населения поддерживать эти ценности [Марсден 2022, с. 152].

Другая параллель – право движения использовать оружие против находящегося у власти исламского правительства, в том случае, если оно будет заподозрено в отступничестве и измене принципам ислама. Так было оправдано убийство в 1981 г. президента Египта мусульманина Анвара Садата, который осмелился пойти против интересов остальных мусульман (подписал мирный договор с Израилем, ввел в Египте законы, не совместимые с шариатом), а также и убийство талибами в 1996 г. бывшего президента Афганистана мусульманина Наджибуллу, который в их глазах был олицетворением просоветских ценностей.

Марсден подчеркивает, что и «Братья-мусульмане», и «Талибан» стремятся полагаться исключительно на законы шариата, видя в них свод законов, единый как для государства, так и для отдельных личностей, при этом отрицают необходимость введения в своих странах конституции. Мы отмечаем, что это находит и в современной политике талибов образца 2021 г., заявляющих о том, что конституция им не нужна⁴.

Марсден полагает, что и движение ваххабитов в Саудовской Аравии тоже оказало влияние на идеологию «Талибана». Вах-

⁴ Талибы уверены, что Афганистану не нужна конституция // ИА REGNUM. 05.09.2022. URL: <https://regnum.ru/news/3688177.html> (дата обращения 10.09.2022).

хабиты, называя себя «обществом единственно правоверных последователей ислама», взялись за тех, кто считал себя мусульманами, но чей образ жизни, по их понятиям, шел вразрез с законами ислама. Они проводили весьма жесткую линию, опираясь на строжайшее соблюдение законов шариата, при этом каждый мусульманин, посмевший усомниться в истинности их толкования ислама, подвергался самым жестким наказаниям. Мир, в соответствии с учением ваххабитов, поделился на две половины: истинно верующих и неверных [Марсен 2022, с. 157].

Действительно, и ваххабиты, и талибы побуждали людей жертвовать жизнью для завоевания страны, изгнания правительства, признанного отступническим, и установления нового, истинно исламского, их идеологи утверждали, что именно их толкование единственно верное. Право толкования иджитхада⁵, утвержденное ваххабитами, играет существенную роль в идеологии движения «Талибан». Крайний пуританизм, свойственный идеологии ваххабитов, выражающийся в запретах на музыку, танцы и в усилении духовного надзора, нашел свое повторение у талибов. Идею создания Министерства поощрения желательного и запрещения предосудительного талибы тоже позаимствовали у ваххабитов.

Сравнивая «Талибан» и «Исламское государство» (ИГ, ИГИЛ) наглядно видны определенные идейные разногласия между ними. «Талибан» относительно менее радикален, он зародился как пуштунское движение и придерживается пуштунского «кодекса этики». Идеология ИГИЛ чужда Афганистану, но она более «интернациональна». Талибы придерживаются чуть более «мягкого» ханафитского ислама (одна из четырех школ в суннитской религиозной исламской традиции), игиловцы же стоят за жесткую салафитскую версию суннизма, претендуя на «абсолютную чистоту» веры. «Талибан» связывает свои стратегические цели в основном с Афганистаном, ему не присуща внешняя экспансия. ИГИЛ же целью ставит установление «всемирного исламского халифата», что предполагает, соответственно, и всемирный джихад. Заключение талибами 29 февраля 2020 г. в столице Катара Дохе соглашения о мире и выводе американских войск из Афга-

⁵ Иджтихад, или аль-иджитihad – в исламе – деятельность богослова в изучении и решении вопросов богословско-правового комплекса, система принципов, аргументов, методов и приемов, используемых при этом богословом-муджтахидом, а также степень авторитетности самого ученого (муджтахида) в знании, интерпретировании и комментировании богословско-правовых источников.

нистана представители «Исламского государства» назвали предательством интересов ислама.

Еще с одним исламским движением – Исламской революцией в Иране (1979), по мнению Марсдена, у талибов много общего. Во-первых, это ориентация на слои населения, которые в наибольшей степени чувствовали свою ущербность, поскольку находились в самом низу иерархической лестницы. Во-вторых, и в иранской революции, и в движении талибов участвует преимущественно молодежь. В-третьих, аскетический образ жизни участников движения, в том числе и лидеров Аятолы Хомейни и основателя движения «Талибана» Муллы Омара. И иранские революционеры, и талибы уделяли исключительную роль мечетям. Заметное отличие талибов от иранских революционеров заключается в том, что лидеры «Талибана» не уделяли сильного внимания вопросу внедрения в массы идеологии движения, в то время как в Иране это имело первостепенное значение. Вместо идеологии талибы полагались на укрепление традиционных верований и структур, а также на применение военной силы [Марсден 2022, с. 164–166].

Подводя итог анализу различных ранних исламских движений, Марсден обращает внимание на то, что идеология талибов зиждется главным образом на родовых пуштунских обычаях и привычной приверженности традициям и законам ислама. Марсден постоянно обращает внимание на существующую дилемму талибов, их колебания между исламом и пуштунскими традициями. Марсден подчеркивает, что не следует забывать о влиянии на «Талибан» других исламских движений, но не стоит преувеличивать их значение. Марсден полагает, что «Талибан» не берет свое начало от какого бы то ни было определенного движения, так как талибы появляются на свет, живут и получают образование в той среде, где витают идеи, свойственные многим подобным движениям. Именно поэтому при желании можно найти общие черты, связывающие «Талибан» со многими движениями: и с «Братьями-мусульманами», и с ваххабитами, и с иранскими исламскими революционерами [Марсден 2022, с. 164–166].

Существенную роль в понимании идеологии талибов, по мнению Марсдена, с которым согласен и автор статьи, играет изучение истории возникновения и развития школы ислама в Деобанде⁶, которая вобрала в себя многое из суфийских tradi-

⁶ Дар уль-Улюм Деобанд – один из крупнейших религиозных и академических центров исламского мира, место зарождения движения деобанди.

ций Афганистана и в толковании ислама занимала чисто ортодоксальную позицию. В качестве средства противостояния этническому, лингвистическому, племенному и другим связям упор делался на панисламизм, а призыв к джихаду против владычества Британской империи в Индии стал важнейшим элементом обучения. Убеждения деобандистов оказали сильное влияние на религию и идеологию талибов. В 1980-е гг. в зоне пуштунских племен в Пакистане существовали несколько сотен медресе, в которых афганские беженцы могли получить бесплатное обучение, питание, проживание и военную подготовку. В начале 1990-х гг. деобандистское медресе Дар-уль-Умм Хакания⁷ стала основной базой подготовки будущих активистов «Талибана» [Марсден 2022, с. 170–171].

Мы можем подтвердить выводы Марсдена о том, что выпускники медресе Хакания вошли в состав правительства талибов в Афганистане в 1996 г., эта традиция продолжилась и в 2021 г., а несколько десятков выпускников стали губернаторами афганских провинций, военачальниками, судьями.

В медресе Хакания гордятся тем, что их «студенты в Афганистане сначала разрушили Советский Союз, а потом отправили США собирать вещи»⁸.

Традиция Деобанда не признает племенную и феодальную иерархию, откуда идет и недоверие к вождям племен и кланов, которых они лишили всякого влияния. И талибов, и последователей деобандизма объединяет вражда к шиитам в Афганистане и к Ирану.

Марсден полагает, и опять мы согласны с ним, что на талибов оказывает важное значение пуштунвали (традиционный кодекс чести и принципов поведения, принятый в провинциях, населенных пуштунами). Положения кодекса чести пуштунов в некоторых случаях находятся в противоречии с законами ша-

⁷ Медресе Дар-уль-Умум Хакания основана выпускником и преподавателем медресе в Деобанде мауланой Абдул Хаком, отцом Самуила Хака. Медресе расположена в местечке Ахор Хатак в СЗПП, имеет интернат на 1500 человек, среднюю школу на 1000 учеников и 12 филиалов – малых медресе. Хакания содержится на пожертвования и берет плату за обучение. Медресе предлагает восьмилетний курс магистра искусств по исламским исследованиям и степень доктора философии после добавочных двух лет обучения.

⁸ *Ur-Rehman Z.* Where Afghanistan's new Taliban leaders went to school // New York Times. Nov. 25, 2021. URL: <https://www.nytimes.com/2021/11/25/world/asia/pakistan-taliban-afghanistan-madrassa.html> (дата обращения 01.09.2022).

риата и Корана. Например, пуштунвали требует кровной мести даже против правоверного мусульманина, а в законах шариата и Коране говорится, что нельзя убивать верующего, иначе как по ошибке. По кодексу пуштунвали огромное значение придается гостеприимству, храбрости, галантности, а также защите своей чести или чести женщины. [Марсден 2022, с. 184].

Если уж совсем погрузиться в глубь положений пуштунского кодекса чести, то можно предположить, что лидер движения «Талибан» мулла Омар, руководствуясь принципом гостеприимства, в сентябре 2001 г. отказался выдавать Вашингтону Усаму бен Ладана, находившегося на территории Афганистана. Такая версия выглядит романтической, но маловероятной.

Марсден отмечает, что исторически в Афганистане сложились и существуют разногласия между пуштунвали и исламом, между исламом и улемами, основными проводниками учения, что означало шаг вперед от племенного строя к возвышению над архаичными традициями. Эти противоречия нашли свое выражение в борьбе за власть и влияние между улемами и вождями племен, которых поддерживали муллы. Время от времени улемы призывали население в тех местах, где традиционно обитали племена, к джихаду, и те повиновались, невзирая на власть местных вождей. Важным элементом в истории пуштунских племен является тот факт, что приверженцы пуштунвали придают куда большее значение содержащейся в нем системе ценностей, чем своей принадлежности к пуштунам. Таким образом, в философии движения «Талибан», зародившегося в Кандагаре, на землях, где испокон веков проживали пуштунские племена, много общего с ценностями пуштунвали.

Марсден обращает внимание на то, что талибы проводят дискриминационную политику. Идеологи талибов исповедуют крайне консервативные взгляды в отношении статуса женщин в афганском обществе. Он выделяет в их политике четыре ключевых принципа: запрет женщин на труд, за исключением области здравоохранения⁹; до составления специальных программ временный запрет права женщин на получение образования; введение строжайших предписаний по части одежды как для мужчин, так и для женщин (лица женщин должны быть постоянно закрыты); введение строгого надзора за женщинами во время их

⁹ В 2022 г. талибы разрешили женщинам работать в таможенной службе, полиции и в Министерстве поощрения желательного и запрещения предосудительного. Это вызвано необходимостью досмотра задерживаемых женщин.

пребывания вне дома, чтобы исключить всякую возможность их общения с незнакомыми мужчинами, при этом женщину должен сопровождать кто-то из родственников-мужчин. Самым строгим образом соблюдается запрет на право женщин трудиться в области образования. Запрет на право женщин получать образование талибы поставили в зависимость от создания соответствующих учебных планов и программ. Целью этого было обеспечить, чтобы следующему поколению изначально прививалась надлежащая идеология [Марсден 2022, с. 190–192].

Как мы видим, ключевые запреты талибов сохранились и после их прихода к власти в 2021 г. Несмотря на то что мировое сообщество в лице ООН, другие международные организации и большинство стран мира, в том числе и Организация исламского сотрудничества и мусульманские страны убеждают талибов в том, что образование равно обязательно и для мужчин и для женщин, призывают талибов открыть школы для девочек старше шестого класса и обеспечить право женщин на труд и образование, сдвинуть с места этот злободневный вопрос пока не удастся. Талибы не выполнили своего обещания открыть школы для девочек в марте 2022 г. и по-прежнему твердят, что для введения обязательного обучения требуются определенные условия. Талибы опасаются, что женщины, получив образование, в лучшем случае откажутся от традиционных для мусульман ценностей, а в худшем – возьмут для себя за образец аморальное поведение европейских женщин. В связи с запретами талибов, в Кабуле, Герате, Кандагаре, Джелалабаде и других афганских городах царит атмосфера страха, многие женщины боятся появляться на улице, если в этом нет острой необходимости, и находятся в состоянии депрессии.

После прихода талибов к власти в Афганистане в августе 2021 г. ни одно правительство не признало восстановленный Исламский Эмират Афганистана. Международное сообщество требует от талибов формирования инклюзивного правительства с включением в него представителей всех основных народностей страны, соблюдения прав человека и прав женщин, организации борьбы с наркотиками и терроризмом и недопущения угроз с территории Афганистана соседним странам. Однако, как и четверть века назад, талибы полагают, что страны Запада пытаются вмешиваться во внутренние дела Афганистана, и не спешат выполнять предъявленные требования. Талибы в вопросе получения международного признания очень рассчитывают на посредничество России, поддержку Китая, Катара и Пакистана.

Подводя итог своему исследованию, Марсден отмечает, что движение «Талибан» стало важным явлением в современном

Афганистане. Благодаря своему крайнему радикализму оно приняло на себя символическую роль в противостоянии доминирующему положению США, а Вашингтон, пытаясь ограничить влияние талибов в регионе, пока не достиг видимых результатов.

Необходимо отметить, что в книге Марсдена допущены некоторые ошибочные суждения. Например, он утверждает, что военный переворот в Афганистане в апреле 1978 г., организованный НДПА, произошел при поддержке СССР [Марсден, с. 57–58], однако научные исследования российских и зарубежных авторов говорят о непричастности СССР к этому драматическому событию в Кабуле [Акимбеков 2015, с. 278–279; Фейфер 2013, с. 31; Христофоров 2016, с. 64]. Марсден наивно полагает, что поставка ПЗРК «Стингер» стала решающим фактором, обернувшимся поражением советских войск в Афганистане [Марсден, с. 59]. Советские войска не потерпели военного поражения в Афганистане, они были выведены из страны в связи с невозможностью решить афганские проблемы военным путем [Христофоров 2019, с. 3–21]. В книге встречаются неточные наименования «Народная Демократическая Республика Афганистан» [Марсден, с. 201] – правильно Демократическая Республика Афганистан (1978–1987); «Совет по делам безопасности при ООН» [Марсден, с. 243], правильно Совет Безопасности ООН; утверждения о том, что советские войска были введены в Афганистан в феврале 1979 г. [Марсден, с. 216], в действительности – в декабре 1979 г.

Названные и другие неточности могли быть устранены при подготовке книги к печати при условии научного редактирования текста. Вместе тем указанные неточности не влияют на ценность проведенного Марсденом исследования сложных религиозных и этнических переплетений в движении «Талибан», и его книга занимает достойное место в ряду работ, посвященных этому исламистскому движению, пониманию идеологии и философии, а также отношения движения к религиозным и этническим вопросам в Афганистане.

Литература

- Акимбеков 2015 – Акимбеков С.М. История Афганистана. Астана; Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2015. 848 с.
- Белокреницкий, Сикоев 2014 – Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2014. 216 с.
- Марсден 2022 – Марсден П. Талибан. Война и религия в Афганистане / Пер. с англ. Е. Егоровой, Е. Клиновой. М.: Изд. дом «Городец», 2022. 320 с.

- Рашид 2003 – *Рашид А.* Талибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии / Пер. с англ. М. Поваляева. М.: Библион – Русская книга, 2003. 368 с.
- Фейфер 2013 – *Фейфер Г.* Большая игра: война СССР в Афганистане / Пер. с англ. М. Крыгина. М.: Эксмо, 2013. 336 с.
- Христофоров 2016 – *Христофоров В.С.* Афганистан: военно-политическое присутствие СССР: 1979–1989 гг. М.: ИРИ РАН, 2016. 544 с.
- Христофоров 2019 – *Христофоров В.С.* Афганские события 1979–1989 гг.: от познания к осмыслению и признанию // Российская история. 2019. № 6. С. 3–21.
- Coll 2004 – *Coll S.* Ghost wars. The secret history of the CIA, Afghanistan, and Bin Laden, from the Soviet invasion to September 10, 2001. N.Y.: Penguin Press, 2004. 695 p.

References

- Akimbekov, S.M. (2015), *Istoriya Afganistana* [History of Afghanistan], IMEP pri Fonde Pervogo Prezidenta, Astana, Almaty, Kazakhstan.
- Belokrinitsky, V.Ya. and Sikoev, R.R. (2014), *Dvizhenie Taliban i perspektivy Afganistana i Pakistana* [The Taliban movement and prospects for Afghanistan and Pakistan], Institut vostokovedeniya RAN, Moscow, Russia.
- Marsden, P. (2022), *Taliban. Voina i religiya v Afganistane* [Taliban. War and religion in Afghanistan], Publishing House “Gorodets”, Moscow, Russia.
- Rashid, A. (2003), *Taliban. Islam, neft’ i novaya Bol’shaya igra v Tsentral’noi Azii* [Taliban. Islam, oil and the new Great Game in Central Asia], Biblion – Russkaya Kniga. Moscow, Russia.
- Feifer, G. (2013), *Bol’shaya igra: voina SSSR v Afganistane* [The Big Game. The Soviet war in Afghanistan], Eksmo, Moscow, Russia.
- Khristoforov, V.S. (2016), *Afganistan: voenno-politicheskoe prisutstvie SSSR: 1979–1989 gg.* [Afghanistan. The military-political presence of the USSR. 1979–1989], IRI RAN, Moscow, Russia.
- Khristoforov, V.S. (2019), “Afghan events 1979–1989. From cognition to comprehension and recognition”, *Russian History*, no. 6, pp. 3–21.
- Coll, S. (2004), *Ghost wars. The secret history of the CIA, Afghanistan, and Bin Laden, from the Soviet invasion to September 10, 2001*, Penguin Press, New York, USA.

Информация об авторе

Василий С. Христофоров, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; xvsarhiv@rambler.ru

Information about the author

Vasily S. Khristoforov, Dr. of Sci. (Law), professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; xvsarhiv@rambler.ru

УДК 327.54

DOI: 10.28995/2073-6339-2022-4-108-115

Растопить лед холодной войны
при помощи академического диалога

Рецензия на книгу: Окончание холодной войны
в восприятии современников и историков, 1985–1991 /
Под ред. О.В. Павленко, В.И. Журавлевой. М.: РГГУ, 2021. 301 с.

Александр И. Кубышкин

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, kubyshkin.alexander@gmail.com*

Для цитирования: Кубышкин А.И. Растопить лед холодной войны при помощи академического диалога. [Рец.]: Окончание холодной войны в восприятии современников и историков, 1985–1991 / Под ред. О.В. Павленко, В.И. Журавлевой. М.: РГГУ, 2021. 301 с. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 4. С. 108–115. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-4-108-115

To melt the ice of the Cold War
with the help of academic dialog

Book review: The end of the Cold War in representations
of its contemporaries and historians, 1985–1991 /
Ed by O.V. Pavlenko, V.I. Zhuravleva. M.: RGGU, 2021. 301 p.

Alexander I. Kubyshkin

*Saint-Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia, kubyshkin.alexander@gmail.com*

*For citation: Kubyshkin, A.I. (2022), "To melt the ice of the Cold War with the help of academic dialog. [Book review]: The end of the Cold War in representations of its contemporaries and historians, 1985–1991 / Ed by O.V. Pavlenko, V.I. Zhuravleva. M.: RGGU, 2021. 301 p.", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 108-115, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-4-108-115*

© Кубышкин А.И., 2022

"Political Science. History. International Relations" Series, 2022, no. 4 • ISSN 2073-6339

В современную эпоху глобального кризиса, продолжающихся экономических, политических и военных конфликтов, в эпоху нарастания нестабильности и неопределенности интерес к истории холодной войны не только не уменьшается, но и приобретает еще более важное и актуальное значение. Оставаясь в значительной мере предметом изучения и анализа среди политологов, социологов, экономистов и культурологов, эта тема приобретает все более выраженный академический характер. Свидетельством тому является и выход в свет в Издательстве РГГУ рецензируемой коллективной монографии.

Хотя на первый взгляд издание напоминает традиционный сборник статей, объединенных общей тематикой, это все же именно монография, поскольку авторам удалось найти стержневые проблемы, а точнее, одну ключевую проблему – факт завершения полувекowego системного противостояния двух сверхдержав. Им также удалось объяснить причины, динамику процесса и его результаты. Результаты, как известно, были противоречивы. В этой противоречивости современные исследователи ищут истоки нынешнего обострения отношений между Россией и коллективным Западом, выдвигая в качестве одного из основных акторов конфликта вместо распавшегося СССР современную Россию.

Несмотря на многочисленные рассуждения о нынешнем кризисе как новом варианте или продолжении холодной войны (холодная война 2.0), период завершения конфронтации двух различных систем в послевоенные годы имеет довольно четкие хронологические рамки – 1985–1991 гг., когда ускоренными темпами и, увы, с неоднозначными последствиями произошел демонтаж институтов холодной войны.

Авторский коллектив монографии включает многих известных историков, специалистов из университетов и научных центров России (РГГУ, МГИМО (У), СПбГУ, ИВИ РАН, ИСКРАН, Институт славяноведения и балканистики РАН), а также университетов США и Австрии.

Библиография по теме истории холодной войны огромна¹. Не менее внушительна и историография проблемы [Romero 2017]. Несмотря на то что ключевой проблемой в истории холодной войны считается динамика отношений, конфликта и взаимодействия между СССР и США, история холодной войны изучается в десятках стран Европы, Азии, Африки и Латинской Америки.

¹ The Bibliography of the New Cold War History / Ed. by Cs. Békés. Budapest: Cold War History Research Center, 2017.

Но наиболее активно эти исследования проводятся именно в России и США.

Фундированность монографии производит впечатление. Авторы не только широко используют большое количество опубликованных документальных источников и специальной литературы, но и впервые вводят в научный оборот множество ранее не опубликованных архивных документов, мемуарных сочинений, материалов прессы, устных и письменных свидетельств современников событий и т. д. Все это делает монографию значительным и ценным вкладом в развитие источниковедения и историографии холодной войны.

Структура монографии включает три раздела и четырнадцать глав. Текст сопровождается именным указателем, информацией об авторах и иллюстрациями.

Отличительной чертой рецензируемой монографии представляется взвешенный и сбалансированный подход к анализу как внутренних, так и внешних факторов в процессе завершения холодной войны, а также к обсуждению возможных альтернативных вариантов развития событий. Этой проблеме посвящены главы в первом разделе книги. В них дается оценка внешнего фактора, выразившаяся в значительной смене внешнеполитического курса СССР в период перестройки, направленная на ослабление международной напряженности, развитие взаимодействия со странами Запада и на укрепление международной безопасности (О.В. Павленко).

Известный российский специалист по истории холодной войны профессор МГИМО (У) В.О. Печатнов в острой полемической форме обосновывает тезис о возможной альтернативе тем негативным процессам, которые в результате наслоились на распространение (особенно в американском и западноевропейском политическом истеблишменте) мнения об абсолютном выигрыше США в холодной войне. В.О. Печатнов полагает, что реальное превосходство США в области экономики, обладание мощными политическими и военными ресурсами, а также глубоко продуманная внешняя политика Вашингтона, последовательно осуществляемая администрациями Р. Рейгана и Дж. Буша-старшего, позволили толковать исход холодной войны как безусловную победу США, что и выразилось в распаде сначала социалистической системы, а затем и Советского Союза.

Именно внутренние кризисные факторы ослабляли эффективность действий советской дипломатии, выступавшей с позиций слабого и неизбежных уступок. Конечно, с временной дистанции легче разглядеть причины упущений и ошибок, но это не

исключает главного, а именно то, что экономическая, политическая и межнациональная тактика, отсутствие традиции разработки и осуществления долговременной внешнеполитической стратегии (хотя некоторые ее элементы были сформулированы в теоретических работах М.С. Горбачева) привели к столь печальным результатам.

Уступчивость и желание сотрудничать с СССР, обсуждать возможность разнообразной помощи, в том числе и экономической, как показывает профессор Стэнфордского университета Д. Холловэй, объяснялись важнейшим фактором – предотвращением ядерной войны в условиях нарастающего кризиса. Обе стороны в формировании своей политики в области ядерных вооружений исходили из принципов теории политического реализма. Процессы ядерного разоружения, начавшиеся в 1970-е гг., проходили в атмосфере острого соперничества. Гонка вооружений достигла своего апогея в начале 80-х гг. прошлого века и грозила перейти в околоземное пространство (стратегическая инициатива Р. Рейгана).

Д. Холловэй аргументированно связывает результаты ослабления напряженности в этой области с итогами переговоров на Мальте и в Рейкьявике, где обе стороны смогли приблизиться к определенному компромиссу. Этот компромисс в большей степени устраивал американскую сторону, но оказался неизбежен для советской стороны в условиях нарастающего кризиса внутри Советского Союза и в странах Восточной Европы.

По мнению известного специалиста по истории СССР и России профессора Гарвардского университет М. Крамера, распад Советского Союза был показательным случаем «прерывистого изменения» (*Discontinuous change*). Автор использует разнообразные источники, в том числе и социологические, демонстрирующие глубокий институциональный кризис внутри советского общества, выразившийся в снижении влияния партии и комсомола, в росте общественной апатии и негативистских настроений, с одной стороны, и в нарастании активности молодежи и представителей средних слоев в поддержку политики перестройки с другой. М. Крамер показывает, что, несмотря на попытки демократизировать общество и модернизировать систему государственного управления (огаревский процесс), распад СССР был неизбежен и обусловлен как экономическим фактором, так и утратой КПСС своей монополии на власть, что дало мощный импульс для усиления национализма и сепаратизма в союзных республиках и предопределило в конечном счете распад Советского Союза.

А.Б. Безбородов, в свою очередь, солидаризируется с теми исследователями, которые считают несомненным выигрышем Запада резкое сокращение, если не упадок советского военно-промышленного комплекса (ВПК). Автор уделяет особое внимание процессу адаптации ВПК к новым условиям в последние годы существования СССР и влиянию политических инициатив на экономические и технологические реалии в области вооружений и военных технологий. Несмотря на огромные проблемы, в том числе и социально-экономические, стратегические вооруженные силы смогли сохранить свои ресурсы и значение. Не прекращались и опытно-конструкторские разработки, нацеленные на использование в будущем. Об этом свидетельствует тот примечательный факт, что многие виды вооружения, разработанные в СССР, успешно используются и в постсоветской России, с чем были вынуждены считаться и западные партнеры по переговорам.

Безусловно, огромное значение имели и политические изменения в Восточной Европе, исчезновение социалистической системы, воссоединение Германии и т. д. Эти вопросы подробно рассматриваются во втором разделе книги. Здесь содержатся информативные и содержательные материалы об активизации демократических сил в Восточной Европе в целях проведения экономических и социальных реформ (С. Карнер) и о политических изменениях в восточноевропейских странах в результате «бархатных революций» (А.С. Стыкалин), Ф.О. Трунов детально анализирует сценарии свертывания советского военного присутствия на территории Восточной Германии, а Б.Л. Хавкин отмечает активную роль западногерманских деловых кругов в создании возможностей делового сотрудничества между двумя частями еще разделенной Германии. Кризис на Балканах и распад Югославии стали предтечей и предостережением развития наихудшего варианта утраты государственной самостоятельности для СССР, о чем пишет С.А. Романенко.

Большое значение в процессе ослабления конфронтации имела и культурная дипломатия США в отношении СССР и стран Восточной Европы. Известный специалист в этой области профессор СПбГУ Н.А. Цветкова полагает, что именно реформы в Советском Союзе дали возможность США представить новые проекты культурной дипломатии, которые были обеспечены значительными финансовыми средствами и весьма квалифицированным персоналом. Эти проекты среди прочего сопрягались с поддержкой оппозиции в странах Восточной Европы. На смену «культурному империализму» 40–60-х гг. прошлого века пришли на первый взгляд деидеологизированные модели, проповедовав-

шие общедемократические ценности, хотя, разумеется, и в американской интерпретации.

Перемены в СССР и вокруг него привели к чрезвычайно бурному процессу взаимодействия и переосмысления характера связей не только между политиками, военными, бизнесменами, но и представителями общественных организаций и академического сообщества, наконец, между простыми людьми. Значение этого фактора нельзя игнорировать, поскольку именно академическое сообщество выступает не только в роли исследователя, эксперта и интерпретатора, но и в качестве агрегатора коммуникации и налаживания взаимовыгодного и взаимопольного сотрудничества. Об этом рассуждают авторы третьего раздела, стремящиеся рассмотреть изменения в сознании людей по обе стороны Атлантики в эпоху окончания холодной войны. Профессор Ратгерского университета Д. Фоглесонг, хорошо известный у нас в стране своей энергичной деятельностью в области сохранения и укрепления научных и культурных связей между США и Россией, отмечает, что именно гражданская дипломатия в наиболее выразительной форме способствовала десакрализации укоренившихся политических и культурных мифов и стереотипов, тем самым способствуя укреплению доверия.

Профессор РГГУ, известный историк-американист В.И. Журавлева рассматривает процесс завершения «холодной войны образов», обращаясь к анализу карикатуристики, кинематографа и мультипликации на основе социально-конструктивистского подхода к изучению советско-американских отношений. Автор вводит в научный оборот не только новые визуальные материалы, но и источники о начавшихся обменах между сатириками и юмористами двух стран, которые на излете холодной войны начали смеяться вместе над стереотипами друг друга, отправляя их на свалку истории.

Роль научной и образовательной дипломатии США в Советском Союзе рассматривается М.М. Сиротинской (РГГУ, ИВИ РАН). Кстати, взаимное открытие доступа в архивы и развитие академических обменов в огромной степени способствовали переходу на новый качественный уровень как американистики в СССР и России, так и русистики в США [Большакова 2013]. Народная дипломатия и расширение академических и научных связей способствовали возникновению культуры академического и политического диалога, о которой пишет Н.И. Ажгихина. Добавим, что эта культура диалога, к сожалению, развивалась сравнительно недолго и подверглась со временем серьезной деформации.

В рецензируемой работе отсутствует заключение, но ее содержание позволяет прийти к некоторым выводам. Авторы единодушны в том, что окончание холодной войны было благом для всего мира, для народов США и СССР и, безусловно, стало знаменательным событием в истории человечества. Однако результаты этого процесса были неоднозначными для СССР, и социалистическая система распалась, что породило многочисленные коллизии как на постсоветском пространстве, так и в бывших союзниках Советского Союза. Биполярный мир разрушился, и на статус главного гаранта мироустройства стал претендовать коллективный Запад во главе с Соединенными Штатами. Распад Советского Союза был не следствием прекращения холодной войны, а результатом разрушительных экономических, политических и социальных тенденций внутреннего порядка. Внешний фактор (гонка вооружений и конфронтация с Западом) имел важное, но вторичное значение (В.О. Печатнов).

Важной задачей является сохранение научного и академического диалога, неприятие изоляционизма и выработка долгосрочной стратегии академической и научной политики, которая бы способствовала сохранению каналов взаимодействия в целях предотвращения возврата к худшим стереотипам времен «Первой мировой холодной войны». О необходимости продолжения такого диалога убедительно свидетельствуют материалы рецензируемой монографии, которая, несомненно, представляет большой интерес не только для специалистов, но и для всех интересующихся историей новейшего времени.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305, «Образы врага в массовой культуре Холодной войны: содержание, современная рецепция и использование в символической политике России и США», <http://rscf.ru/project/22-18-00305/>, РГПУ им. А.И. Герцена, исполнитель по гранту

Acknowledgements

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation “The enemy images in the Cold War popular culture: their content, contemporary reception and usage in Russian and U.S. symbolic politics,” № 22-18-00305, <http://rscf.ru/project/22-18-00305/>, RSPU them. A.I. Herzen, Grant Contractor

Литература

- Большакова 2013 – *Большакова О.В.* Поверх барьеров: Американская русистика после холодной войны. М.: ИНИОН РАН, 2013. 238 с.
- Romero 2017 – *Romero F.* Cold War historiography at the crossroads // *Cold War History*. 2014. Vol. 14. No. 4. P. 685–703.

References

- Bol'shakova, O.V. (2013), *Poverkh bar'eroov. Amerikanskaya rusistika posle kholodnoi voiny* [Over the barriers. Russian studies in the US after the Cold War], INION RAN, Moscow, Russia.
- Romero, F. (2014), "Cold War historiography at the crossroads", *Cold War History*, vol. 14, no. 4. pp. 685–703.

Информация об авторе

Александр И. Кубышкин, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; Россия, 191060, Санкт-Петербург, ул. Галерная, д. 58–60; kubyshkin.alexander@gmail.com

Information about author

Alexander I. Kubyshkin, Dr. of Sci. (History), professor, Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 58–60, Galernaya St., Saint-Petersburg, Russia, 191060; kubyshkin.alexander@gmail.com

Дизайн обложки
Е.В. Амосова
Корректор
О.Н. Картамышева
Компьютерная верстка
Е.Б. Рагузина

Подписано в печать 08.12.2022.

Формат 60×90¹/₁₆

Уч.-изд. л. 7,0. Усл. печ. л. 7,3.

Тираж 1050 экз. Заказ № 1622

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru